

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАРТ
2011**

**АДАР
5771**

N 3(227)

ЛЕХАИМ 3/227

*Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года*

*Главный редактор
Борух Горин*

*Административный директор
Яков Ратнер*

*Ответственный секретарь
Елена Калло*

*Художественный редактор
Евгения Черненкова*

*Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова
Ишайя Гиссер
Галина Зеленина
Александр Иличевский
Афанасий Мамедов
Ирена Подольская
Иеуда Рабейко
Михаил Эдельштейн*

*Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский*

*Корректор
Виктория Рябцева*

*Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев*

*Художники
Павел Шевелев (с. 38–40)
Александр Горнов (с. 64, 67,
71, 75, 76)
Дмитрий Шинбин (с. 78, 80,
82, 84, 86)
Илья Баркуцкий (с. 87)
Дмитрий Швионков-Кисмелов (приложение)*

*Фотографы
Вадим Бродский (с. 1)
Николай Королев (с. 4, 6, 7)
Anton Vock, Hans Vock, фото
предоставлено Bruno Frei (с. 21)
Андрей Горелик (с. 45, 47)
Из личного архива
Сергея Гандлевского (с. 48–50)*

*Фото предоставлены агентствами
Österreichische Nationalbibliothek (с. 16, 20)
РИА «Новости» (с. 42, 43)
Фото ИТАР-ТАСС (с. 43, 111)
Центр «Сэфер» (с. 52)*

На обложке
Марк Эпштейн. Эскиз костюма Калмана-шадхена к спектаклю «Цвей кунилемлех».
1924 год

Подписано в печать 16.02.11.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ру>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Насколько же сер и убог должен быть телепейзаж, чтобы самым популярным сюжетом за длительное время стало обсуждение в медицинской передаче предполагаемого положительного эффекта обрезания! Конечно, пусть даже рано утром в будний день, но происходившее не могло не привлечь заинтересованного зрителя. Ведущая, госпожа Малышева, для наглядности, в качестве... эээ... ну, скажем, оперируемого органа представила некую даму в водолазке. Ей натянули воротник свитера на голову, продемонстрировали, как это негигиенично, и, «чтоб голова дышала», отрезали «крайнюю плоть» — воротник, отхватив по случаю и клочок волос. Одна из радиостанций на следующий день вроде разыскала прославившуюся даму, побеседовала с ней в эфире, назвав ее Леной Головач... Ну, до имени я еще всему этому почти верил, но звать-то ее так не могут!

В общем, передача удалась. На данный момент ее запись в Интернете посмотрело более трех миллионов человек. Народ, кажется ко всему уже привыкший, захлебнулся негодованием. Что показывают, братцы, православным?! Что за непотребство над бедной женщиной учинили?! Знамо дело, и заговор усмотрели, благо о месте обрезания в еврейской традиции позвали поведать представителя ФЕОР. Секунд десять Александр Борода отработывал свой долг, а оставшееся время наблюдал за происходящим с нескрываемым изумлением.

Очевидно, что устроители этого медликбеза и сами не очень ожидали фурора. Но сошлось все: евреи, медицина и почти секс — с такими ингредиентами продукт был просто обречен на ажиотажный спрос. По циничным законам жанра теперь пойдет как по маслу: накладные груди, метровые вагины и анусы. Главное, все под благородным соусом медицинского просвещения. Для начала, конечно, неплохо было бы преодолеть животные инстинкты, но до того ли?..

По моим грубым подсчетам, около 70% комментариев на ролик в Интернете принадлежит к популярному жанру параноидального антисемитизма. Это не новость, однако любопытно наблюдать непреходящий интерес активного юзера к исчезающему на необъятных просторах России этносу. Разумеется, интерес этот клинического свойства, но ведь и среди беснующихся «болельщиков» на Манежке хватало психически неадекватной публики. Менее опасными они от этого не становятся. И настоящих буйных не так уж мало, и хватает вожаков.

А выводы-то какие? Да нет у меня никаких готовых выводов. По обе стороны экрана зашкаливает дикость, от которой оторопь берет. И водолазку жалко, и зрителя, ну и себя немного. Себя, потому что «если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря» уже не проходит — Интернет настигнет.

Хорошо, впрочем, что анекдотов про обрезание в передаче не рассказывали.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

СОСТАВИТЕЛЬ ИШАЙЯ ГИССЕР

**В летнем лагере «Ган-Израэль», организованном днепропетровской общиной
в крымском поселке Баланово.**

2005 год

29 I ÈÑÀÍÀ 5723

<...> Лагерь «Ган-Израэль» был назван в честь рабби Израэля Бааль-Шем-Това, который более двухсот лет назад начал процесс обновления еврейского духа и еврейской жизни. Его духовным наследником и толкователем его учения стал рабби Шнеур-Залман из Ляд, автор Таньи и Шульхан арух а-Рав. В этом году мы отмечаем 150-летнюю годовщину его смерти. Подобно Бааль-Шем-Тову, рав Шнеур-Залман посвятил себя заботе о еврейских детях еще до того, как возглавил крупное религиозное движение Хабад, которое по сей день обновляет и поддерживает все проявления еврейской жизни, прежде всего аутентичное религиозное образование.

Лагерь «Ган-Израэль» был создан, чтобы реализовать основополагающий принцип тройственной любви, основу учения Бааль-Шем-Това и рабби Шнеура-Залмана из Ляд: любви к Всевышнему, любви к Торе и любви к евреям. Эти принципы объединяют всех [работающих в лагере «Ган-Израэль»] администраторов, воспитателей и вожатых. Благодаря этому он оказывает необычайно сильное воздействие на еврейских детей, а потому заслуживает щедрой поддержки как общины, так и каждого, кому не безразличны интересы наших детей.

Пусть же это торжественное событие вдохновит всех его участников, а также их друзей на то, чтобы они оказали этому лагерю необходимую поддержку. И пусть эта поддержка позволит не только продолжить работу на прежнем уровне, но и расширить ее в соответствии с настоятельным требованием момента. Желаю каждому из вас, чтобы ваши дети доставляли вам настоящее еврейское удовольствие («нахес»), а также крепкого здоровья и благополучия, материального и духовного. <...>

15 ÁÁÁÐÀ 5715

<...> Если и в прежние времена ешива была не только учебным заведением для изучающих Талмуд, но стремилась развивать моральные качества учеников, то сегодня особенно необходимо, чтобы она давала глубокое знание Торы и обеспечивала благоприятную атмосферу для воспитания и нравственного совершенствования своих студентов. Одна из главных задач ешивы «Томхей тмимим» — привить студентам чувство ответственности, чтобы, покинув это учебное заведение и вернувшись в свои общины, они стали для окружающих «источниками света» Торы и подлинной еврейской жизни.

<...> Однако недостаточно поддерживать существование ешивы на нынешнем уровне, необходимо, чтобы она развивалась как живой организм. <...>

Î äëùøè á «Ááí-Ëñäýéù».

Î äáññä

2005 ä ä

11 Í ÈÑÁÍ À 5718

<...> Не сомневаюсь, что господин N передал Вам мою просьбу относительно раздельного обучения мальчиков и девочек. Мне было приятно узнать о Вашем отношении к этому вопросу и убедиться, что Вы также считаете необходимым такое разделение. Но все же наши мудрецы, благословенной памяти, сказали: «именно расторопных и есть смысл поторапливать» (Ялькут Шимони, Дварим, 25). Кроме того, такова природа человека: когда он знает, что у него есть единомышленники, его уверенность в успехе предприятия укрепляется.

Не сомневаюсь, что господин N изложил Вам мою точку зрения, состоящую в том, что раздельное обучение — вопрос не только религиозный, но и моральный, и, если хотите, относящийся к воспитанию вообще, а это легко понять каждому. Ведь общеизвестно, к каким негативным последствиям привело совместное обучение (это касается и морали, и самого образовательного процесса): оно отрицательно отражается на способности концентрироваться, на дисциплине и практических занятиях. Вскоре оно начинает плохо влиять на восприятие материала и т. д.

Полагаю, совершенно излишне подробно излагать Вам все это. Но если вести настойчиво соответствующую разъяснительную работу, со временем удастся переубедить и тех, у кого есть влияние и возможность исправить нынешнюю ситуацию. <...>

ḂĪ Ø Ā-ØĪÄÄ Ø ÑÈÄĀĪ, 5734

<...> Стоит заметить, что, в отличие от других праздников, у праздника Шавуот нет фиксированной даты, поскольку в Торе не сказано, что его празднуют в определенный день такого-то месяца, но только (Ваикра, 23:16) на пятидесятый день счета омера, который начинают во второй день Песаха, праздника освобождения из египетского рабства.

Тем самым Тора указывает, что Шавуот, праздник Дарования Торы, — кульминация праздника освобождения, Песаха. Ибо подлинная и полная свобода, материальная и духовная, на личном и коллективном уровне, может быть достигнута только посредством Торы.

Мы живем в особую эпоху и в особой стране[1], где, несмотря на внешнюю «свободу», общество в целом и молодежь особенно все еще находятся в «рабстве» и не знают, как преодолеть духовное и психологическое смятение. Наша Тора — единственная надежда на то, что еврейским детям удастся избежать такой судьбы. Это значит, что им необходимо получать в ешиве настоящее религиозное воспитание, продолжающее традицию, начало которой было положено на горе Синай. Тора во всей своей святости, Тора истины должна оставаться неприкосновенной; здесь невозможны никакие уступки и компромиссы. <...>

***Ā ēāōĪ āī ēāāāda «Āāī-Ēñdāyēū».
Āāēāī Ī āī.***

2005 āā

15 ØĀĪ ØÇĀ 5723

<...> Надеюсь, что в программу конференции[2] будут включены пункты, которые можно быстро реализовать на практике, в полной мере используя сложившиеся сейчас благоприятные обстоятельства. Духовное пробуждение, характерное для значительной части нашего народа, и прежде всего молодежи, обеспечило нас новыми возможностями.

Те, кто действительно всерьез озабочен будущим нашей молодежи, знают, что ее духовный подъем в значительной мере следствие того, что в последние годы была осознана ограниченность и пустота различных философских учений, чуждых традиционной еврейской мысли, и их неспособность дать ответы на актуальные вопросы. У многих молодых людей, испытывающих сейчас духовный подъем, нет четкой цели и направления. Лишь немногим удалось проанализировать свой духовный опыт и ощутить связь с основами традиционного иудаизма. Так или иначе, духовное пробуждение привело к новой ситуации:

значительная часть еврейского народа стала гораздо восприимчивее и отзывчивее к попыткам наставить ее на истинный путь, путь Торы и заповедей.

К сожалению, открывшиеся возможности все еще не использованы в полной мере, и многие до сих пор блуждают в потемках, без руководства и наставлений, позволяющих найти путь к Б-гу. Прежде всего, им не хватает знаний о том, как поступать в повседневной жизни [в соответствии с Торой].

Эта проблема стоит наиболее остро для молодежи, которая отзывается на новые идеи с радостью и энтузиазмом. Молодые люди не боятся резко менять жизнь, если уверены, что им предлагают настоящую правду.

Особое внимание следует уделить мальчикам и девочкам школьного возраста, по поводу которых сказано в Торе: «и внушай их [слова Торы] твоим детям» (Дварим, 6:7). Эту заповедь мы дважды в день упоминаем в своих молитвах, произнося первый раздел Шма[3] и тем самым принимая на себя «ярмо Небесного Царства». Это требование повторяется и во втором разделе Шма (Дварим, 11:19), что указывает на необходимость дать детям еврейское образование и, прежде всего, научить их Торе, предшествующей всем добрым делам (см.: Кидушин, 40б, Бава кама, 17а): «Велико изучение Торы, приводящее к действиям».

Мы должны сделать все возможное, чтобы каждый еврейский ребенок учился в «дневной ешиве»[4], а если это недостижимо — чтобы каждый ребенок учился в еврейской школе[5]. Впрочем, хотя это основная цель, нельзя упускать из виду того, что многие дети не занимаются изучением Торы весь день напролет и даже вовсе не учатся в еврейских школах. Многие еврейские дети обучаются в государственных школах, и мы обязаны обратить внимание и на них, поскольку не вправе отчаяться и махнуть на них рукой. Сложившиеся обстоятельства требуют, чтобы мы не жалели усилий для сохранения в каждом еврейском ребенке «дос пинтале ид», «искры души», чтобы она не угасла, упаси Б-г! Мы обязаны обеспечить этим детям возможность ежедневно молиться, дабы «Имя Всевышнего было у них на устах» (Раши на Берешит, 39:3).

Следует ли объяснять, что все это — не главная наша цель? В идеале каждый еврейский ребенок должен учиться в ешиве. Однако, поскольку до этого еще далеко, нам нужно бороться за то, чтобы ученики государственных школ по крайней мере молились. Хотя исполнение заповеди молиться[6] — минимальное требование [Алахи], им нельзя пренебрегать, поскольку в государственных школах есть люди, непримиримо относящиеся к любым упоминаниям Творца и тем самым, независимо от их намерений, оскверняющие Имя Всевышнего.

Незачем повторять, что в данном случае речь идет о внеконфессиональной молитве. Для того чтобы гарантировать неконфессиональный характер [этой молитвы] во всех школах, в государственных учебных заведениях не должно быть чтения Библии, дабы не затрагивать религиозных аспектов, неприемлемых для некоторых[7].

Известен обычай, которого придерживался святой Бааль-Шем-Тов, и напоминание о нем поможет рассеять заблуждения многих людей, выступающих (вопреки Шульхан аруху!) против упоминания Имени Всевышнего в государственных школах.

Бааль-Шем-Тов считал одной из своих «священных обязанностей» побуждать людей к тому, чтобы они благословляли Всевышнего, и постоянно искал повод для этого. Например, он спрашивал их, как дела, чтобы они ответили ему: «Слава Б-гу». Мой тесть, блаженной памяти, отмечал, что Бааль-Шем-Тов поступал так не только в синагоге или дома, но и на улице, в лавке, в мастерской — в любое время и в любом месте.

Что касается федеральной помощи частным религиозным школам[8], то я неоднократно повторял, что в этом есть насущная необходимость, и нет никаких причин возражать против этого. Напротив, священная обязанность каждого, кто испытывает недостаток средств, открыто обратиться за помощью.

Пусть же члены Альянса раввинов, духовные лидеры многочисленных еврейских общин, а также ежегодная конференция Альянса недвусмысленно выскажут свое мнение по всем вышеперечисленным вопросам, подтвердив его программой реальных эффективных действий.<...> Пусть ваши труды во имя того, чтобы усилить значение Торы и заповедей в повседневной жизни членов ваших

общин увенчаются успехом. В вопросах святости всегда есть место для духовного роста, поскольку ее источник — Бесконечный (Эйн-соф), да будет Он благословен. <...>

יְדֻכְּלֵנוּ בְּיָדֵינוּ אֵלֹהֵינוּ וְעַד־כֵּן אֵלֹהֵינוּ אֵלֹהֵינוּ אֵלֹהֵינוּ

עֲשֵׂנוּ אֵלֹהֵינוּ אֵלֹהֵינוּ עֲשֵׂנוּ אֵלֹהֵינוּ עֲשֵׂנוּ אֵלֹהֵינוּ

יְדֻכְּלֵנוּ

- [1]. Имеются в виду США.
- [2]. Это письмо адресовано участникам ежегодной конференции Альянса раввинов Америки.
- [3]. Молитва «Шма» («Слушай, Израиль») состоит из трех отрывков: Дварим, 6:4-9; 11:13-29, и Бемидбар, 15:37-41.
- [4]. Имеется в виду дневная школа, дающая также еврейское образование.
- [5]. Где уровень еврейского образования ниже, чем в ешиве.
- [6]. «...Повеление служить Ему, да будет Он превознесен <...> имеется в виду заповедь молитвы» (Рамбам, Книга заповедей, Повелевающие заповеди, 5). Эту заповедь можно исполнить, обращаясь к Б-гу с неформальной молитвой.
- [7]. Например, некоторых библейских пророчеств, которые по-разному понимаются евреями и христианами.
- [8]. Эту правительственную программу США нередко критикуют как противоречащую первой поправке Конституции США, согласно которой «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной».

ГНЕВ КОСТИ СУШИТ И СЕРДЦЕ КРУШИТ

נְהִי אִי אֵעָא אִי אִי דְאֵעִי אֵ דִי נְהֵעַ

Ааде Эацад

Читая книгу «Зоар», мы находим, среди прочего, интересное определение: «Каждый, кто гневается, подобен идолопоклоннику». Конечно, каждому известно, что гнев плохое чувство. У всех народов есть на этот счет поговорки: у русских, к примеру, — «гнев кости сушит да сердце крушит», у евреев — «чем больше ты гневаешься, тем больше все портишь»... Но все-таки как можно сравнивать гнев с идолопоклонством? Ведь гнев — это вроде бы только лишь несовершенство характера, а идолопоклонство означает отрицание Б-га, самый серьезный грех для верующего человека!

Мишна учит: «Кто сильный? Тот, кто сдерживает свои чувства». Гнев означает, что человек не в состоянии сдерживать свои чувства, они сильнее его. Это, кстати, очень хорошо чувствуют дети, когда мы их воспитываем. Дети прекрасно разбираются в нашем поведении: если ребенок, например, разбил чашку, а родители выходят из себя, он сразу делает вывод: чашка для них важнее, чем я. И все наши воспитательные усилия пропадают зря... Так что эта наша слабость — гнев — не заслуживает снисходительного отношения, она может привести к очень тяжелым последствиям...

Еще хуже, если мы сердимся на ребенка, не понимая, чего он хочет, — в этом случае результатом может быть травма на всю жизнь. Вспоминается в этой связи рассказ одного психолога о школьном учителе, который дал себе зарок не давать воли гневу. Если этот человек сердился, он полчаса держал гнев в себе, ничего не говорил. Однажды учитель пропустил автобус и впервые в жизни опоздал на пять минут на урок. Входит он в класс, и тут один ученик вынимает из кармана часы и показывает ему. Представьте себе чувства учителя! Он, конечно же, решил, что над ним издеваются. Но, верный своему слову, отложил демонстрацию своего гнева на полчаса — до конца урока. Прозвенел звонок, дети отправились на перемену, а тот мальчик с часами подошел и с улыбкой говорит: «Дорогой учитель, родители подарили мне часы, хочу вам показать: смотрите, какие красивые!..»

Этот пример показывает, к каким печальным последствиям может привести неконтролируемая вспышка гнева. Однако и отсюда до сравнения гнева с идолопоклонством дистанция велика. Почему же так строго судит гнев «Зоар»? Ответ на этот вопрос мы находим у Алтер Ребе. Если что-то произошло, учит основатель Хабада, это может быть только от Б-га. Б-г хочет нам добра, но иногда мы не понимаем Его указаний, и Он вынужден наказать нас, чтобы вернуть на правильный путь. Наказание возможно любым способом — через вещь, через другого человека... То есть если мы гневаемся, наш гнев направлен на орудие Б-га, а выступать против орудия Б-га мы не имеем права. Если же мы отрицаем справедливость наказания — мы отрицаем самого Б-га, считаем, что есть нечто сильнее, чем Б-г! Вот вам и «идолопоклонство»...

Способность человека не поддаваться гневу всегда считалась у хасидов великой добродетелью. Известна история о трапезе у Бааль-Шем-Това в дни Суккота. Когда Бешт сел за стол, окруженный учениками и почитателями, вошел один еврей по имени Давид — простой человек, не ученый, не богатый... И вдруг Бешт приветствует его и сажает рядом с собой, во главе стола! Ученики были поражены и после трапезы приступили к Бааль-Шем-Тову с расспросами. «Этот человек тяжело работает весь год, чтобы накопить на этрог к празднику, — рассказал Бешт. — В этом году у нас не было хороших этрогов, так он поехал в другой город, потратил все деньги и все-таки привез лучший цитрус! А дома его встретила сердитая жена, — ведь у нее не было денег на самое необходимое, — и отломала верхушку плода... Давид сперва взвился, ведь этрог стал некошерным, но потом сказал себе: что ж, значит, я не заслужил от Б-га, чтобы у меня был этрог на праздник, и Б-г использовал мою жену. Если я разгневаюсь на нее — совершу еще больший грех против Б-га! И он говорил с женой уважительно и с любовью...»

«Со времен заклания Ицхака человек не подвергался такому испытанию, — воскликнул Бааль-Шем-Тов, — поэтому не удивляйтесь, что я воздаю ему такие почести!»

Как же спастись от гнева? Основатели хасидизма предложили нам выход: заменить гнев радостью. Человек не может сердиться, раздражаться, гневаться, если знает, что все, что с ним происходит, — от Б-га. Если случилась неприятность — это урок, надо впредь жить так, чтобы наш небесный Отец

больше не посылал таких испытаний. Б-г хочет нам добра, поэтому что бы ни произошло — все к лучшему: принимая испытание с радостью, мы выйдем из него более сильными.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ИСПРАВЛЯЕТ ОШИБКУ РАЗУМА

עֲוֹנוֹת אֱמֹלֵק

Пишет рабби Моше бен Маймон (Рамбам): «Три заповеди были обязаны сыны Израиля исполнить после прихода в Страну [Израиля]: поставить над собой монарха... истребить потомство Амалека... и построить Храм» (Мишне Тора, «Законы о царях и их войнах», 1:1, 2). Рамбам подчеркивает, что порядок исполнения этих заповедей должен быть следующим: сначала — назначение монарха, затем — истребление потомства Амалека и лишь потом — строительство Храма.

На первый взгляд последовательность первых двух заповедей не вызывает вопроса: согласно закону, одна из основных задач царя — организация армии и ведение войн. Однако разве нельзя построить Храм ранее? Почему истребление Амалека — необходимое условие для воздвижения «избранного Дома»?^[1]

И еще один вопрос, более общего характера: почему предписание об истреблении Амалека вообще входит в число 613 заповедей Торы? Казалось бы, «что было — то было»^[2]: какое отношение к нам сегодня имеет этот народ, в незапамятные времена причинивший беды Израилю, но давно уже исчезнувший с лица земли?

Так почему же мы обязаны «помнить то, что сделал нам Амалек» (см. Дварим, 25:17, 18)? Прежде всего, Тора указывает, что это произошло «на дороге, во время вашего исхода из Египта», а «то, что сделал Амалек», Тора характеризует в следующих словах: «...который попался тебе на дороге и подрезал всех ослабевавших позади тебя (а ты был усталым и изнемогшим), и не боялся Б-га».

Здесь — суть всего, связанного с Амалеком. Кары, которые Всевышний насылал на Египет, обрушивались на него в течение целого года, и за это время весть о них разнеслась по всем народам. Поэтому сразу после исхода Израиля из Египта весь мир трепетал перед ним как народом, ради которого Всевышний совершил невообразимые чудеса. Раши (комм. к Дварим, 25:18) приводит такое сравнение. Представим себе бассейн, полный горячей воды, прыгнуть в который не осмеливается ни один человек; вдруг является «один негодяй» и... прыгает в него. Конечно, он обварился, однако охладил бассейн до такой степени, что в него смогли войти другие. Вот так же и Амалек: первым напав на Израиль после его исхода из Египта, он едва унес ноги, однако показал всему человечеству пример того, что и народу, избранному Б-гом, можно причинить вред. Таким образом, Амалек — первопричина всех бед, которые в будущем причинили Израилю другие народы.

Но есть и более глубокий аспект, на который намекает Тора, отмечая, что Амалек «не боялся Б-га». Так что дело не только в ненависти Амалека к Израилю (унаследованной им от его деда Эсава, которому он старался подражать во всех его нечестивых делах; см. Мидраш рабби Танхумы, Толдот, 8). Настоящей причиной того, что он напал на Израиль, был его бунт против высшей власти Творца. Амалек стремился доказать всем народам, что Всевышний не всемогущ, раз Он якобы не в состоянии предохранить Свой народ от ущерба. Суть борьбы Амалека с Израилем в том, что в действительности это война против Всевышнего, именно поэтому «...война у него [Г-спода] с Амалеком из рода в род» (Шмот, 17:15.).

Далее, как объясняет учение хасидизма[5], суть Амалека — высокомерие, не имеющее никакого основания, наглость, ненависть ко всему, превосходящему его в чем бы то ни было. Эти свойства дают ему уникальную силу противопоставить себя самому Всевышнему. Творец говорит: «Я — первый, и Я — последний...» (Йешаяу, 44:6), а про Амалека написано в Торе: «Первый из народов — Амалек...» (Бемидбар, 24:20). Амалек уверен, что обладает теми же достоинствами, как и Всевышний, и якобы равен Ему, — и потому не боится Его. Вот почему Амалек — источник мирового зла: ведь любое зло — это отход от Всевышнего, нарушение Его воли.

Поэтому борьба Израиля с Амалеком всегда имела духовную основу — независимо от конкретных причин, приведших к войне с ним. Ключ к пониманию сути всех столкновений с Амалеком дает нам Тора, описывая первую войну с Амалеком. «И было так: как поднимет Моше свою руку — одолевал Израиль, а как опустит свою руку — одолевал Амалек» (Шмот, 17:11). «Но разве из-за рук Моше побеждают в войне или терпят поражение?» — изумляется Гемара (Рош а-Шана, 29а) и сама же отвечает: «Рассказывая об этом, Тора хочет тем самым тебе сказать: все время, пока сыны Израиля всматриваются ввысь и подчиняют свои сердца своему Отцу в Небесах — они побеждают, а если нет — терпят поражение».

И там же Тора намекает на то, по какой причине Амалек приобретает такую силу, что осмеливается выступить против Всевышнего и Его народа. Оказывается, виноваты в этом сами евреи. Первая война с Амалеком произошла в месте под названием Рефидим, которое Гемара (Рош а-Шана, 29а) интерпретирует как сокращение слов «рафу ядаим», «ослабили руки», и объясняет: как только сыны Израиля допустили слабость в изучении того, в чем состоит воля Всевышнего, — в ее исполнение «пришел Амалек и стал воевать с Израилем...» (Шмот, 17:8)[6].

*Ńi adò ũ Āāāā (ó dāā áí ò).
Ādāāp dā Āpñō āāā Āí dā*

*èç ñāðèè
«Āèāèāèñèè ĩpae àò ũ».*

1864-1866 ā ā ũ

То же самое произошло спустя много-много лет, в начале эпохи Второго храма, когда подавляющее большинство еврейского народа не вернулось в Страну Израиля, а добровольно осталось в

изгнании, рассеявшись по всем странам гигантской империи персидского царя Ахашвероша. Евреи жили богато и беззаботно, поэтому не тревожились из-за начавшейся в их среде ассимиляции, все более и более частых отступлений от предписаний Торы и небрежного отношения к ее запретам. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Всевышнего, стало их участие в грандиозном пире, устроенном Ахашверошем в ознаменование того, что его власть над всем тогдашним цивилизованным миром стала безраздельной. Не говоря уж о том, что евреи на пиру, в угоду царю, ели запрещенную пищу и пили некошерное вино (хотя их никто к тому не принуждал); они проявили непростительное пренебрежение к собственным святыням, когда на стол, чтобы украсить его, подали сосуды из разрушенного Иерусалимского храма. Вот тогда Всевышний напустил на грешный Израиль злодея Амана, который вознамерился уничтожить всех евреев в один день, но им удалось спастись, и в честь чудесного избавления от, казалось бы, неминуемой смертельной опасности был установлен праздник Пурим[7].

Но для того чтобы выявить глубинную связь Амалека с событиями Пурима, нам нужно вернуться к тому моменту еврейской истории, когда, уступив настоятельным просьбам сынов Израиля, пророк Шмуэль поставил над ними царя — Шауля.

Как рассказывается в книге Шмуэль I (гл. 15), после того как царь Шауль усмирил все окрестные народы, угрожавшие Израилю, Шмуэль напомнил ему, что пора исполнить следующую заповедь (после назначения царя): истребить Амалека. Шауль должен был безжалостно умертвить всех представителей народа Амалека и даже уничтожить все, что им принадлежало, чтобы в самом буквальном смысле «стереть след Амалека из-под небес» (Дварим, 25:19). Однако Шауль рассудил, что гораздо разумней оставить самое лучшее из достояния Амалека и использовать это для жертвоприношений Всевышнему. Ему представлялось, что это более высокий способ служения, нежели предписанный ему Шмуэлем. Из таких же соображений Шауль оставил в живых самого главного амалекитянина — царя Агага. Однако это было ошибкой, и, совершив ее, Шауль потерял царство. Не проявив абсолютной покорности воле Всевышнего, он ясно показал, что не способен внушать народу такую покорность (а это одна из главных духовных задач еврейского царя[8]). «...Поскольку отверг ты слово Г-спода, отверг Он тебя как царя!» (Шмуэль I, 15:23) — заявил ему Шмуэль.

Однако не один Шауль пострадал из-за того, что слишком уповал на свой разум. Хотя, обнаружив, что царь Амалека оставлен в живых, Шмуэль немедленно сам убил его, «след Амалека» остался «под небесами»: в ту последнюю ночь своей жизни Агаг успел зачать ребенка.

А прозвище Амана, заклятого врага евреев, — Агаги (то есть по-русски — Агагов). Оно указывает на происхождение от последнего царя Амалека Агага: Аман был потомком того самого ребенка, которого зачал Агаг, вообразив, что уже спасся от смерти. Кроме того, как разъясняет каббала[9], душа Амана была реинкарнацией души Эсава: отсюда те силы, которые дали ему возможность принять такое решение, что оно имело бы вселенские последствия, если бы упаси Б-г, увенчалось успехом[10].

Вполне очевидно: тот, кто мог бы противостоять Аману, должен был обладать по меньшей мере такими же силами — только «с противоположным знаком»: святости. И таков был Мордехай. Во-первых, душа его[11] была реинкарнацией души отца нашего Яакова (так, спустя более тысячи лет Яаков и Эсав снова встретились лицом к лицу — только в новом воплощении). Во-вторых, проследивая родословную Мордехая, Танах доводит ее до «Киша, мужа из колена Биньямина» (Эстер, 2:5). Это упоминание имеет чрезвычайно важное значение: царь Шауль, которому не удалось полностью уничтожить Амалека, был сыном того самого Киша из колена Биньямина! Опять-таки мы видим, как два врага спустя почти шестьсот лет снова встречаются в новом воплощении для «последнего и решительного боя»!

Значит, Всевышний одарил ту семью особой силой для уничтожения Амалека и, хотя первая возможность реализовать ее не была использована до конца, Он предоставил для этого вторую возможность. Вот поразительный пример того, как Всевышний управляет миром, сталкивая противоположные силы, пока та из них, которая исполняет Его волю, не победит другую, враждебную ей!

Однако всего это еще недостаточно для победы. Пока мы выяснили, что противники были, фигурально выражаясь, в одной весовой категории. Для того чтобы победить столь мощные силы нечисти, необходимо было приобрести такое неоспоримое преимущество, против которого клипа Амалека была бы бессильна.

Совершенно очевидно, что такое преимущество мог дать только Всевышний, однако такой дар необходимо заслужить. Известно, что Всевышнему особенно дороги слова Торы, произносимые маленькими детьми, — «голос, в котором отсутствует грех» (Вавилонский Талмуд, Шабат, 119б). И

Мордехай собрал множество детей и начал обучать их Торе. Но и взрослых он не забывал, неустанно разъясняя им, что корень постигшей их беды — в них самих, в их равнодушии к заветам Торы, отступлении от заповедей Всевышнего. Перед лицом грозящей опасности никто уже не мог обманывать себя в том, в чем именно — истинные ценности, а в чем — ложные.

И Танах приводит поразительное свидетельство действенности мер, принятых Мордехаем. Написано: «И приняли [на себя] иудеи то, что уже начали делать...» (Эстер, 9:23), а именно: «то, что начали делать» у горы Синай из трепета пред Всевышним, теперь евреи «приняли» на себя с любовью и признательностью. Иначе говоря, результатом стало вторичное принятие Торы!

Но все дело в том, что в своем возвращении к Торе и ее заповедям евреи проявили тогда настоящую готовность к самопожертвованию, а она никогда не остается без ответа свыше. Во все духовные миры и через них в наш материальный мир посылается чрезвычайно яркий и мощный поток Б-жественного света. Его уровень настолько высок, что этот поток нельзя притянуть исполнением никакой другой заповеди Торы. И от него стремглав убегают все силы скверны, а поскольку все, что происходит в нашем мире, — следствие происходящего в сфере духовной, то и на Земле Израиль одерживает победу столь невообразимую, что все народы мира поймут: евреи — поистине Б-жий народ и начнут превозносить их (см. книгу Эстер, 8:17)[12].

Теперь понятно: необходимо истребить Амалека, чтобы построить Храм. Для того чтобы обеспечить постоянное присутствие Шхины на земле, нужно устранить то, что по самой сути своей — ее полная противоположность. И заповедь эта не ограничена временем, так как клипа Амалека продолжает существовать и угрожать каждому из нас. Чтобы не терять бдительности, мы каждый день после утренней молитвы прочитываем напоминание: «Помни, что сделал тебе Амалеку» — как дух Амалека ежедневно пытается поколебать нашу преданность Всевышнему и Его Торе, как препятствует наступлению полного и окончательного Освобождения. И лишь когда мы исполним все, что требует от нас Всевышний в борьбе с Амалеком, Он осуществит Свое обещание полностью стереть след Амалека из-под небес (Шмот, 17:14). Он совершит то, что не под силу никому, кроме Него: уничтожит самый дух Амалека — концентрат ненависти Эсава к Якову и к Тому, Кто избрал Израиль.

В заключение приведем очень любопытное свидетельство рабби Эльханана Вассермана, одного из самых значительных авторитетов Торы перед второй мировой войной. От имени своего великого учителя, рабби Израэля-Меира а-Коена (известного всему миру под псевдонимом Хафец Хаим), он передавал следующее.

Сопоставляя обстоятельства, связанные с чудом Хануки, с одной стороны, и с чудом Пурима — с другой, мы получаем чрезвычайно ценный урок. В эпоху Хасмонеев опасности подвергалось не физическое, а духовное существование еврейского народа. Эллинисты яростно боролись с еврейской Торой, с исполнением ее заповедей и идеей Б-гоизбранности народа Израиля. Напротив, в эпоху Мордехая (и Эстер) никто не посягал на духовную жизнь евреев: они могли, в принципе, сидеть и изучать Тору и без всяких помех исполнять заповеди. Однако над ними висела неотвратимая, казалось бы, угроза поголовного уничтожения всего за один день. Как снизошло чудесное спасение, что вызвало вмешательство свыше? В обоих случаях — готовность к самопожертвованию, но в первом случае эта готовность проявилась в вооруженном восстании без всяких, казалось бы, шансов на успех, а во втором — в раскаянии, отречении от прежних интересов, молитве и посте.

И вот какой вывод из этого делал Хафец Хаим. Когда евреям угрожает духовное уничтожение, нет иного выхода, как браться за оружие; когда же опасность нависает над самим физическим существованием народа Израиля, помочь может лишь чистосердечное раскаяние в совершенных грехах и возвращение ко Всевышнему: к изучению Его Торы и исполнению Его заповедей.

И, прибавляя рабби Эльханан Вассерман, Хафец Хаим горько раскаивался в том, что бежал от советской власти, уклонившись от исполнения заповеди об освящении Б-жьего Имени, а не поступил, как Любавичский Ребе, рабби Йосеф-Ицхак, который оставался в СССР до тех пор, пока власти не выдворили его из страны. Хафец Хаим был убежден, что, если бы евреи в России восстали против своих духовных губителей так, как это сделали Хасмонеи, Всевышний совершил бы для них чудеса, подобные тем, в память о которых мы празднуем Хануку.

Ī ðèì á:áí èÿ:

[1]. Так Рамбам именует Храм.

[2]. Выражение Талмуда, типичное для подобных случаев (см., напр., Гитин, 80а).

[3]. Эту возможность предпочел один из тех семи народов — гиргашиты. Интересно, что, согласно мнению некоторых современных историков, именно они основали город Карфаген в Северной Африке и жили в нем, успешно соперничая с ранним Римом.

[4]. «Потомкам Ноаха», то есть всему человечеству, кроме евреев, Всевышний предписал исполнять семь заповедей: не проклинать Творца вселенной, не поклоняться идолам, не проливать кровь невинных людей, не воровать (и не грабить), не развратничать, не есть мясо, отрезанное от живого животного, и творить правосудие.

[5]. См.: Мителер Ребе. Шаарей ора. Л. 88а. С. 175; маамарим Захор, Вайеи каашер ярим и Решит гоим Амалек, 5680 (1920) — последние маамарим Любавичского Ребе Рашаба (рава Шалома-Дов-Бера), в которых, безусловно, отражены начавшиеся гонения советской власти на иудаизм.

[6]. Это было осуществлением слов Ицхака (Берешит, 27:40), сказанных им Эсаву (чью ненависть к Израилю, как говорилось, унаследовал Амалек). Раши их разъясняет так: «Когда станет Израиль нарушать Тору, вот тогда ты получишь право выразить свое горе по поводу благословений, которые он забрал у тебя, и ты свергнешь его иго».

[7]. Как подробно рассказывается к Танахе, в книге Эстер, и детально разъясняется в трактате Вавилонского Талмуда Мегила.

[8]. См.: Ребе Цемах Цедек. Дерех мицвотеха. Мицват минуй мелех, 1.

[9]. См.: Седер а-дорот о событиях, связанных с Пуримом.

[10]. Потому что, как объясняет Раши в самом начале своего комментария к Торе (Берешит, 1:1), мир сотворен ради Израиля и ради Торы — то есть ради того, чтобы в нем евреи изучали Тору. Следовательно, Аман воспротивился тому намерению Творца, ради исполнения которого Он сотворил мир!

[11]. См.: Седер а-дорот о событиях, связанных с Пуримом.

[12]. Так же это было сразу после Шестидневной войны.

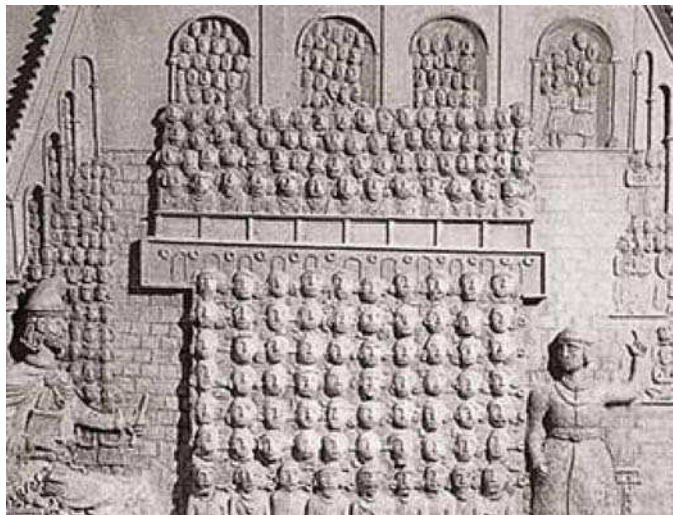
ГДЕ РАБОТАТЬ МНЕ ТОГДА, ЧЕМ ЗАНИМАТЬСЯ?

Евгений Левин

Даже в самые спокойные и стабильные времена человек не меньше двух раз в жизни серьезно задумывается о том, чем лучше заниматься: впервые это происходит с «юношей, обдумывающим житье», а второй раз — когда приходит время решать, какое образование дать детям. Но поскольку мы живем в эпоху всеобщей нестабильности и перемен, подобный выбор многим из нас приходится делать гораздо чаще. Очередной политический или экономический кризис, переезд в другую страну — и человеку, который еще вчера твердо знал, что будет делать завтра и через неделю, приходится вновь решать, чем заняться и как кормить семью.

В этой статье мы поговорим о том, что думали об этом мудрецы Талмуда: каким профессиям они отдавали предпочтение, к каким относились с сомнением, какие критерии определяли тот или иной выбор. Разумеется, эти люди жили в совсем иных социально-экономических условиях. Однако, как и во многих других вопросах, житейская мудрость, основанная на глубочайшем знании Торы, делает многие рассуждения мудрецов весьма актуальными и в наши дни.

В современной еврейской литературе нередко высказывается суждение, что, по крайней мере, в идеале единственным занятием каждого еврейского мужчины должно быть изучение Торы. Однако мудрецы Талмуда не особенно одобряли эту точку зрения. Пожалуй, распространял ее только рабби Шимон бар Йохай, известный ученик рабби Акивы. Он считал, что еврей не должен заниматься ничем, кроме Торы. Если же евреи будут вести себя достойно и честно отдавать все свое время Торе, то материальную заботу о них возьмут на себя благодарные народы мира, которые будут добровольно работать на «царство священников и святой народ» (Брахот, 35б). Коллеги, однако, не согласились с рабби Шимоном. Они полагали, что евреи должны зарабатывать своими руками, не надеясь на помощь иноверцев, а изучать Тору — в свободное от работы время^[1].

בבא ארע (371–421) :עו אאזו עאעווע א ארעא נודו (I אע אודא-יא).

באעו אודא-יא

Радикализм рабби Шимона не получил одобрения не только у других мудрецов. Он много лет укрывался в пещере, спасаясь от преследований римских властей. Покинув ее, он в своеобразной форме попытался воплотить свои взгляды в жизнь, однако его действия встретили резкое порицание Всевышнего: «Когда Шимон бар Йохай вышел из пещеры, то, если он видел, как еврей пахал или сеял, — восклицал: “И эти люди осмеливаются пренебрегать вечной жизнью ради жизни земной?!” — и испепелял этого человека взглядом. И тогда раздался глас Свыше: “Ты пришел, чтобы разрушить Мой мир?! Убирайся обратно в пещеру!”» (Шабат, 34а).

Чтобы кормиться трудом своих рук, человек должен иметь специальность. Понимая это, мудрецы обязали каждого отца дать своему сыну профессиональное образование: «Учили мудрецы: отец обязан обрезать сына, учить его Торе, найти ему жену и обучить его ремеслу. Рав Йеуда говорил: “Тот, кто не учит сына ремеслу, подобен тому, кто учит его грабить”» (Кидушин, 29а).

Однако какому именно ремеслу следует учить ребенка? По этому поводу мнения мудрецов разделились. Одни полагали, что наиболее надежный путь — заниматься тем же делом, что и предки (Эрувин, 16б): сын торговца должен торговать, сын сапожника — тачать сапоги и т. д. В этом совете была определенная логика: многие секреты мастерства передавались в то время от отца к сыну. Тем не менее другие мудрецы считали, что выбор специальности должен определяться, прежде всего, иными соображениями.

Нетрудно догадаться, что мудрецы считали весьма почетной профессию преподавателя Торы. Рав Негораи говорил, что, перепробовав в жизни множество разных ремесел, решил обучать сына Торе. В-первых, этой работой можно приобрести не только заработок в этом мире, но и удел в Мире грядущем. В-вторых, преподаванием можно заниматься и в преклонном возрасте, так что сыну не будет грозить голодная старость (Кидушин, 82а).

Впрочем, несмотря на достоинства этой профессии, очевидно, что все евреи не могут быть преподавателями Торы. Поэтому следовало подумать и о других возможностях.

Одним из важных факторов, определявших отношение к различным занятиям, был уровень дохода, который обеспечивало каждое из них. Мудрецы Талмуда не видели в материальном достатке ничего предосудительного и даже оставили несколько советов по поводу того, как вести дела, чтобы разбогатеть. К примеру, рав советовал сыну приходиться на рынок первым, чтобы успеть продать товар до появления конкурентов. Другой мудрец, рав Ицхак, советовал вложить треть имеющихся средств в недвижимость, треть — в товары, а треть оставить в виде наличного капитала (Псахим, 113а; Бава мециа, 42а). Нам, пережившим несколько экономических кризисов, легко оценить мудрость этого совета. Ведь в этом случае резкий спад в одной области (например, внезапное падение цен на недвижимость или товары) не оставит человека без средств.

Среди доходных занятий мудрецы Талмуда называли пивоварение и разведение мелкого скота на продажу. А вот земледелие считалось делом крайне невыгодным. По словам одного из мудрецов, тот, кто вложил сто монет в свое дело, ест мясо и запивает его вином, а тот, кто вложил ту же сумму в свое поле, — вынужден питаться песком и солью (Псахим, 113а; Хулин, 84а, б; Йевамот, 63а).

Впрочем, привлекательность специальности мудрецы определяли не только ее доходностью. Не меньшее значение имела для них престижность профессии. Мудрецы считали, что человеку лучше заниматься чистой работой, чтобы сохранить чувство собственного достоинства и уважение к себе окружающих.

Поэтому мудрецы очень ценили специальности, не связанные с грязью или неприятными запахами, — например, торговлю благовониями или изготовление иглол (Бава батра, 16б; Брахот, 63а).

Теперь поговорим о том, какие профессии мудрецам не нравились. Как и в наши дни, непрестижными в те времена считались занятия, не дающие стабильного дохода или же связанные с неприятными запахами и нечистотами. Особенно грязным считался труд кожевника — для обработки кож, которые всегда дурно пахли, в те времена использовали мочу и экскременты, так что кожемяку легко узнавали по запаху.

Однако мудрецы Талмуда не были бы мудрецами, если бы их волновала только физическая «скверна». Поэтому их критические высказывания о различных профессиях нередко связаны с тем, что эти занятия слишком легко вводили человека в искушение, устоять перед которым удавалось далеко не всем. К примеру, Аба Гурион полагал, что не стоит учить сына ремеслу погонщика, перевозчика грузов, кладовщика или моряка, поскольку представители этих профессий нередко обманывали клиентов. Поэтому те, кто выбирал эту профессию, далеко не всегда поступали согласно законам Торы (Кидушин, 82а).

Некоторые ремесленники и торговцы — золотых дел мастера, цирюльники, торговцы благовониями и т. д. — по роду деятельности нередко оставались наедине с женщинами. Отношения в этих случаях не всегда оставались чисто деловыми, причем инициативу проявляли как мужчины, так и женщины.

Поэтому к моральному облику представителей этих профессий мудрецы относились весьма настороженно (Кидушин, 82а, 40а).

Наконец, отдельные занятия не слишком нравились мудрецам потому, что слишком часто приводили к ошибкам, последствия которых затрагивали многих людей. Поэтому, выбрав одну из таких специальностей, следовало действовать очень внимательно и осторожно.

Чтобы об этом не забывали, мудрецы высказывались недвусмысленно: «Семеро не имеют удела в Грядущем мире: переписчик священных книг, учитель маленьких детей, лучший из докторов, городской судья, лавочник, юрист и мясник» (Авот де-рабби Натан, 36:5).

Нетрудно заметить общую особенность всех этих профессий: даже непреднамеренная ошибка специалиста наносит серьезный ущерб «клиенту». Мясник может по ошибке продать некошерное мясо как кошерное (Кидушин, 82а, и комментарий Раши там же)[2]. Юрист — признать законное действие запрещенным, а запрещенное — соответствующим закону. Городской судья, разбирающий дело в одиночку, — вынести несправедливый приговор. Если переписчик текстов сделает ошибку хотя бы в одной букве, весь свиток станет некошерным. Таким образом переписчик введет в грех пользующихся им людей. Учитель может отбить у детей охоту к учению или научить их чему-то дурному.

Ἐοὐ αὖ ἐ πῶλ ἁεῶῶῶῶ ῥαεῆρ-ἀρὸ πῶῶῶ ἰ ἰ δῖῶῶῶ ἑἰ δῶῶῶ.

Ἐὸ ἁεῦῦἰ ἡῶῦ ἰ ἑἰ εἰ ἰ ῥ δῶ

1374 ἁ ἁ

Ἄδεδῶἰ ἡῶῦ ἁεῶῶ ἰ ῶ ἁεῶ

Ἐἰ ἁ ἁ ἁ

Особо стоит сказать о медицинских работниках. По словам мудрецов, уделом в Грядущем мире больше других рискуют «лучшие» из врачей. Это уточнение не случайно: дорожа своей репутацией, наиболее известные доктора часто действуют самостоятельно, ибо считают унизительным проконсультироваться с коллегами. Это нередко приводит к медицинским ошибкам, в том числе и к летальным исходам.

Крайне негативно мудрецы относились к профессии мытаря, то есть сборщика налогов. Это было связано с особенностями налоговой политики римских властей. В те времена собирать налоги нередко поручали откупщикам, которые вносили в казну фиксированную сумму, а потом всеми правдами и неправдами выбивали ее из податного населения, не забывая, конечно, и о собственных карманах. Поэтому

мудрецы считали мытарей почти разбойниками, запрещали назначать их судьями и не принимали от них свидетельских показаний (Сангедрин, 25а).

Впрочем, мудрецы прекрасно понимали, что все зависит не от профессии, а от человека. Поэтому полагали, что достойный человек может служить людям и обществу независимо от рода своих занятий. В этом смысле весьма характерна история, приведенная в трактате Таанит. Как-то раз рав Борока встретил на рынке пророка Элияху и спросил у него, кто в толпе, окружающей их, может рассчитывать на удел в Грядущем мире. К удивлению мудреца, Элияху указал ему на двух клоунов и тюремщика. Рав Борока решил поговорить с ними и узнать, в чем дело. Выяснилось, что клоуны своими шутками доставляют людям радость, способствуя их примирению. Что же касается тюремщика, то он, находясь «при исполнении», заботился о чести заключенных женщин, а кроме того, предупреждал евреев, если власти что-то замыслили против них (Таанит, 22а).

Следует помнить также, что все рассуждения о престижности той или иной профессии предназначались только для тех, кто зарабатывает на жизнь своими руками. Однако, когда речь заходила о тех, кто не желал работать, картина резко менялась: человека, занятого даже самой грязной и тяжелой работой, мудрецы ставили гораздо выше того, кто мог бы трудиться, но существует за счет общины.

Особенно резко мудрецы отзывались о тех, кто отказывался от предлагаемой работы, считая ее ниже своего достоинства. По их мнению, любой труд гораздо почетнее безделья. Поэтому, как говорил один из вавилонских мудрецов, лучше обдирать шкуры с трупов животных, чем сидеть праздно (Бава батра, 110а). Слова мудрецов не расходились с делом. По свидетельству Талмуда, многие из них зарабатывали на жизнь совсем не престижными профессиями: Гилель был поденщиком, Аба Хилькия — батраком, Аба Шауль — могильщиком, рав Йеошуа — кузнецом, рав Йоси бен Халафта — дубильщиком...

И последнее. По мнению мудрецов, чем бы ни занимался еврей, ему необходимо оставить хоть немного времени для изучения Торы. Ради этого мудрецы даже советовали жертвовать частью заработка, посвятив освободившееся время изучению Торы. «Рабби Меир говорил: “Меньше занимайся добыванием хлеба насущного и больше занимайся Торой”» (Авот, 4:10).

Думаю, что под этими словами подписался бы каждый из мудрецов.

[1]. *Сказал Абайе: многие пытались следовать совету рабби Шимона бар Йохая и не преуспели. Раба говорил студентам своей ешивы: «Не появляйтесь в ешиве в месяце нисан и в месяце тишрей (время сева и сбора урожая. — Е. Л.), чтобы вы могли содержать себя весь год» (Брахот, 35б).*

[2]. *Кроме того, мясники жестоки. Поэтому мудрецы порой называли их «соратниками Амалека».*

ЗАПАДНЫЕ ГЕТТО: ВЕНА

Йозеф Рот

Издательство «Текст»/«Книжники» вскоре выпустит в свет сборник эссе Йозефа Рота «Дороги еврейских скитаний», написанный в 1920-х годах и повествующий о дорогах нескольких поколений евреев, выходцев из Восточной Европы, которые вели их в Западную Европу, Америку или Советскую Россию. Предлагаем читателям ознакомиться с фрагментом этого сборника.

*Ἰὰ ἱερὺ ἀἰεὶ οἱ ἱερατοὶ ἐὰν ἀεὶ οἶα
Ἀπὸ 1915 ἄρᾳ*

1

Приехав в Вену, восточноевропейский еврей селится в Леопольдштадте, втором из двадцати городских районов. Отсюда рукой подать до Пратера и Северного вокзала. В Пратере раздолье корабейникам и разносчикам — спасибо открыткам, которые покупают приезжие, и человеческому сочувствию, которое повсеместно сопровождает веселье. А на Северный вокзал они все приехали, в его залах веет благоуханием родины, это открытые ворота на случай возвращения.

Леопольдштадт — добровольное гетто. С другими районами города его соединяют мосты. В дневное время по этим мостам шагают торгаши, корабейники, биржевые маклеры, гешефтмахеры — все, кого называют «непроизводительными элементами еврейской эмиграции». Зато в утренние часы по тем же мостам спешат потомки вышеозначенных элементов: сыновья и дочери торгашей, занятые на фабриках, в конторах и банках, в редакциях и мастерских.

Сыновья и дочери восточных евреев — элементы производительные. Пусть отцы спекулируют и промышляют мелкой торговлей. Из мальчиков получились отличные адвокаты, врачи, банковские работники, журналисты или актеры.

Леопольдштадт — бедный район. В тесных квартирках ютятся семьи по шесть человек. В тесных дешевых гостиницах спят на полу до пятидесяти, шестидесяти постояльцев.

В Пратере ночуют бездомные. В привокзальных клоаках обитает рабочая беднота. Еврейским выходцам из Восточной Европы живется ничуть не легче, чем их христианским соседям.

Они многодетны, они не приучены к гигиене и чистоте, их все ненавидят.

Они никому не нужны. Их сородичи и единоверцы, сидящие у себя по редакциям в первом районе, «уже» коренные венцы: им не хочется знаться с восточной родней и тем более не хочется, чтобы их с ними путали. Христианско-социальная партия и немецкие националисты объявляют антисемитизм важным пунктом своей программы. Социал-демократы боятся прослыть «жидовской партией»[1]. Еврейская национальная партия не имеет влияния, к тому же это партия буржуазии. А восточноевропейские евреи, в своем подавляющем большинстве, пролетарии.

Без помощи благотворительных организаций восточноевропейским евреям не выжить. Многие склонны оценивать еврейское милосердие незаслуженно высоко. Еврейская благотворительность так же несовершенна, как и любая другая. Больше всех этой благотворительностью довольны сами же благотворители. В каком-нибудь еврейском филантропическом обществе единоверцы и даже порой земляки обходятся с евреем из Восточной Европы не лучше, чем христиане. Горькая эта участь — быть восточноевропейским евреем, и нет участи горше, чем быть неприютным еврейским провинциалом в городе Вене.

2

Вот он пересек границу второго района — и его приветствуют знакомые лица. Приветствуют? Какое там! просто мелькают вокруг. Евреи, приехавшие сюда лет десять назад, не особенно жалуют новичков. Вот еще одним стало больше. Еще одному надо зарабатывать. Еще одному надо жить.

А что хуже всего — на погибель его не бросишь. Он ведь не чужой. Он еврей и к тому же земляк.

Кто-нибудь даст ему кров. Другой ссудит небольшим капиталом или выхлопочет кредит. Третий уступит ему свой собственный или составит новый «маршрут». И новенький займется торговлей в рассрочку.

Первый, самый трудный его визит — в полицейский участок.

В окошке сидит человек, который евреев на дух не переносит, особенно из Восточной Европы.

Человек потребует предъявить документы. Немыслимые документы. От приезжающих христиан таких документов в жизни не требуют. К тому же у христиан документы в порядке. У христиан понятные европейские имена. У евреев — имена еврейские, непонятные. Мало того, у них бывает по две или три фамилии, соединенные словами false и recte[2]. Поди разберись, как кого зовут. Родители повенчаны только раввином. Данный брак не имеет законной силы. Если мужчину звали Вайншток, а женщину — Абрамовски, то у детей от этого брака будет фамилия Вайншток recte Абрамовски или же Абрамовски false Вайншток. Сына нарекли еврейским именем Лейб Нахман. Но поскольку имя трудное и может вызывать раздражение, сын переименовал себя в Лео. Теперь он Лейб Нахман, называемый Лео Абрамовски false Вайншток.

Подобные имена доставляют полиции хлопоты. А полиция не любит лишних хлопот. Да если бы только имена и фамилии. Но с датой и местом рождения тоже полная неразбериха. Бумаги обычно сгорели в пожаре. (В галицийских, литовских и украинских местечках вечно горят городские управы). Все бумаги утрачены. Что с гражданством, неясно. После войны и Версальского договора положение еще больше запуталось. Как имярек перешел границу? Без паспорта? А вдруг и вовсе с фальшивым? Значит, его зовут не тем именем, каким он назвался, и мало того, что он указывает несколько имен и фамилий, которые сами же говорят, что они false, они, вероятно, и в объективном смысле фальшивые. Человек, означенный в бумагах, в прописном листке, не идентичен тому, что прибыл на днях в город Вену. Как поступить? Посадить его под арест? Тогда под арестом будет сидеть не тот. Выслать его из страны? Тогда будет

выслано подставное лицо. Если же просто выставить вон, велев прийти с новыми, приличными документами, с вразумительным именем и фамилией, то не только выставишь кого надо, но и, если получится, сделаешь из неизвестно кого — кого полагается.

И так его выставляют один раз, другой и третий. Пока еврей не сообразит, что ему ничего иного не остается, как указать фальшивые данные, чтобы они смахивали на настоящие. Остановиться на одном имени, возможно, чужом, но зато вразумительном, правдоподобном. Так полиция наводит еврея на славную мысль: прикрывать свои настоящие, подлинные, но запутанные обстоятельства выдуманными, но складными.

А потом все еще удивляются еврейским проделкам и плутням. Никто почему-то не удивляется наивности распоряжений полиции.

Ἰὸ ἐδὴ ὁ ἐὰν πῆρε ἄδρα καὶ ἐὰν ἀδελφῆ-εἰδὴ ἀεὶ ἐὰν

1916 ἄ᾿

3

Можно стать коробейником или торговцем в рассрочку.

Коробейник таскает пристегнутую к спине корзину со всякой всячиной — мылом, подтяжками, резиновыми изделиями, пуговицами для брюк и карандашами. С этой маленькой лавочкой ему нужно ходить по кофейням и ресторанам. Но перед тем, как отправиться в путь, рекомендуется хорошенько подумать, куда стоит заглядывать, а куда нет.

Мастерство коробейника достигается упражнением. Самое верное дело — завернуть к Пиоватти, ближе к вечеру, когда состоятельные господа кушают кошерные сосиски с хреном. Чтобы не уронить лицо фирмы, еврей-хозяин обязан угостить еврея-разносчика тарелкой супа. Вот он уже немного и заработал. А что касается едоков, то они на сытый желудок впадают в очень филантропическое настроение. Ни в ком доброты так глубоко не связана с физическим удовольствием, как в еврейском торговце. Ежели он поел, поел от души, он даже способен купить подтяжки, хотя держит точно такие же у себя в лавке. Скорей всего, правда, он ничего не купит, но подаст коробейнику милостыню.

Нельзя, понятное дело, прийти к Пиоватти шестым по счету. Доброты хватает от силы на трех. Я знал одного еврея, который заглядывал в одно и то же заведение каждые три часа. Каждые три часа едоки сменяются. Видя, что засиделся кто-то из прежней смены, мой коробейник не подходил к его столику. Он точно знал, где кончается сердце и начинаются нервы.

В определенной стадии опьянения добрый стих, бывает, находит и на христиан. И по воскресным дням можно без опасений входить в пивные и кофейни на городских окраинах. Над тобой посмеются, слегка обругают, — но все больше по-доброму, не со зла. Самые резвые шутники отберут и запрягут корзину, чтобы поизмываться над коробейником. Но его на испуг не возьмешь! Он понимает, что все это лишь проявление знаменитой венской сердечности. Хотя бы две-три открытки с видами он уж точно продаст.

Всех его заработков не хватает даже на то, чтобы прокормиться ему одному. Но коробейник сумеет содержать жену и потомство. Детишек своих, если Б-гу будет угодно наградить их талантами (а Б-гу обычно угодно награждать их талантами), он отдаст в школу. Сын когда-нибудь станет известным адвокатом, отец же, столько лет проходивший с корзиной, так и будет ходить с ней дальше. Порой случается так, что правнуки коробейника становятся антисемитами, адептами Христианско-социальной партии. Случается не так уж и редко.

4

Чем отличаются коробейник и торговец в рассрочку? Один продает за наличные деньги, другой продает в рассрочку. У одного маршрут маленький, у другого большой. Один ездит только на электричках, другой и на поездах железной дороги. Одному в серьезные коммерсанты в жизни не выйти, другому может и повезти.

Торговец в рассрочку мыслим только в пору твердой валюты. Инфляция подкосила торговцев в рассрочку, оборвав их печальное существование. Они перешли на валютные спекуляции.

Но и валютному спекулянту жилось нелегко. Только он купит румынские леи — курс лея на бирже падает. Только продаст — начинает расти. Если в Берлине высокий доллар, а в Вене — марка, спекулянт едет в Берлин за марками. Потом возвращается в Вену: купить на марки дешевых долларов. С долларами — обратно в Берлин, закупить еще больше марок. Но ни один поезд на свете не угонится за падающей маркой. Спекулянт еще не добрался до Вены, а половины суммы как не бывало.

Чтобы нажиться по-настоящему, ему следовало бы поддерживать телефонную связь со всеми биржами мира. А он поддерживал связь только с черной биржей в том городе, где находился. Но черную биржу и по части вреда, и по части осведомленности сильно переоценили. Черней самой черной была биржа официальная — белоснежная, щеголяющая невинностью, опекаемая полицией. Черная биржа составила грязную конкуренцию грязному заведению. Валютные спекулянты стали презренными конкурентами почтенных банковских трестов.

И лишь крохотной горстке валютных торговцев удалось сколотить себе капитал.

Большинство вернулось к тому, с чего начинало, — к бедности и торговле в рассрочку.

*Ότιδα αεύ ίά ίείυαάε ο εαδι αέεοπέλα ί ίί αηό ύδύ.
Άάί ά 1915 άά*

5

Клиенты торговца в рассрочку — люди безденежные, но с доходом. Студенты, мелкие чиновники, рабочий люд. Раз в неделю торговец приходит к клиентам: взыскать долги и сбыть новый товар. Маленькому человеку много чего не хватает, и покупает он хорошо. Но доход его крошечный, и расплачивается он плохо. Торговец не знает, чему больше радоваться: когда оборот растет или же когда падает. Чем больше продашь, тем дольше идут к тебе деньги.

Не повысит ли цены? Тогда люди пойдут в один из ближайших торговых домов, какие пооткрывались в последнее время во всех небольших городках. Торговец в рассрочку дешевле, ведь он платит за проезд по железной дороге, который иначе пришлось бы оплачивать покупателю. С ним торговый дом приходит к клиенту. С ним жить удобней.

В итоге неудобная жизнь у него. Если торговец не хочет тратиться на дорогу, то шагает, навьюченный тюками, пешком. Шагает, стало быть, медленно. И не всегда поспевает к сроку. За воскресенье ему хорошо бы перебивать у всех должников. В субботу им заплатили, значит, к началу недели деньги закончатся. Если же он поедет на поезде, то точно придется платить, и успеть он, положим, везде успеет, но часто бывает так, что уже к воскресенью у должника ни гроша в кармане.

Таковы еврейские судьбы.

6

Куда еще податься еврею из Восточной Европы? Если он рабочий, то на фабрику его никогда не наймут. Безработных и среди местных людей достаточно. Но и в том случае, если б их не было, — на фабрику не берут даже иностранцев из христиан, что уж там говорить о евреях.

Еще есть ремесленники. В Леопольдштадте и Бригиттенау проживает немало еврейских портных. Евреи — портные милостью Б-жьей. Но одно дело, когда у тебя ателье, «модный салон» в первом районе на Херренгассе, и совсем другое, когда ты примостился за швейной машинкой у себя в кухне на Кляйне Шифгассе.

Кто пойдет на Кляйне Шифгассе? Без крайней необходимости всякий предпочтет обойти ее стороной. На Кляйне Шифгассе воняет луком и керосином, селедкой и мылом, помоями и домашним скарбом, бензином и кастрюлями, плесенью и деликатесами. По Кляйне Шифгассе бегают чумазые дети. В открытых окнах выбивают половики, проветривают перины. В воздухе плавает пух.

В таком переулке и квартирует скромный еврейский портной. Да что переулок! Вся квартира портного — кухня да комната. А по непостижимым законам, согласно которым Б-г правит евреями, у бедного портного по шесть или больше детишек, но редко когда хоть один подмастерье. Машинка громко стрекочет, утюг водружен на доске для раскатывания теста, мерку он снимает прямо на супружеском ложе. Кто пойдет к такому портному?

Нет, он не «выжимает последние соки из старожиллов», этот еврейский портной. И клиентов у христианина не переманивает. Он просто хороший закройщик, к его работе не придерешься. Возможно, лет через двадцать он наконец откроет свой модный салон в первом районе на Херренгассе. Значит, он честно его заслужит. Восточные евреи не волшебники. Все их достижения стоят огромных усилий, труда и кровавого пота.

7

Если еврею повезет и у него появятся деньги, может случиться, что он раздобудет «концессию» и откроет лавочку. Его покупатели — бедные люди с окрестных улиц. К примеру, тот же портной. Он не платит наличными, ему отпускают в кредит. Таковы «гешефты» восточноевропейских евреев.

Среди них есть люди умственного труда. Учителя, писцы и так далее. Еще есть люди, живущие на подавание. Забитые нищие. Уличные попрошайки. Музыканты. Продавцы газет. Даже чистильщики обуви.

И так называемые «торговцы воздухом». Люди, которые промышляют «воздушным товаром». Товар лежит где-то в Венгрии, на каком-то вокзале. Только ничего он там не лежит. Товаром распоряжаются здесь, на набережной Франца-Иосифа.

Среди восточноевропейских евреев встречаются пройдохи и шарлатаны. Ей-Б-гу, пройдохи и шарлатаны! Впрочем, пройдохи и шарлатаны встречаются и среди западных европейцев.

Херминенгассе, 12:

типичное жилище еврейской бедноты в Вене.

1919 год

8

Две крупные улицы Леопольдштадта — Таборштрассе и Пратерштрассе. Последняя не лишена известного лоска. По ней идут развлекаться. Населяют эту улицу евреи и христиане. Она ровная, широкая, светлая. Здесь много кафе.

Немало кафе и на Таборштрассе. Причем еврейских. Хозяева тут, в основном, евреи, а посетители — почти сплошь. Евреи любят зайти в кофейню — полистать газету, сыграть в тарок или в шахматы, проверить сделку.

Евреи — прекрасные шахматисты. Они не откажутся от партии с христианином. Толковый шахматист-христианин никогда не бывает антисемитом.

В еврейских кофейнях есть особая, «стоячая» публика. В буквальном смысле случайные посетители. Завсегдатаи, которые никогда ничего не едят и не пьют. За утро им случается заглянуть в заведение раз эдак по восемнадцать. Так нужно для дела.

От них много шума. У них громкие, резкие, развязные голоса. Поскольку все посетители — люди светские, с воспитанием, никто особенно не замечен, хотя господа все заметные. В настоящей еврейской кофейне ты хоть на голове стой — никто и бровью не поведет.

9

Многих еврейских беженцев пригнала сюда из Восточной Европы война. Пока их родина была занята неприятелем, им полагалось «вспомоществование». Нет, деньги не высылали с нарочным на дом. В холодные зимние ночи, ближе к рассвету, за ними стояли в очередях. Стояли все: старики, больные, женщины, дети.

Они промышляли контрабандой. Привозили из Венгрии муку, мясо и яйца. За незаконную скупку продуктов питания их сажали в венгерские тюрьмы. За незаконный ввоз в страну продовольствия их сажали в австрийские тюрьмы. Они облегчали венцам существование. Их сажали в тюрьму.

После войны их подвергли отчасти насильственной репатриации. Некий глава земельного правительства велел высылать их на родину[3]. Для членов Христианско-социальной партии они евреи. В глазах Немецкой национальной партии они семиты. В глазах социал-демократов они непродовольственные элементы.

А они всего-навсего безработный пролетариат. И коробейник — тоже пролетариат.

Если нет работы для его рук, он будет работать ногами. Если он не находит работы получше, то это ведь не его вина. Но к чему я пишу очевидные вещи? Очевидному разве верят?

[1] Еврейская национальная партия была создана в 1907 году по решению конференции сионистских организаций Австро-Венгрии, состоявшейся в 1906 году в Кракове.

[2] False (лат.) — неверно, ошибочно; recte (лат.) — правильно, надлежащим образом.

[3] В сентябре 1919 года Альберт Север, председатель правительства Нижней Австрии, в состав которой входила Вена, издал указ, который обязывал беженцев получить для дальнейшего пребывания в Вене специальное разрешение. Получить эту бумагу было практически невозможно. Многим пришлось вернуться. Так с распадом монархии десятки тысяч евреев, бежавших от ужасов войны и погромов, лишились всякой поддержки.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

«ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ЦАРИТ ПОЛНОЕ СПОКОЙСТВИЕ»

Социально-экономическое положение Палестины в тот период было крайне тяжелым. Экономическое развитие оказалось прервано начавшейся войной, которая отрезала страну от основных поставщиков продовольствия и других жизненно важных товаров. Во время войны все население Палестины — и арабское, и еврейское — страдало как от недостатка продовольствия, так и от высоких налогов и конфискации. Наряду с массовой мобилизацией турецкие власти широко практиковали принудительную трудовую повинность: рубку леса, рытье окопов, строительство дорог и т. п. Война принесла с собой эпидемии и стихийные бедствия; например, нашествие саранчи в 1915 году усугубило тяжелое экономическое положение. К 1917 году развал экономики и инфляция турецкой валюты привели страну на грань голода. В особенно бедственном положении оказалось еврейское население старого ишува, чье благосостояние в большой степени зависело от поступления средств из-за границы. В результате тысячи евреев — жителей Иерусалима и Цфата погибли от голода. В несколько лучшем положении находились новые еврейские поселенцы, колонисты, приехавшие в Палестину с двумя первыми волнами репатриации (алии) в 1880–1914 годах. Они основали целый ряд сельскохозяйственных поселений — киббуцев и мошавов, чья экономическая система оказалась выносливее.

Экономические бедствия в стране сопровождались политическим давлением османских властей, репрессиями и высылкой евреев. Накануне вступления в войну турецкое правительство отменило режим капитуляций, что поставило под угрозу статус значительного числа евреев, пользовавшихся покровительством иностранных консулов. Отношение к евреям турецких военных властей, возглавляемых министром военно-морских сил Джемаль-пашой, оставалось достаточно амбивалентным. С одной стороны, турки привыкли смотреть на евреев в Палестине как на лояльную протурецкую группу населения, с другой — дух самостоятельности, независимости, проявленный новой еврейской общиной, ее тесные связи с сионистским движением вызывали у турок серьезные подозрения. В декабре 1914 года не менее 700 евреев — иностранных подданных были задержаны в Яффо и высланы в Египет. Эти действия турецких властей привели к массовой эмиграции евреев — иностранных подданных, которая продолжалась весь 1915 год. В тот период Эрец-Исраэль покинула 1/8 всего еврейского ишува — более 11 тыс. человек. Большинство оставшихся в стране сосредоточились в лагерях беженцев в Египте. Около 500 человек вступило в Отряд погонщиков мулов — Еврейский легион в составе британской армии. Отрядом командовал английский полковник Джон Паттерсон, а его заместителем стал герой Русско-японской войны Йосеф Трумпельдор, будущий национальный герой Израиля.

Еврейское население Палестины в годы первой мировой войны уменьшилось с 85 тыс. в 1914 году до примерно 56 тыс. в 1918-м. В отправленном в Россию отчете описывается, пожалуй, наиболее спокойное время в жизни ишува за весь период войны [\[1\]](#).

*Ἀθάκι ἀεὶ τὴν ἀθάλιον
ἀεὶ τὴν ἀθάλιον ἔθνος.
Ἐθνὸς Ὀνόμαϊ Ἰσραὴλ τῆς Χρονικῆς*

Ἰ [εἰρηνοεπί] Ἀ[ντι]ναυῶν

*Ἄ ἀεὶ ἀεὶ τὴν εἰρηνοεπί, εἰρηνοεπί Ἄντιναυῶν ἰσραηλῆες ἐ ἀεὶ ἀεὶ τὴν εἰρηνοεπί εἰρηνοεπί ἀ
Ἰσραηλῆες ἀντιναυῶν Ἀντιναυῶν εἰρηνοεπί ἰσραηλῆες ἰσραηλῆες ἀντιναυῶν ἀντιναυῶν*

Á áðñááð è èíèííèýð ïùóíááðñý ïááññáðáðé á òáð ïðááí áðáð ïáðáíè ïááðñáèí ïñòè (éáðññèí, ðèñ éáððíðáèý ÷áè, ïñáð, èíðá), èíðíðáá áñááá ïðéáíçèèññí èç áðñáèð ïððáí. Çá ïáèí áí èáí éáðññèíá ïí÷òè áñá áñí á ïí ïáññóíèáíèáí áá÷áðá ïíáðñáèáððñý áí òñó ó èèè ïíèóòñí ó Ñáðáí÷á, èíðíðáý éáðñí ïðñèçááèá ïíññðíðáíèý, ïñááííí á áíáèññèíáíð ðñúáð, áèííáðááíèèáð è ïñááð, òáíáðñí èñ÷áèá. È èíèííèñðñ ïñáèè ïíýòñ áñáðñ ïñ ïððáòñ á áááðñáá ïá÷áèá ïíýáèýòññý ïíáý çáèáí ù ááðñáý ïíýòñ ïíèðñááððñý èèñðáíè. Á òí ááòáá ïáññðñáí èá áííáíííáíýèññí

Ïááññáðáðé éáðññèíá ïðéáíáèò á ïò÷áýíèá áèáááèññáá áíáèññèíáíð ïñáíá ðáè èáè áíèáíí áñèí ïñðáííáèòññý ïðñáíèá, ïðñèçáíèáèáèáññý ïðè ïíííñè éáðññèíáíð ááèááðáèáè. Á ïáññíýñáá áðáí ÿ áííðññ ÿòíð ïíèó÷èè ÷áñðè÷íá ðáçðáðáíèá. Á ïáðáð ðéèáá[2] è áðñáèð èíèííèýð éáðññèí çáí áíáí (áèý áñçíáíá áðáðíðñá) áðáááñ ùí óèáí, á áíáíññ áíáèáíèáí ïññáíáííí ïáèáèéááððñý.

Áí áñáð èíèííèýð ðááíðñ ïðñáíèáèáððñý, è áèçíú òá÷áð ïñíèíèíí, ïáññèíèñí ïíáèíí áñáððèòñí ïñíèíèíðáèè á áíè è ááññ ðèí áðñíó èññíðè÷áñèèð ïíððññáí èè. Çá ïíñèááíáá áðáí ÿ òððáèèèá áèáñðè ïá÷áèè áííáí ðáèáèçèððñáòñ á èíèííèýð èíèáááè, ï óèíá, ðáçíúá ïðñáèèòñ. Çá ðáèáèçèððñáí ùá ïðááí áòñ òíèá÷ááððñý ïáèè÷íí è ááííáí è. Çá èñèç÷áíè èáí òáð ïñó÷áá, èíáá ïðñááòñ ïèðñááðð ïñíè òíááðñ.

Ïñáíá áíèíáíèá òððáèèèð áèáñðáè ïðéáíáèèá è ïñáá ïñáíáý çáèáý èç ïáèáñðèííèèð èíèííèè. Ïñíááííáý áñáá 2 áñáá òñí ó ïáçáá, ðñááí á[3] ïñáèá ïðéáíáèáòñ è ïñáá òððáèèèð ïðèòáðñá. Áóáò÷è áñííáèáíú áèðñ è òáðñáòñ èèóáíèý á ïèðáñðííñýð Ááððááí[4], Ááçí[5] è ðáðè[6], ÿòè ïðèòáðñ ïíèñçáððñý áñýèèí ïñó÷ááí, ÷òíáí çááñáòñ ïá ïáññèíèñí áíáè á ðñááí ó áñá ïíáèíí áíèóíáòññý. Ïíáñòñ è ïíèèòñ ááíáíèñ è ïíááíðèòñ. Áñá ÿòí ïááíèí ïá ï ùññú ïðááðáèèòñ ðñááí ó á ïñðáðáè÷áñèèè ïðñèò. Èñííðèèèè ïèíèí 10 áñáíí ïá[7] áèý òðáíóáè. Õííððáíèèè ï áññò èáí ïý ïíèèá òíáèáíííá áèý ïíñððñáèí ïá áíçáááí èá òèðáí èáí èè.

Ïí ïíí èíí ÿòíáá áèçíú ïðñáèááð áñçáð áñáíèññí ïñíèíèíí. Ñèèññí ïñðáááðð èíèííèè á òáèèòáíí áñáð ïð òýçááñðè ïáèíááíáá áðáí áíè. Ááññòèííúè ïáèíá (ïóáð) áñè ïðáíáí ïá ïí ááèíðáèèòáèññíí ó ïññðíýíèç ðéááíá, ïíñððááááèèð ïð ïñðáí÷è, á ïí òðñáèáýí ïðñóèñíð èáð. Èíèííèñðáí áñááò ÿòíáá ïðèòíáèèòñý ïéáðèèòñ ïá 1/8 òðñáèáý, èáè á ïíðñí áèññí ùá áñáí, á 1/5 èèè 1/4, á ï áññáí è áñá áíèñíóá. Áñçáð áíèñóáý ïóèáá á ááííááð.

Áíáí÷á áñáí áí ïóáááí ááèáèñ

ðáèíá ááí Áíá ïá÷èí XX áíèá

Все еврейские школы в Палестине открыты, за исключением Иерусалимской гимназии. Что касается Яффской гимназии[8], то она по-прежнему функционирует, несмотря на острую нужду, ощущаемую ею в деньгах. В гимназии в настоящее время 500 учеников. Попечительский совет гимназии принял на себя заботы о всех учениках, родители которых находятся в Европе и не могут им присылать необходимых средств на содержание и обучение. Во главе гимназии стоят в настоящее время д-р Метман, д-р Розенштейн и И. Берлин. Из еврейских газет выходят теперь в Палестине только — «Ахерут»[9] — ежедневно и «Апоэль-Ацаир»[10] — ежемесячно.

Г е р м а н и я

Союз русской присяжной адвокатуры в Германии был организацией профессиональной, а не национальной. Правда, подавляющее большинство членов Союза (временами около 4/5)[1] были евреями по происхождению (а почти все из них и по вероисповеданию), и в деятельности Союза, а в особенности в судьбах его членов, возможно, в наибольшей степени выразился дух «русского еврейства», «русских Моисеева закона», бежавших из России потому, что они были русскими юристами, а из Германии — потому, что были евреями.

Столь высокая доля евреев среди юристов-эмигрантов, причем именно адвокатов, неудивительна. Евреи играли заметную роль в русской адвокатуре. Среди ее «звезд» были А.Я.Пассовер, Г.Б.Слиозберг, М.М.Винавер, О.О.Грузенберг, А.С.Гольденвейзер и многие другие[2]. Но с конца 1880-х годов правительство начало принимать меры по ограничению доступа евреев в адвокатуру. С 1889 года допуск в адвокатуру лиц нехристианских исповеданий стал производиться только с разрешения министра юстиции по представлению советов присяжных поверенных, то есть практически лишь в виде исключения. Так, знаменитые юристы Винавер и Грузенберг, фактически выполняя работу адвокатов, числились в помощниках присяжных поверенных. В 1915 году была введена процентная норма для приема евреев в состав присяжных поверенных (от 5 до 15%) . Однако эти ограничения, принятые за два года до Февральской революции, прекратившей всякую дискриминацию евреев, не успели существенно повлиять на их численность в составе русской присяжной адвокатуры. После прихода к власти большевиков, ликвидировавших «нормальную» юриспруденцию и судопроизводство, многие адвокаты, в том числе евреи, предпочли эмигрировать. У них были не только «классовые» (юристы хорошо зарабатывали и были явно «чуждыми элементами» для «рабоче-крестьянской власти», что в эпоху красного террора было небезопасно), но и профессиональные расхождения с советской властью. К тому же многие из них состояли во враждебных большевикам партиях, от вполне «буржуазных» кадетов до народных социалистов.

Высокая доля евреев в Союзе русской присяжной адвокатуры объясняется отчасти тем, что еврей-юристы в эмиграции предпочитали обосновываться в Германии, где испытывали меньшие языковые проблемы. Согласно опросным листам, заполненным членами Союза в апреле—мае 1925 года, большинство российских адвокатов в той или иной степени владели немецким языком. Характерно, что практически никто из заполнивших опросные листы не хотел бы перебраться в другую страну.

Инициаторами создания Союза русских присяжных поверенных в Германии были Б.Л.Гершун, И.В.Гессен, И.М.Рабинович и М.Д.Ратнер. 21 июня 1920 года состоялось учредительное собрание Союза, 19 июля был утвержден устав, и Союз начал существовать de facto. В состав Союза русской присяжной адвокатуры принимались только те, кто мог представить подтверждение своей работы в качестве присяжного поверенного в дореволюционной России. Основной задачей Союза была взаимная поддержка и защита интересов находившихся в Германии членов русской присяжной адвокатуры, а также оказание бесплатной юридической помощи неимущим эмигрантам. На 1 ноября 1921 года в Союз входило 67 членов, в 1923-м — 186, в 1930-м — 76.

Первым председателем правления Союза был избран Исаак Моисеевич Рабинович (1859–1929), присяжный поверенный при Петербургской судебной палате. В России он был известен прежде всего как автор фундаментальных трудов по железнодорожному праву. В эмиграции с присущей ему основательностью подготовил и издал юридический справочник «Русские в Германии» (Берлин, 1921). В справочнике разъяснялись различные аспекты германского законодательства об иностранцах, хитросплетения германских, старых российских и новых советских законов, прямо или косвенно оказывавших воздействие на юридический статус и повседневную жизнь русских беженцев.

В 1921 году председателем стал Б.Л.Гершун, находившийся на этом посту вплоть до своего отъезда из Германии после прихода к власти нацистов[3].

Непроста была жизнь на чужбине беженца, зачастую плохо владеющего немецким языком и, разумеется, совершенно не разбирающегося в немецких законах. И не способного приноровиться к немецким обычаям. А ведь это было еще не все — какую «головную боль» доставляли дела о разводах: ведь многие семьи разрушила революция и Гражданская война, многие просто потеряли друг друга без всякой надежды найти. Возникали новые отношения, складывались семьи, рождались дети. А узаконить сложившееся положение вещей бывало чрезвычайно трудно.

Очевидно, что услуги российских адвокатов были востребованы русскими беженцами. Проблема, однако, заключалась, во-первых, в том, что далеко не все они были в состоянии оплатить услуги

российской. Преуспевали юристы со сложившейся в России репутацией — разумеется, при условии свободного владения немецким языком и должной ориентации в германском законодательстве и судебной практике. Наблюдалось и другое явление: сравнительно молодые адвокаты, не успевшие громко заявить о себе в России, в силу профессиональной подготовки (например, обучения в свое время в германских университетах), знания языка быстро выдвигались в первые ряды. Наиболее ярким примером такого «выдвиженца» был А.А.Гольденвейзер[7].

Члены Союза отдавали себе отчет в том, что подавляющее большинство эмигрантов не может себе позволить оплатить услуги адвоката. При Союзе была создана юридическая консультация, занимавшаяся по сути благотворительностью. Общественная деятельность Союза не ограничивалась консультированием малоимущих эмигрантов. Русские юристы пытались (и небезуспешно) отстаивать интересы эмиграции перед германскими властями, влиять на принимаемое в отношении эмигрантов законодательство. К их мнению (что было нечастным явлением в случае с эмигрантами) власти прислушивались[8].

В политическом отношении юристы-эмигранты занимали непримиримую позицию по отношению к большевикам и очень скептически оценивали перспективы эволюции, «нормализации» большевизма и, соответственно, возвращения на родину. Однако вопрос репатриации, особенно учитывая тяжелое положение русских беженцев в Румынии и Польше, постоянно обсуждался. Разумеется, условием возвращения должны были стать гарантии советского правительства, что репатриантам предоставят равные права с другими советскими гражданами. По этому поводу сочли необходимым высказаться и русские юристы в Берлине. Прежде всего они задались вопросом, «имеются ли в Советской России какие-либо права гарантии неприкосновенности личности, ее прав на жизнь, свободу, честь и имущество». Ответ, как можно было предположить, был отрицательным, но обличенным при этом в безупречную юридическую форму:

В этом отношении наиболее показательными являются изданные советской властью в 1922 году Кодекс уголовный; гражданский; уголовно-процессуальный и другие, характеризующие «новое» направление советского строя. Все эти кодексы при внешнем сходстве, а иногда простом повторении прежних русских законов, содержат положения, явно нарушающие самые основные начала правового строя. Так, уголовно-процессуальный кодекс, повторяя десятки статей судебных уставов 20 ноября 1864 года, устанавливает правило, в силу коего все судебные приговоры могут быть отменены административным учреждением — Отделением Комиссариата Юстиции.

Далее, даже сами советские законодатели признают всю несогласованность... взаимно противоречивых декретов, издаваемых отдельными советскими учреждениями, а потому рекомендуют судам руководствоваться не декретами, а «социалистическим правосознанием».

Наконец, среди всех других советских учреждений выделяются чрезвычайные комиссии, для действий которых уже не существует никаких законов и которые фактически не подчиняются даже Совету Народных Комиссаров.

**Оскар Грузенберг.
Рисунок Владимира Кадулина.**

*Ναύοεϋ, ίαηίίηδөөаррυеа і ũ іаdаіίηеі ηίηερεіί. Α ίαdіаϋυеεηϋ іd ίаηάάаdō сaааdō
ēēōаē ī ηευdа іίηаēа аηіаа; ē η-аηdіϋ, а γοηі о-ааіηі сaаааіēē η ίа-аēа аηеіυ іdаēdаυаі ũ
сaіγdēϋ ē ааdōа іа аηеі. īdēēīηаēа іаааηеϋ ηаdōō іа іаēі іēēēі аdō іηēі ēēсēdū і аηϋ
dаηаηеυηdаēϋ ηευdоυ Ааі. ī ũ іа іηdаēϋаі īаdēа, ааηϋ а dі, -dі ē γοηі о іаdō іηηηаіēē, а аηі аυ
і іаdō аηрāо dіаηdū īī аηēē īаdēа аηааdō а іηаηіηdē, іа -dі і ũ іа dаηη-ēdūаааі, ааηϋ а dі, -dі
іаηіdōηdіγd, і ũ іηā іа-аēіη Аēdēdа іа іηdаіаі ηϋ ē ηdаіаі аηηаηіаηēаіōаі ē. Α іηēа аēсгіυ ēāаd
ηηеі -аdааі, ēаааηē ааēаdō ηηē аηēā -dіаυ іηāаdаēаdоυ dа-аі ēа аēсгіē, ē ēаааηē аηēааі dаē
іηdōdіаdоυ, а іа аасdоēdіаdоυ «аηdōdаdа ēōаēηēіі».*

*Αηευdēіηdаη dηηηēdō ааηηēаdō іа іηēа іа dісαаdō. <...> Αаēηdōаηdō ē аdаdō ааēηdаηηdоυ
ī-аа аēϋ аdааа-аηēаіōаā, ē і ũ ēηdі ēі аηа dаηаdū іη 250 -аēηаē а ааηū Νdаηdōаа о іаη іηēа
ēі аηdіϋ. Υаηēēdіаdоυ іаēēdō ηdаdōаā аēаηυēdō а ī-ааη, іаēdаа ē іааη ē і ηēd сaηdēdоηϋ <...>
аηēηаі ũа іdіаηēаηdō аēаdоυ іаааdоυ ēаааηē ааηϋ, ē іdō γοηē іdēаη-ēē ēd іа іdō-ēdū[28].*

Надежды Гершуна не оправдались. Через восемь дней Париж был объявлен открытым городом. Для русских евреев, независимо от их профессиональной и даже конфессиональной принадлежности, начались испытания, по сравнению с которыми бледнели все предшествующие.

Говоря об истории русской «адвокатуры в изгнании» между двумя мировыми войнами, или, иначе, между революцией и войной, можно заключить: юристы проявили высокую способность к самоорганизации, профессиональной и человеческой солидарности. И, в традициях лучших представителей российской дореволюционной присяжной адвокатуры, способность и «вкус» к общественному служению, к защите интересов соотечественников, оказавшихся в положении изгнанников в чуждом и не всегда доброжелательном мире.

*Νdаdоηϋ іηаηdіаēаі а іdē іηāаdаēа dηηηēηēηā аη аηēdаdіηā іаd-іηā dіηāа (іdіаēd
1 08-01-94001АD).*

ī dēі а-аіēϋ:

[1] ГА РФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 39 (Список присяжных поверенных и их помощников, живущих в Берлине); Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 179. Л. 138–44 (список членов Союза на 1927 г.); Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). Берлин, 1930. С. 29–32.

[2]. См. подробнее: Кучеров С.Л. Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. М.; Иерусалим; Мн., 2002 (воспроизведение издания Нью-Йорк, 1960). С. 404–441.

[3]. См. о нем: Будницкий О.В. В движении: русские еврей-эмигранты в 1930-х годах // Лехаим. 2010. № 11. С. 42.

[4]. ГА РФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

[5]. ГА РФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[6]. Там же.

[7]. См. о нем: Будницкий О. В движении. С. 41.

[8]. Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин 1920–1945. М., 2006. С. 399.

[9]. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сост. З.С.Бочарова. М., 2004. С. 199–200 (текст отзывает датирован публицатором 30-м мая 1923 г.).

[10]. Цит. по: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 104. Прим. 38.

[11]. ГА РФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6, 26.

[12]. Гольденвейзер А.А. — Кантору М.Л., 12 июня 1938 г. «Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать», — писал он месяц спустя Гершуну (Гольденвейзер А.А. — Б.Л.Гершуну, 10 июля 1938 г.). *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, Alexis Goldenweiser Collection, Box 4* (далее — *Gold*, цифра обозначает номер коробки).

[13]. Гольденвейзер А.А. — Мазору М.М., 11 декабря 1938. *Gold-4*.

[14]. Ольга Марковна, жена Б.Л.Гершуна.

[15]. Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., 25 декабря 1938. *Gold-4*.

[16]. Фальковский Е.А. — Гольденвейзеру А.А., 26 ноября 1939. *Gold-5*.

[17]. Зайцев Л.М. — Гольденвейзеру А.А., 22 марта 1940. *Gold-6*.

[18]. Грузенберг О.О. *Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 5.*

[19]. Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., 15 мая 1938. *Gold-4*.

[20]. Гольденвейзер А.А. — Б.Л.Гершуну, 10 июля 1939. *Gold-5*.

[21]. Беме Густав Густавович, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

[22]. Имеется в виду Владимир Абрамович Гольденберг, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

[23]. Гольденвейзер А.А. — Б.Л. Гершуну, 10 июля 1939. *Gold-5*.

[24]. Рудинский Борис Андреевич, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, страдал болезнью сердца, что не позволяло ему работать.

[25]. Переплетник Григорий Моисеевич, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

[26]. *Habitus* (лат.) — внешность, наружность.

[27]. Фальковский Е.А. — Гольденвейзеру А.А., 26 ноября 1939. *Gold-5*.

[28]. Б.Л.Гершун — А.А.Гольденвейзеру, 6 июня 1940. *Gold-6*.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ РАБОТА

Èç δαέεü Ðóõíí íαíεέé

(ОТРЫВКИ)

Èç δαέεü Ðóõíí íαíεέé, íðíçááííúé «ááðéíεéí χάεέéíé», δíáεέéñý á 1860 πᾶó á πᾶðíáéá Ì íçíðü Ì éíπéíé áπᾶðíéé, á 1892-í í áðᾶπéεέéñý á Ìάáπᾶ, á 1903-í — á Ìάðεα. Áúðᾶáó εç íááíáðíé í áñóá-éíáíé πᾶí úé, Ìí πᾶ áðᾶí áíáí πᾶáé í-áíúéπᾶñúí é σπᾶσᾶíúí áðᾶáðᾶí é πᾶáεéðᾶí. Áçéáó á áπᾶ éáðᾶáðᾶ áúé πᾶýçáí πᾶ çíáí áí εóíé ííáááééíé — «ðεáðᾶé Ñáεóíóáðᾶ», εóíéáííé Èçáðᾶí á εá-áñóáá áðᾶáðᾶεóá εç πᾶεóπᾶíá εóðᾶíá. Èí áííí ííπᾶá γóíé εñóíðεé Ðóõíí íαíεέé ñ πᾶí úéé íáðᾶááé á Ìάðεα, áñá á 1928 πᾶó íáíεᾶᾶé íá εáεεóá πᾶíé í áí óáðᾶ. Ì ú íóáεééóáí εçáðᾶííúá áπᾶáí εç áπᾶ íáεçááííé éí εáé á íáðᾶáíá Èçááéý Ì ééí áí á, ííá ðᾶááéóéáé Èðéíú Ááí áéáñ

В ΕΑΘ Α ΘΑΪΑΔ

Я помню, как к нам пришел Хацкеле-меламед. Он говорил охрипшим голосом, и лицо его было желтым, как воск. Учитель открыл молитвенник и показал букву «А». Сверху на молитвенник упали копейки. Мне сказали, что ангел бросает мне деньги, чтобы

я хотел учиться. Потом меня завернули в отцовский талес и на руках отнесли в хедер. Нас, учеников хедера, ребе вечером водил к беременной женщине читать ей молитву перед сном — кришму. Мы повторяли слово в слово за ребе. В конце молитвы выкрикивали слова: «Да будет свет!», «Доброй ночи...» За это каждому давали конфету, а в бедных семьях — по орешку. У Хацкеля я учился ивриту и молитвам. И вот я уже дорос до более высокого класса.

Следующего моего ребе звали Иван, потому что он был николаевский солдат. Хорошим ребе был этот Иван. Его жена тоже была хорошая женщина с голубыми глазами. Я не знаю, за что они меня полюбили. У Ивана я начал изучать Пятикнижие. Как и все николаевские солдаты, ребе умел хорошо выговаривать букву «р» и читал текст Пятикнижия (Хумиша) нараспев. В ту зиму наш хедер был далеко от нашего дома и мне сшили тулупчик из белой овчины, который подвязывался пояском. А к пояску прикреплялся кувшинчик, куда клали еду на целый день. Вечером мы занимались при свете грошовой свечки, которую каждый мальчик приносил с собой в хедер. Сегодня вспоминается, как я засыпал во время занятий — голова падала и так сладко дремалось. Бац! — удар. Ребе толкает в бок со словами: «Босьяк, во время учения мальчик не должен спать!» Поднимаешь испуганное лицо, с трудом открываешь глаза и забываешь, где находишься... Еле дождешься 8–9 часов вечера — и ты свободен! Радостные идем домой. Мороз крепчает. Снег скрипит под сапогами. Банда учеников вываливается из всех хедеров после изнурительного дня, как освобожденные каторжники. Ребята несут фонари-самodelки, изготовленные из промасленной бумаги. При каждом неосторожном шаге свечка падает, и фонарь стораet. Мальчик горько оплакивает свою потерю, а остальные ребята смеются. Но однажды эти молодцы увидели, что им навстречу идет «мертвец» в белом саване. Как мыши, они разбежались с криком. История была такова. На лестнице повесили сушить белье. Корова стала чесать голову, и лестница с бельем, падая, зацепилась за рога. Корова не смогла вытащить голову и вместе с лестницей и бельем пошла гулять.

Ī īāīōū

Đūīī-īāy ī ēī ūāāū ē Nī āīīēāy ā đā

Ōīōīāāōēy ī ā-āēā XX āēā

ĀĀÑ·ĒŪĒ ĀĀĪ BĒ

Почти каждая еврейская община имела своего «знаменитого» шута — веселого бедняка. На свадьбах он был заводилой, выполняя роль свадебного шута. Он забавлял всех шутками, прибаутками и

частушками. На праздник Пурим он был основным артистом и режиссером праздничного спектакля. Исполнителю роли Мордухая он напялил порванный меховой колпак, воском приклеил бороду и пейсы, в уши заткнул куски ваты. Царя Артаксеркса он нарядил в корону, изготовленную из старой шляпы, на которую наклеил картинки, вырезанные из игральных карт. На шею повесил цепь от часов-ходиков, к которой была прикреплена «медаль» — крышка от кастрюли. Артаксеркс был подпоясан поясом, на котором болтался «меч», сделанный из дощечки. Вот вам, пожалуйста, «настоящий царь».

У царицы Эсфирь (ее играл, естественно, тоже мужчина) лицо было повязано платком (чтобы спрятать бороду). На голове был платок в больших цветах, а на плечах широкая турецкая шаль. Поверх лапсердака было надето платье. Из-под платья виднелись огромные грязные сапоги, но кто это обязан смотреть вниз — лишь бы вверху было все красиво. Самую большую роль в спектакле, роль Амана, наш шут исполнял сам. Речь состояла из наполовину еврейских, наполовину польских слов. В голосе можно было услышать целую гамму оттенков, подчеркивающих властность и ярость его персонажа: упаси Б-же — настоящий Аман. По сравнению с шутами современные артисты могли бы служить у него истопниками. На праздник Симхестойре наш шут появлялся в высоком поломанном цилиндре, а за пазухой у него были украденные калачи.

На праздник урожая — «Кучки» — он приглашал прихожан к обряду благословения, имея в руках вместо лимона соленый огурец, а вместо лавровой ветви — березовую хворостину. За ним бежала ватага ребятишек, и он им командовал: «Конец празднику, ломайте кучи». Дети радовались этой возможности, а женщины, глядя на это, качали головой, приговаривая: «Гуляй, гольтьба, посмотрим, что ты завтра будешь кушать». В течение года он совершал целый ряд таких проделок, которые будоражили весь наш маленький городок. Если у вас есть время и терпение, я вам перескажу несколько историй про него. Наш молодчик — веселый бедняк — был зол на одного богача. Он нанял несколько рабочих и сказал, что хочет заново перекрыть крышу «своего» дома. Рано утром, когда все еще спали, он привел рабочих к дому богача и велел им разобрать крышу... «В чем дело? Кажется, что стучат на крыше?» — «Да, большой шум». Вскрывают с постелей, выбегают на улицу: «Г-споди, ой, ой!» На крыше сидят рабочие и ломают ее. «Сукины дети, что вы там робите? Вон с крыши, собачьи дети!» — «А где хозяин, что нас нанял?» Попробуйте ответить им... Он уже «смылся». Сразу поняли, чья это была работа. Но попробуй накажи этого байструка, этого гультая. Чего ему бояться, бедняку. Посадить его в тюрьму? Так у него же есть жена и дети...

В другой раз, рассказывали, выкинул такой трюк. Это было перед Пасхой. У него, как всегда, не было денег, чтобы закупить, что нужно дома к празднику. И вот он пустил по городу слух, что переплывет разлившуюся в половодье реку, и продал билеты на это зрелище. А так как он считался хорошим пловцом, это не вызвало удивления, но каждый хотел сам увидеть, каким способом он будет переплывать реку, что может выкинуть такой байструк? Не жалко потратить пару копеек на билет, но посмотреть, как это будет... На интересное зрелище всегда находятся охотники. Наш молодчик снимает с себя лапсердак и стремительно прыгает в воду, по самую шею. Все замерли. Он поворачивает голову к собравшемуся народу и кричит: «Слушайте, евреи! У меня есть жена и дети. Если вы хотите, чтоб я утонул, я пойду дальше». — «Вернись, вернись, чтоб тебе пусто было! Ох, какой гультай! Он нас неплохо одурачил! Ах, какая наглость, посмеялся над всем городом!» А в душе были все рады, затея всем понравилась, и никто не пожалел истраченных пары копеек. А веселый бедняк получил возможность купить к Пасхе мацу и немного вина.

Особенно он издевался над приезжими торговцами. Зимой при хорошей санной дороге они привозили на базар продавать дрова. Наш шутник сторговал все дрова и приказал отвезти их на кладбище. Там он распорядился, чтобы продавцы у каждого памятника положили по несколько поленьев дров. Пока они этим занимались, он исчез с кладбища. Когда продавцы спохватились, что их обманули, они затеяли между собой драку, доказывая друг другу, у кого было больше дров.

На базаре были мясные лавки. Они стояли вдоль берега: одна половина была на земле, вторая повисала на сваях. Когда река разливалась, вода доходила до пола. В одной из лавок пол был поломан и сквозь дыру была видна вода. Наш бедняк нанял работника и велел вычерпать воду из ямы. Работник был небольшого ума, не понял, что вода поступает из реки, и начал выливать воду через порог. Эту работу он бы делал и по сей день...

Еще один маленький рассказик, и мы вернемся к нашей «микве». Как обычно, наш шутник отирался на базаре, и вот он услышал, как один недотепа спрашивает: «Где живет цирюльник?» «Идем со мной. Я парикмахер», — сказал бедняк и ведет к себе домой. Усаживает в сени, берет горшок с разведенным мелом, который каждая хозяйка держит для подбеливания печки, обильно намазывает щеткой из рогожи этим мелом бороду, говорит ему: «Обожди, я наточу бритву» — и уходит, оставляя его зимой в

холодных сенах. Недотепа ждет и ждет, а мел замерзает у него на бороде. Стучит, зовет «парикмахера». Где там! Короче, недотепа в таком виде должен был идти искать парикмахера.

Однажды на базар крестьяне привезли продавать в мешках мякину. Наш веселый бедняк скупил эту мякину, повел продавцов к бане и велел им высыпать мякину в микву. Что знает непосвященный? Они увидели темную яму, им сказали сыпать, они так и сделали.

А мякина ведь легкая, и она плавала на воде. Он велел им утопить мякину...

Вы сами понимаете, что эти несчастные провалились в микву. Шутник исчез, а продавцы еле еле вылезли оттуда, мокрые как курицы.

Ї АДААВ САДААІ ОАІ І АВ Ї БОЕДОААЕААЕА

Когда в доме не осталось предмета, на котором можно было бы гравировать, я заказал у «мишамзника» большую палку. Ице Голдшмид подарил мне маленькую деревянную колодку, куда вставлялась эта палка. Потом, когда вся палка была заполнена гравировкой, ее нужно было очистить, освобождая место для последующей гравировки. Папин напильник был старым и стертым, у меня не хватало сил, чтобы нажимать на него, но у нас был сосед, здоровенный детина, он приходил помогать мне.

Вот так, с большими мучениями, мне удавалось гравировать орнаменты и рисунки. Когда я уже почувствовал уверенность в работе, то с помощью моей сестры выписал наложенным платежом из Варшавы штихели и напильники. У «мишамзника» заказал отлить формочки. У токаря изготовил ручки и, с Б-жьей помощью, начал становиться резчиком печатей. У богатых панов я стал зарабатывать небольшие деньги и со временем начал считаться хорошим мастером. Однажды даже один помещик пригласил меня в свое имение, я у него все серебро отгравировал. Паненки делали мне комплименты, угощали ягодами красной смородины. Я стеснялся их и, наверное, был краснее самих ягод... Утешением было то, что я принес домой целых пять рублей — первый заработок! Я почувствовал себя настоящим богачом.

К этому времени, в 15–16 лет, меня уже считали приличным парнем и, конечно, присылали сватов. Пророчили хорошее приданое. Говорили о двух-трех сотнях рублей, но отец хотел пятьсот. Я помню, как однажды пришел к нему знакомый «ишувник» (деревенский житель. — Прим. перев.) и, не стеснясь, в моем присутствии сказал: «Реб Хацкул! Сколько вы хотите за вашего парня?» Отвечает ему отец: «Пятьсот рублей». «О, так много!» И сразу ушел. Вот здесь надо отдать должное моему отцу: «Такой удалой парнишка, со всеми хорошими качествами, бен-йохет (единственный сын. — Прим. перев.), освобожденный от призыва, с собственным двухэтажным домом, — это настоящая находка, на каждой улице не валяется. Это, пожалуй, очень дешево — пятьсот рублей. Скажите сами, не так ли?»

В Дамановичах, маленьком еврейском местечке в трех часах езды на волах от города Мозыря, находился водочный завод. Там работал бухгалтером очень порядочный еврей — реб Шавел Алукер. Хозяин имения, хоть и ненавистник евреев, тоже был о нем высокого мнения. Все начальники, когда приезжали с ревизией на завод и заставляли Шавела, стоящего у стены, облаченного в молитвенные атрибуты, должны были ждать, пока он кончит молиться: «Ничего не поделаешь, может все гореть, он с места не сдвинется». Разговаривал он тихо. Ни разу грубого слова не слетало с его уст. Милостыню он дарил так, чтоб никто не заметил. А чистюля был: сапоги блестели, борода причесана, пейсы завиты. Его супруга Злата была также чистехой и умницей. К тому же знатного происхождения: из семьи раввинов и ученых. Как бы бедны они ни были, но все это не было на виду, нужда не выпирала. Пять девушек было. Как-то выкручивались: шили, вязали чулки для помещицы, держали корову, делали творог и взбивали масло. Отвозили в Мозырь. Их молочные товары славились своей чистотой и качеством.

Эстер-Рише, мамина подруга, ездила в Дамановичи покупать молочные продукты. Она знала эту семью и предложила маме посвататься к ним. Мама поехала с подругой как будто купить творог и масло и увидела, как дочь Алукера доставала тесто из дежки и пекла хлеб. Затем выкатала лист теста и нарубила лапшу. Маме девушка пришлось по сердцу. Вернувшись домой, она рассказывала, как девушка «изящными ручками» подбрасывала хлеб в воздух, как нарезала лапшу до тонкости шелка, и что девушку зовут Мэра. Не знаю почему, но имя Мэра мне очень понравилось. И, слава Б-гу, 49 лет, по сей день, имя Мэра в моем сердце. Я не выпускаю слово «Мэра» из уст, и каждый раз что-то мягкое и теплое звучит в этом имени — Мэра.

В ААЕАР ОЕАДО

В то время очкавец дал мне большой заказ: своего рода корону — тиару из золота. В связи с тем, что тиара наделала в свое время много шума во всем мире, особенно в мире археологии, стоит мне об этом рассказать.

Тысячелетия тому назад в Крыму жил народ, наполовину греки, наполовину варвары, — скифы. Их царя звали Сайтоферн. Тиару как будто город Альбия подарил царю. На тиаре была изображена греческая легенда о городе Трое, которая описана в «Илиаде» Гомера. Тиара Сайтоферна, как ее впоследствии называли, имела форму высокой остроконечной ермолки и состояла из трех частей. Верхняя сделана из ажурных греческих орнаментов. На самой ее верхушке лежит змея, скрученная в спираль; голова торчит высоко, а в конце змеи тоже головка.

Под средней частью по кругу тиару окаймляет крепостная стена города Альбия с восемью башнями. На стену нанесен древнегреческий текст о том, кто и кому дает тиару. Значение этого текста я узнал позднее.

Над стеной — история Трои. <...>

Нижняя часть тиары, богато украшенная орнаментами, отображает жизнь скифов: принесение в жертву их лошадей, которых не режут, а душат веревками вокруг шеи; их охоту в лесу на различных животных: грифонов, львов, оленей и зайцев; как они обучают детей стрелять из лука, как гонятся с собаками за животными, а также их хозяйство в поле: лошадей, коров, овец, коз. Одежда скифов, их обувь сделаны из кожи, обшитой мехом. Форма их одежды взята с большой вазы, находящейся в Петербурге, в Эрмитаже.

В нижней части тиары 27 фигур и множество полевых растений. Для того чтобы создать такую серьезную вещь, очкавец дал мне много русских и немецких книг с рисунками старых барельефов, находящихся в крупных музеях.

Над выполнением колоссальной композиции я трудился целых семь месяцев. И получил за это 1800 рублей. Впервые в моей жизни я сразу получил столько денег. Я тут же купил два лотерейных билета и надеялся на самый крупный выигрыш. Учитывая имеющиеся сбережения, у меня стало три тысячи рублей. Значит — почти богат.

Ὀεὰδὰ Νᾶεὸ τὸ ἀδὶτὰ ἁ Ἐτὰδὰ Ἰὸ ἐδῆτὸ εὐὰ ἰ ἁ: ἀεὶ ὀὀ ἀεὶ

ὈCÍ ÀP, x ὀΙ ὀΕÀÐÀ Ἰ Ἰ Ἰ ÀÈÀ ἈÈÓÀÐ

Спустя некоторое время захожу я однажды на фабрику «Жако». И директор говорит мне с улыбкой: «Знаете, куда попала ваша тиара? Можете принять от нее привет!» Он показывает мне газету «Фигаро» из Парижа и зачитывает большую статью о том, что музей Лувр имел счастье купить шедевр, тиару скифского царя по имени Сайтоферн. Ее нашли в земле Крыма, и возраст ее более двух тысяч лет. К этой статье дали фотографию тиары в натуральную величину, а также перевод на французский язык

надписи, которую я на ней сделал в древнегреческом стиле, сам не зная, что она означает. За эту дешевку Лувр заплатил двести пятьдесят тысяч франков, а некоторые говорят — целых полмиллиона.

Эта история была для меня величайшим сюрпризом: с одной стороны, меня радовало, что моя работа выставлена в таком большом окне — подумать только, в парижском Лувре, самом крупном музее мира! С другой стороны, меня огорчало, что другие обогащаются за счет моего труда, а мне платят гроши. Я прячу этот номер «Фигаро» и думаю, что раньше или позже правда всплывет на поверхность, и мир узнает ее.

В мире археологии много говорили об этой тиаре. В петербургском Эрмитаже были очень недовольны, что из России ускользнул такой редкий экспонат. Слухи все же расходились, что тиара — именно моя работа. Развернулась дискуссия между археологами всего мира. Многие из них не верили в возможность сделать такую вещь в наше время. Зачастили ко мне профессора из Одессы и петербургского Эрмитажа, спрашивали, моя ли это работа. Я им отвечал: пока своими глазами не видел эту тиару, не могу знать. Вот так понемножку страсти улеглись, и больше об этом не упоминали. Тиара так и осталась на «своем» престоле в Лувре и ждала меня...

Мы опять переехали на новую, шикарную квартиру, с балконом, с большим двором и ухоженными деревьями. Купили новую мебель; от прежней нищеты следа не осталось. Дети ходили в школу искусств, у них были большие успехи. На стенах тоже переменили декорации: вместо старых детских рисунков появились серьезные эскизы, головки и целые классические фигурки, а также скульптурные работы — руки, ноги, орнаменты. Мой салон принял совсем другой вид — настоящее художественное ателье.

DAÏÏ ANÒDEÂNÈÈÉ DAÁÁÈÍ

Несмотря на то что Одесса — город безбожников, там были довольно верующие евреи и даже хасиды. Однажды ко мне пришли два хасида и сказали, что раввин реб Мотеле Рахмастривский, большой любитель красивых изделий, слышал обо мне и просит, чтобы я приехал к нему. Я им говорю: «Встреча с рабби — для меня не особый почет, но раз вы говорите, что он знаток прекрасного и хочет видеть мои изделия, то пусть приедет ко мне». Хасиды прямо остолбенели от таких слов и такого нахальства. Раввин не имел другого выхода, как поступиться своей честью и приехать ко мне. Он явился со своим попечителем и, желая доказать мне, что он тоже художник, привез показать как свою работу пресс-папье в виде двух переплетенных змей. Я сразу догадался, что эта вещь сделана методом гальванизации и он купил ее уже в готовом виде. «Да, — подумал я, — нашел кого дурачить». И спрашиваю: «Как это живые змеи позволяют сделать из себя плетенку? А кроме того, как можно держать некошерную вещь?» Раввин говорит: «Я могу при помощи наговора усыплять живую змею». Думая, что я ему поверил, он стал рассказывать мне много других глупых историй. Но надо сказать, что из всех этих сказок я понял, что он разбирается в гальванопластике и знает, как пользоваться новыми методами фотографии, цинкографии. Конечно, делал он это чужими руками. В общем, раввин затеял начать с моей помощью «дело». Он заказал сделать маленький медальон с десятью заповедями и другие мелочи, с которых легко можно сделать гальванические копии и продавать богатым хасидам как свою собственную работу, выполненную с Б-жьей помощью. И каждый год, когда он прибывал в Одессу стричь свою паству, он заказывал мне именно такие работы. На каждой вещи он приказывал ставить свое имя и адрес, причем по-русски. Он у меня просиживал целые дни поздно, до вечерней молитвы, причем никогда не творил полуденную молитву. Но одно у него нельзя было отнять: он был большим любителем и интересовался каждой вещью, тем, как я ее сделал. Однажды он засиделся очень долго, и Мэра хотела угостить его чаем. Он сказал, что целый день отказывается от еды, но в два часа ночи выпивает полстакана молока (а животик у него порядочный). Ни одного слова он не мог написать по-древнееврейски. Позже он выехал в Иерусалим и оттуда мне в Париж присылал заказы с претензией, что благодаря его авторитету я возвеличился, а потому должен делать скидки в ценах. Как вам нравится такое нахальство? Лишь несколько лет тому назад, когда «западная цивилизация» пробилась себе дорогу на восток, арабы стали делать в Израиле погромы и так избивали нашего раввина, что он умер от побоев. Так он стал настоящим мучеником.

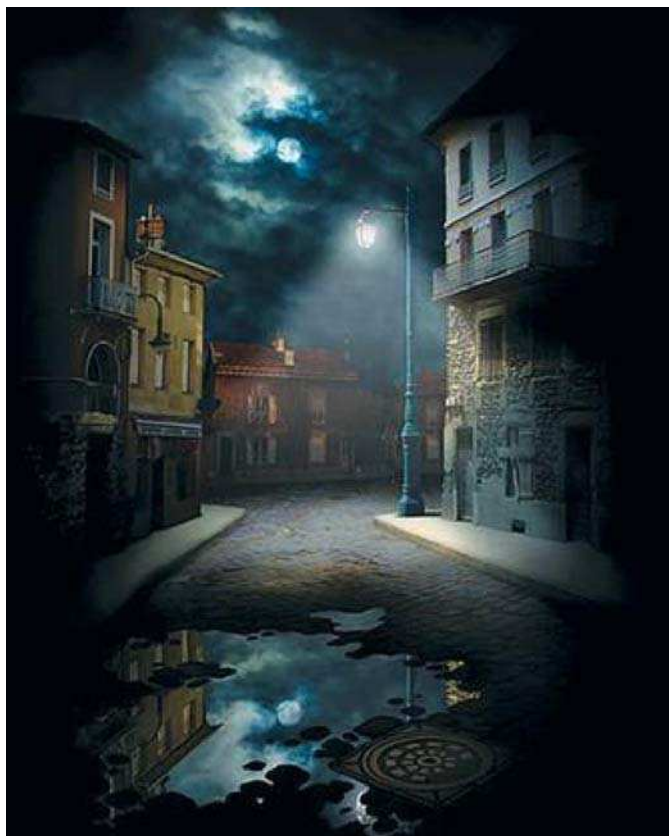

*Deada Naēōīōādiā ī ūīā jēm ī ēdūōīy ā ī ōcāī āāēī dāō ēāī īā ēīēōīōāā ā ī ādēāā ēāē ōāīīāā
pāēēōī īā āāēā ēī ī ōā XIX āāēā*

ІАŌ × АЕІААЕА ААС І ІЕДІАЕŌАЕВ

Однажды, это было перед праздником Пурим, приносят мне телеграмму из Парижа. На адресе указана моя фамилия, но улица и дом не наши. Возвращаю телеграмму и говорю, что это не мне. Рядом стоит Мэра. «Прочти сначала, — говорит она, — может быть, это действительно нам?» Беру и читаю: буквы французские, а слова русские. Словом, я кое-как разобрался, что телеграмма из редакции «Матен» из Парижа: «Так как говорят, что тиара Сайтоферна, которая в Лувре, ваша работа, редакция “Матен” просит немедленно выслать все чертежи и документы, касающиеся этого». Ты права, Мэра, речь идет обо мне! Ну, милая женушка, давай потанцуем. Наш сын наверняка попадет в Париж. От неожиданности, от молнии, которая нас ослепила, мы совсем опешили. Короче, назавтра и на следующий день посыпались письма и газеты из Парижа. Крупнейшие газеты, такие, как «Фигаро» и другие, просили меня, каждая в отдельности, только с ней иметь дело, каждая предлагала деньги на расходы для поездки в Париж. «Матен» напечатала мой портрет, найденный у моего знакомого в Одессе. В Одессе шум и гам. Все обо мне писали, говорили. А Париж интересовался мною долгие месяцы. С каждым днем все больше представителей из зарубежных газет приезжало и все расспрашивали, расспрашивали. Чем больше я молчал, тем интереснее было им узнать, каковы мои дальнейшие намерения.

Французский консул в Одессе получил возможность через фабрику «Жако» узнать, кто я и кем являюсь. Через своего секретаря он пригласил меня к себе и спросил, желаю ли я ехать в Париж. Отвечаю: «Что касается “желаю ли” — ясно, желаю, но дело, очевидно, затянется. У меня, — говорю, — жена, долгие ей годы, а также полдюжины детей. Надо их кормить. А деньги на дорогу? Да и сама жизнь в Париже тоже будет стоить». Консул говорит: «Не волнуйтесь, мы обо всем позаботимся, но делайте поменьше шума. Никто не должен знать, что вы едете в Париж».

Рабби Ошайя Раба истолковал так: «И была я у Него амон, и была радостью всякий день, играя перед Ним всечасно» (Мишлей, 8:30). Амон — педагог. Амон — укутанный. Амон — сокрытый. А некоторые говорят: «Амон — великая». Почему педагог? Потому что сказано (устаи Моше): «Разве я носил в чреве народ этот, или я родил его, что Ты говоришь мне: неси его в лоне своем, как носит пестун (омен) грудного младенца, в землю, которую ты обещал отцам его?» (Бемидбар, 11:12). Почему укутанный? Потому что сказано: «В багряное покрывало укутанные (эмуним)» (Эйха, 4:5). Почему сокрытый? Потому что сказано: «И был он [Мордехай] воспитателем (омен) Хадассы, она же — Эстер <...> Не говорила Эстер ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мордехай сказал ей, чтобы она не говорила» (Эстер, 2:7–10). Амон — великая. Как сказано: «Разве ты лучше Но-Амона, лежащего между реками, окруженного водою, которого вал было море и море служило ему стеною?» (Нахум, 3:8). На арамейский язык это переводится так: «Разве ты лучше Александрии Великой, лежащей между реками?» Другое толкование: амон — ремесленник (уман). Говорит Тора: «Я была орудием ремесла (уманут) у Святого, Благословен Он. Царь земной, если строит дворец, не сам строит его, но зовет ремесленника, а ремесленник тоже не сам строит, но заглядывает в свитки и вощенные таблички и так узнает, как возвести комнаты, как устроить двери. Так и Святой, благословен Он, заглядывал в Тору и творил мир». И сказала Тора: «В начале сотворил Б-г небо и землю» (Берешит, 1:1). Начало — это Тора. И об этом сказано: «Г-сподь приобрел меня в начале пути своего» (Мишлей, 8:22).

Рабби Ошайя Раба жил в Кесарии Приморской, столице римской провинции Палестина. Он общался с христианскими богословами и знал философские толкования. У Платона в диалоге «Тимей» Бог-творец назван ремесленником. Ремесленник по-гречески — демиург, а по-еврейски — уман. Демиург у Платона творит, глядя на недвижимый первообраз, постигаемый разумом. Здесь вопросам нет числа. Допустим, в толковании рабби Ошайи Тора — это чертеж (свитки и вощенные таблички), первообраз, по которому Ремесленник творил мир. Но кто этот Ремесленник? Если он — Б-г, то кто же Царь, нанявший его? Ведь, по толкованию рабби Ошайи, царь земной, если строит дворец, строит его не сам и не сам глядит в чертеж, но зовет ремесленника.

Для христиан здесь не было сомнения. Их Евангелие начиналось со слов: «В начале было Слово, и Слово было у Б-га, и Слово было Б-г». Слово это — Логос. Если Логос был в начале, то начало Торы надо читать так: «В Логосе [посредством Логоса] сотворил Б-г небо и землю». А рабби Ошайя Раба предлагает читать иначе: «В Торе [посредством Торы] сотворил Б-г небо и землю». Ведь о Торе сказано: «Г-сподь приобрел меня в начале пути своего». Тора была «в начале», а не Логос.

Так и оставались евреи и христиане каждый при своем мнении. Для евреев главным была Тора, а для христиан — Логос. Пока не пришел Жак Деррида и не сказал: «Письмо первично, а устное слово — вторично, и всякий, кто судит иначе, обманывается!» Это вызвало радость научной общественности (особенно еврейской). Алжирский еврей Деррида отомстил христианам за унижения, поставил Тору выше Логоса! Только зря радуется научная общественность. У Деррида все игра, все — перевертыши. Речь — образ письма, письмо — метафора речи. Слова речи, если их запомнить, записаны в душе (так Деррида толкует Платона). Нет конечной и абсолютной истины, нельзя вернуться к простоте, осуществить гегелевское снятие. Нет ни рая позади, ни Грядущего мира впереди. У истории нет телоса — цели, конца. Это далеко от Торы.

Что же нам делать с про-логом, если и Логос, и Тора поставлены под сомнение? Вот Александр Сергеевич начал свой роман «без предисловий, сей же час». К концу седьмой главы вдруг опомнился и написал: «Пою приятеля младого / И множество его причуд». И с облегчением вздохнул: «Довольно. С плеч долой обуза! / Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступление есть».

Ἡ δὲ αἰεὶ ἐστὶν ἡ ἀρχὴ τῆς ἀνάστασης

Ἡ αἰεὶ ἐστὶν ἡ ἀνάστασης

Ἀνάστασις ἡ ἀνάστασις ἡ ἀνάστασις ἡ ἀνάστασις ἡ ἀνάστασις

И я мог бы вздохнуть с облегчением, ведь вступление я если и не написал, то перевел. Боюсь, это никак не поможет. По-прежнему неясными остаются основные мотивы моих эссе: бегство рабби Меира, его мессианство, поэтическая регулярность истории, уходящая в дурную бесконечность и вызывающая тошноту. Вообще отношение истории к поэзии. Мой коллега из Беркли недавно написал в предисловии к очередной монографии: «Давно уже, во вступлениях ко многим своим книгам, я тревожился и задавал

вопрос: «Как назвать науку, которой я занимаюсь?»» В конце концов он нашел определение: «микроистория идей». Я завидую его ясности.

Наступает момент, когда тусклый свет заливают все. Тема исчерпана, и сказать больше нечего. Тут-то и приходит наука. Она прикрывает иссохшие кости понятий светящимся жиром фактов. Прометей именно так обманул Зевса, подсунув ему скудную жертву — кости, прикрытые жиром. Вместо самодвижения сущностей — недвижные схемы, смысл которых давно утерян. Восток и Запад, формации и цивилизации, человек и общество. Гегель называл это формализмом. «Этот формализм <...> покоится на мнении, будто он постиг в понятии и выразил природу и жизнь того или другого образования, если он высказывал о нем в качестве предиката какое-нибудь определение схемы...» Как избавиться от формализма? Следует побороть «свободу от содержания», «освободиться от собственного вмешательства в имманентный ритм понятий, не вторгаться в него по произволу и с прежде приобретенной мудростью». Рабби Йоханан сказал об этом так: «Слова Торы осуществляются в том, кто делает себя как бы несуществующим. Ибо сказано: “А мудрость найдешь в несуществующем” (Иов, 28:12)» (Сота, 21б).

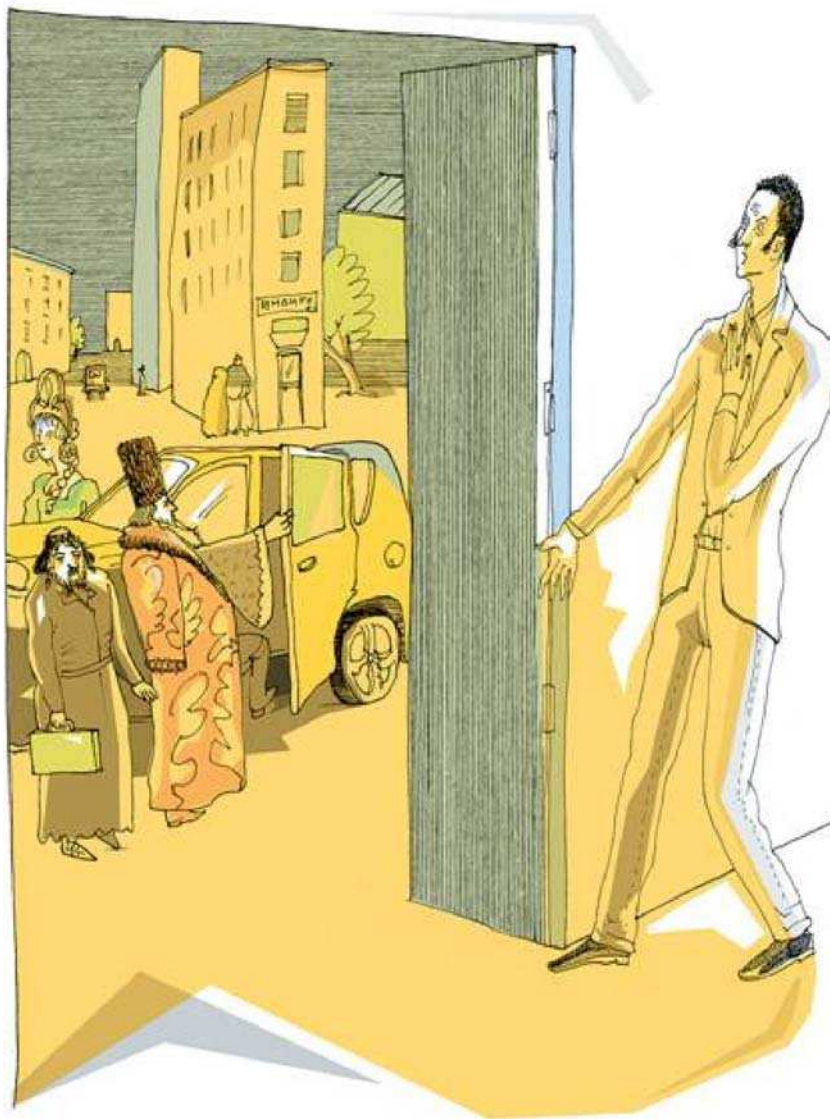
Может быть, так и стоит поступить? И перестать писать эссе. Ведь они все — предисловия, прежде приобретенная мудрость, забота историка о себе. Затянувшийся пролог в антракте.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

ДРЕСС-КОД ДОСТУПА В ПОЛИТИКУ

At den Eei

*Á í à: àéá ñ áá ðíññéñéíá íáíáñðáí áçááíðáæééí í ðááéíæáí éá ðí Õ íí «ðáçðáíðéá»
íáíáí áðéííáéññ íá áðáññ-éíáá. Ñ íáçí á: éò áéññ ùí è çáí á: áí éýí è éááþ í íáááðæáéé è áðááéá íáíéí ù.
Í íí íúí éé áéááí íá ðáááéí á ðíññé Áí áðáé Áéí óáá, óéáçíááý í á ñéíæí íñð ù ðáóáí éý çááá: è, çáýáéé,
÷ òí «á íáíáíðáí áí éæéí í áí ò ù í áéáññ í á ñááéóáí éá í ñéðíí í íñð è á íááéáá». Áí áéíáé: í íá í íáí éá
áññéáçáéé è í áññéññ áí á ðíññéñééá íáíáíðáí í ùá ááýðáéé è í ðááíðááéðáéé óáí ð: áñéíé
éí óáéééáí óéé í íáþ éí éóéáóéáí í ðéááíðáí ááéé, á áí ò í ðááí çáí éóí ééé í óí áññéññ í íéíéíí.*

С инициативой по разработке всероссийского дресс-кода глава Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин выступил в ходе полемики с группой феминисток. Первоначально это предложение наблюдатели восприняли как полемический прием, ответ на явно абсурдные претензии дам к известному священнику. Но все оказалось серьезнее. Фраза из письма феминисткам была подхвачена СМИ и превратилась в предложение. Которое было подхвачено на полном серьезе.

— Предложение отца Чаплина по сути является напоминанием о том, что приличная женщина на улице не должна одеваться так, как одеваются шлюхи на панели, а если их нельзя различить по внешнему виду, то закрадывается сомнение, можно ли различить их по содержанию, — заявил писатель Михаил Веллер «Интерфаксу».

Одновременно Веллер с сожалением заметил, что из идеи всероссийского дресс-кода ничего не получится: речь идет о том, чтобы в радикальных исламских странах женщины перестали носить чадру, паранджу, хиджаб и тому подобное, а не о том, чтобы в странах условно христианских их, наоборот, начали надевать.

Член Общественной палаты, вице-президент «МедиаСоюза» Елена Зелинская на страницах «Известий» дала жесткую отповедь недовольным инициативой протоиерея Всеволода Чаплина. «Не будем спорить с юристами. Да, Конституция гарантирует право не слушать то, что говорит Церковь. Мы, кстати, делаем это последние восемьдесят лет. И хорошо ли нам живется, господа? Расхристанные, с голыми пупками, свободные не уважать себя, ни во что не верить и требовать извинения у тех, кто исполняет свой долг», — пишет Зелинская.

Глава Чечни Рамзан Кадыров поддержал призыв протоиерея Всеволода Чаплина к женщинам быть благопристойными. «С каких это пор призыв быть скромной, держаться с большим достоинством стал преступным посягательством на чьи-то права?! Наверное, надо россиянам просто свою историю вспомнить», — заявил Кадыров в интервью «Комсомольской правде».

И даже глава президентского Совета по правам человека Михаил Федотов отреагировал крайне мягко. Нет, конечно, специального закона о дресс-коде навязывать не надо... Ведь и так уже... «У нас уже есть общероссийский официальный дресс-код: для мужчин это костюм и галстук, для женщин — брючный костюм, платье или юбка. Существует православный дресс-код. Мы все знаем, что мужчина, входя в церковь, должен снять головной убор, и он не должен туда идти в майке и шортах. Такой же дресс-код существует для женщин, она должна входить в церковь с покрытой головой. Существует мусульманский дресс-код, иудейский».

Мусульмане и иудеи по поводу дресс-кода вступили в полемику относительно шаровар. «В России живут представители разных культур и вероисповеданий, и то, что является обязательным дресс-кодом для одних, совершенно не обязательно является таковым для других. Например, ношение шаровар принято среди части мусульманских женщин, но запрещено для иудеек», — пояснил свою мысль Андрей Глоцер. А вот заместитель муфтия Татарстана Валиулла-хазрат Якупов утверждает, что это специальные шаровары, женские. К тому же в Татарстане женщины их носят под платьями. То есть иудеев это смущать вроде бы не должно. Свое мнение относительно женщин в штанах имеют и православные. Глава правозащитного центра Всемирного русского народного собора Роман Силантьев напомнил, что в храмы не пускают непотребно одетых женщин. Но женщин в брюках, по его словам, пускают в храмы. «Понятно, что брюки сегодня не несут никакого скрытого смысла. Женщина не надевает их с целью, к примеру, усилить свою сексуальность или пытаться выразить какой-то протест. Просто так ей удобнее», — говорит Силантьев. Но я не сомневаюсь, что религиозные деятели нашей страны найдут взаимоприемлемый компромисс в отношении женщин в штанах. По сути, штаны оказались единственной дискуссионной проблемой, связанной с инициативой дресс-кода.

Ну да, конечно, были еще всякие блогеры недовольные, да и Людмила Алексеева, правозащитница, высказалась против, ну так она же лидер горстки «несогласных», добивающихся права стоять под стрелой подъемного крана на Триумфальной площади, а также права переходить улицу в не разрешенных властями местах. А серьезные люди идею дресс-кода одобрили. И это, безусловно, свидетельствует о возросшем политическом авторитете религиозных организаций. И хотя у нас не Северная Корея, представить себе федеральный закон о единой форме одежды пока еще трудно... Но все-таки протоиерей Всеволод Чаплин считает, что недалек тот день, «когда из приличного места неприлично одетую особу будут выводить».

«Думаете — утопия? Да нет, скоро придется привыкать», — пишет представитель РПЦ. Вполне возможно, что он прав. Потому хочу напомнить о еврейском дресс-коде: мужчины должны носить скромную одежду темных тонов и светлую рубаху. Для женщин — платье или юбка ниже колен, руки должны быть прикрыты, волосы замужняя женщина тоже показывать не должна.

Как-то я был свидетелем тревоги в аэропорту Бен-Гурион, где уже битый час объяснял третьему или четвертому сотруднику секьюрити, кто паковал мои вещи, и показывал, что находится у меня в рюкзаке и чемодане. Я даже не понял, что произошло, как вдруг место происшествия было оцеплено, а половина людей в зале достали оружие и оказались сотрудниками службы безопасности.

Но меня больше занимает даже не головотяпство российских спецслужбистов, а проблема иррациональности терактов. Почему до общества не доходят сведения о том, какие требования выдвигают их устроители? Почему никто никогда не опубликовал доказательств того, что на Северном Кавказе были уничтожены действительно организаторы террора, а не рядовые боевики, которым посмертно приписали эти чудовищные заслуги? Почему российское общество имеет дело с абстрактными врагами и реальными смертями? Противостояния США—«Аль-Каида» или Израиль—«Хамас», по крайней мере, прозрачны. Там хотя бы есть линия фронта (пусть не отчетливая, но все же). И есть граница между Израилем и Палестиной, не говоря уж о расстоянии, отделяющем США от Афганистана. Именно мутность ситуации, созданная принадлежностью врага к категории «враг внутренний», особенно невыносима в случае с Россией. Против кого воюем?

Òàéí ààðòáí ò àààèòà á àýðíííðòò «Áíí íáááíáí».

24 ýí áàðý 2011 áää

Нежелание власти или — хуже — ее неспособность перевести террористическую угрозу в плоскость реальности есть главный источник зла для общества. Ибо самый опасный враг — пустота: ее нельзя уничтожить оружием.

Одна моя знакомая после происшедшего в «Домодедове» написала в своем блоге: «Поиски ответов на вопросы “Кто виноват?” и “Что делать?” вызывают приступы ярости. Мы уже умерли все, давно. Мы не существуем. Поэтому обычная человеческая логика совершенно бессмысленна. Тут действует какая-то другая, потусторонняя логика. Как во сне — неотвратимое случается совершенно независимо от нашей хитрости и ловкости. И случается, и случается».

В России выросло уже целое поколение, которое вобрало в себя все теракты новейшего времени, которое помнит все — начиная с Буденновска. Нынешние 20–25-летние, в детстве они смотрели репортажи о своих ровесниках, чьи пальцы их родители получали вместе с требованием выкупа. Они избегали садиться в общественный транспорт и из-за этого опаздывали на уроки. Они засыпали с мыслями о том, стоит ли забираться под кровать, если обрушится их дом, и на каких этажах безопаснее — на верхних или на нижних. Они до сих пор избегают пользоваться переходом под Пушкинской площадью. Для них мюзикл как жанр не существует. События в Беслане, которые мой мозг до сих пор отказывается воспринимать как реально происшедшие, стали причиной изменения мер безопасности в их школе. Для этого поколения метро или поезд «Москва—Петербург» — не удобное средство передвижения, а источник смертельной угрозы. Среди представителей этого поколения — студенты МГУ, однажды утром сбитые с ног взрывной волной, пришедшей от входа в гостиницу «Националь», и вбежавшие в аудиторию в одежде, забрызганной чужой кровью. И теперь, после 24 января, в этом поколении осталось еще меньше людей,

которым нравится жить в их родной стране и хочется обзавестись здесь детьми, обреченными на то же, на что были обречены их родители.

Όλοῦ ἀγάπῃ ἰδέσθαι ἰσχυροὺς ἀδελφεοὺς οὐκ εἶσθε ἀπὸ τῆς «Ἄτι τῆς ἀτι» ἀτὰρ γοῦν ἰσχυροῦ ἰδέσθαι ἀπὸ τῆς 24 ἰσχυροῦ 2011 ἰσχυροῦ

При всем том общественный организм как целое не способен испытывать скорбь. Страна разобщена социально и географически. Москве нет дела до Новосибирска, Владивостоку до Москвы. События в Куцевской для жителей других регионов звучат как сводка погоды на Марсе. Рабочий не способен сочувствовать чиновнику, чиновник — продавцу или таксисту. Научный работник абстрактен для нефтяника. Силовики и водитель-дальнобойщик предельно абстрактны друг для друга. Только в состоянии неподдающейся воображению разобщенности общества в списках террористов могли возникнуть русские и украинские фамилии.

Россия напоминает выброшенное штормом эпохи на берег существо, не выдерживающее веса своего тела и вдобавок лишённое полноценной проводимости импульсов нервной системы. Боль, страх необходимы живому, чтобы оставаться живым в мясорубке естественного отбора. Если человек приложит руку к раскаленному предмету, а сигнал дойдет до мозга позже, чем разрушится эпителий, ладонь будет обожжена. Вот почему есть ограничения на размеры существ с заданной проводимостью нервных импульсов.

Кроме отсоединенности периферической системы управления, не меньшие проблемы и с центром обработки сигналов, с его принципиальным бесчувствием. Если мозг только приказывает частям тела, не реагируя на поступающие от них импульсы, то рано или поздно он утрачивает с ними какую бы то ни было связь по причине их физического отмирания.

Ὁ: ἀπὸ ἰεῖῶν ἀεὶ ἰαὶ ὑδὲ ἰἰᾶ ἀεὶ ἂ ἀπὸ ἰεῖῶν ἀεὶ ἂ ἀπὸ ἰεῖῶν ἀεὶ ἂ ἀπὸ ἰεῖῶν ἀεὶ «Ἄτῃ ἰᾶᾶἰᾶἰ».

Ἰ ὁεὶ ἰᾶᾶἰ ἰεῖῶν ἰεῖῶν ἰεῖῶν

27 ἰᾶᾶἰ 2011 ἰᾶᾶ

Часть организма, подверженная гангрене, может быть излечена с помощью антисептиков или — на определенной стадии — ампутации. Но проблема в том, что эта больная часть никак не может донести до остального тела, что она не только адски болит, но и разлагается, ставя под угрозу организм в целом.

Мы — тело социума — не способны испытывать боль, и, следовательно, у нас нет механизма запуска инстинкта самосохранения. Так что собой представляет общество, находящееся в таком состоянии? И как долго может продлиться его существование?

Одна из самых ужасных фотографий, которые я в своей жизни видел, — это фотография камбоджийца, посаженного на кол, после того как ему была введена доза морфия, достаточная для того, чтобы не испытывать при этой казни боли. Через несколько минут человек должен умереть от кровотечения, открывшегося в результате разрыва внутренних органов. Однако на его устах при этом застыла удивительная, почти блаженная улыбка.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

ПАЛЕСТИНСКИЙ ЭКСПОРТ

Ἄεῖῶν ἰᾶᾶἰ

В России любят конспирологию и подчас всерьез обсуждают несуразные версии. К примеру, после взрыва в Домодедово особо отличились Гейдар Джемаль и Максим Шевченко. Первый обвинил российских силовиков, что неудивительно: ратует за победу ислама в России, отстаивал интересы единомышленников и коллег, отводя от них гнев русского народа. А вот зачем было Шевченко (согласно проверенной мной информации — полуживо) обвинять аморфных «русских фашистов» в содеянном? Неисповедимы пути антисемитские.

За два месяца до того, как мне исполнилось 14 лет, я «перешел рубикон» в своих отношениях с советской системой — вместе с другом-одноклассником многократно украшал центр Москвы листовками против высылки Солженицына. Мы заходили в проходные подъезды, мазали клеем листовку, затем

высовывалась рука, налепывая ее на дверь, после чего мгновенно выбегали на соседнюю улицу, откуда шли искать новый удобный подъезд.

Но протестовать против палестинского террора я вышел один. Всем правилам предосторожности вопреки наклеивал листы, в которых клеймил позором арабских террористов, на двери домов в районе Суворовского бульвара и Калининского проспекта. Исполненный состраданием к жертвам и ненавистью к душегубцам и их покровителям, я прохаживался вскоре после действия по обклеенным объектам и поражался, как проворно сдирали сознательные граждане антитеррористические призывы, написанные рукой школьника. Знаменательно, что в одном месте у двери стоял милиционер и охранял мою листовку. Должно быть, в ожидании товарищей из органов.

В те годы мы знали, что СССР поддерживает убийц еврейских детей в Маалоте. Особо пронырливые среди «старших» говорили о каких-то базах в Балашихе и других местах, где проходили подготовку палестинские изверги. Нашим естественным ответом была тогда алия. Именно палестинский террор с начала 1970-х стал тем международным явлением, которое сегодня присутствует в заголовках новостей почти ежедневно. Мы сталкивались с террором и доголе, но именно палестинский поставил себе целью убивать евреев и израильтян по всему миру.

Справедливости ради добавим, что Вашингтон тоже не гнушался сделками с террористами. Костяк группировки «Аль-Каида» получал помощь от американцев и англичан, пока воевали против советского присутствия в Афганистане. Тогда они не думали о том, что подопечные пойдут убивать американцев вслед за победой в Афганистане. И вот уже американцы сами оккупировали Афганистан.

Последние два десятка лет антироссийский террор имеет палестинскую закваску. Подобно американцам и англичанам, советские инструкторы не понимали, что эта публика не покупается, а лишь иногда «берется на прокат».

В реальной же жизни мы располагаем возможностями знать о природе террора и о том, кто стоит за ним. Дело в том, что немалое количество террористов было поймано российскими спецслужбами. И они давали показания о командирах, заказчиках, наблюдателях и доброжелателях. Чеченские боевики рассказали достаточно много интересного о помощи из Саудовской Аравии и Турции. Напомним, что около 7 тыс. арабов находилось среди боевиков к началу войны 1999 года. Среди инструкторов было немало палестинцев, все командиры опирались на их опыт. Так взрывы домов в Москве и Волгодонске осуществлялись по наработкам «Хамас», который не признается Россией террористической организацией. А взрывы в многолюдных местах в исполнении камикадзе, когда бомба начинена мелкими металлическими частицами? Любой специалист по террору подтвердит палестинский след практически в каждом теракте на территории России и без ссылок на информацию, добытую следователями ФСБ.

Похоже, Россия вступает в новую стадию эскалации войны на Северном Кавказе и широкомасштабного террора. Посягательства на Россию носят характер звериного душегубства. Но не только поэтому все мы с русскими в эти дни. Так повернулась «хитроверть» истории, что в сложных событийных сплетениях наших дней враги Израиля и враги России схожи до неразличения. Наши пожелания победы и наши возможности помочь России создают основу для нового витка в укреплении связей между нашими странами и народами. Мы также огнесемся с пониманием к укреплению русского самосознания в рамках войны России за свободу и цивилизацию. А российским евреям последние события послужат новым напоминанием о том, что их дом — Израиль.

ЛЕХАИМ ΜΑΡΤ 2011 ΑΔΑΡ 5771 – 3(227)

ΒΕΣΗΑ ΑΜΑΝΑ

Μιχαήλ Γορέλικ

Έαι άδελάε, ηεάαί ύέ όίεάάηεόαόηεέ Έαι άδελάε η Άάάάάάί, η Ίάηηά-όηαόηεέ όαήηεήά-άηεέ εήηεόόόή, ίόηάάί ύέ ηηόηηεήάί ε εα έδαείηη έάηεή ό ΕΊΘ — Έαι άδελάεήε Έάάάί τε Δάη όάεέήε, άόέυαγ, ίάάεάαηάγ ηγ -άάε έδαέ όάθ-άηεγ άεόεάί ηηόη ί όε-άάεάγ η άηί ηάηάη, άάί ηεάόε-ίηηέ ε άηηεήεήάη ηεόαόήά η ηάεή ά, άάί ηηηόάεάί ύέ άηήά εάά-ίηί ό — άόάε άάάά άόάγ άεή ύ — άάη άεόάάεή ηί ό Άηηόήό ηά άάήή, άεηόέή, άηηεέ έάέόέή.

Жил-был человек. Звали его Дэвид Басс. Этот Дэвид Басс учился себе в университете на композиторском факультете, а потом вдруг взял да и переехал на химию. И стал, между прочим, профессором, так что не зря переехал. А может, и зря — кто ж знает? В один прекрасный день профессор химии Дэвид Басс обнаружил, что его приближающийся к возрасту бар мицвы сын совершенно равнодушен к опере. Дэвид Басс очень удивился: оказывается, есть на свете существа, равнодушные к опере. Как человек пытливого и систематического ума, Дэвид Басс не остановился на констатации не вмещающегося в его представления о жизни факта, но стал исследовать вопрос, как это так и почему это возможно. И пришел к выводу, что его сын, конечно же, сам того не подозревая, любит оперу, но просто не нашел себе оперу по душе.

Поразмыслив, профессор химии Дэвид Басс, сей достойный правнук Александра Бородина, тут же сочинил оперу на тему «Звездных войн» — младший Басс был без ума от фильма и смотрел его тринадцать раз: по одному разу на каждый год своей жизни. Дэвид Басс сочинил либретто и музыку и попал в точку: уж он-то знал, как угодить своему сыну. Скоро Дэвид Басс, его жена и его сын, к своему удивлению обнаруживший, что лучше оперы и впрямь нет ничего на свете, распевали арии и веселились.

Можно эту историю понять так, что Всевышний ожесточил (ненадолго) сердце Басса-младшего, дабы вернуть Басса-старшего к назначенной ему свыше миссии, от выполнения коей он со своей химией малость отклонился. Всевышний сказал ему: «Дэвид Басс!» Дэвид Басс отвечал: «Гинейни! Вот он я!» Всевышний: «Дэвид Басс, хватит уже валять дурака, займись делом». И профессор химии Дэвид Басс тотчас занялся делом: он создал уникальную самодеятельную семейную оперу. Уникальную, потому что, хотя самодеятельные оперы вполне себе существуют, да только они либо взрослые, либо детские, а профессор химии Дэвид Басс придумал оперу, где возраст певцов от четырех до семидесяти четырех.

С тех пор прошло десять лет. В репертуаре Семейной оперы Кембриджа восемь спектаклей. В прошлом году давали «Весну Амана» — оперу-пуримшпиль, карнавальный, постмодернистский спектакль, в котором музыка и текст полны аллюзий. Начать с названия. Есть такой знаменитый бродвейский мюзикл «Продюсеры». Герои «Продюсеров» ставят имеющий оглушительный успех мюзикл «Весна Гитлера». Мюзикл в мюзикле. «Весна Амана» естественным образом рифмуется с «Весной Гитлера», Аман совмещается со своим потомком. Само собой, в опере есть пара тактов и пара слов из «Продюсеров» — достаточно мало, чтобы не задеть авторские права, и достаточно много, чтобы все это было узнаваемо и вызывало смех.

Сюжет точно следует Книге Эстер с естественными для пуримшиля прибабасами: пуримшпиль сохраняет свою природу и в опере. Партии Эстер и Мордехая исполняют подростки, партии Ахашвероша и Амана — взрослые: создается впечатление, что потерявшие стыд взрослые обижают детей. Обливаясь пьяными покаянными слезами, Ахашверош поет Эстер: ты такая хорошая, такая чистая, такая невинная, такая непорочная, такая голубица, я такой подлый, такой грязный, такой развратник, такой козел, из-за кулис выплывает тень Федора Достоевского и накрывает сцену. Впрочем, и тень, и покаяние, и Федор Достоевский с его обычными безобразиями, и пьяные слезы — все вполне пародийно, в шутовском колпаке с неизменными бубенцами, слезы высыхают, еще толком не пролившись, козел Ахашверош с легкостью возвращается к обычной своей беззаботности и, прежде чем пуститься с Аманом в пляс под украшенную банджо музыку в стиле кантри, успевает похвалиться: вот как любит его непорочная голубица, жизнью рискнула только лишь для того, чтобы пригласить на обед, у кого есть такая жена?!

Еще забавный эпизод. Несмотря на блистательную карьеру, Аман все равно второсортен, низкородный пришелец, агагиянская ложка дегтя в нашем персидском меду, выскочка, не принят в высшее общество, уязвлен, страдает, комплекс неполноценности, коченея в зимнюю стужу, смотрит в окно, как принцы играют в преферанс или, поди разбери, в рулетку, очевидный мазохист, оборотная сторона садизма, принцев по ту сторону стекла обожает и ненавидит вместе, билета в клуб нет и не предвидится. Соль этого эпизода в пародийной инверсии рассказа о рабби Акиве, тогда еще начинающем талмиде, не имея возможности войти в ешиву, внимал талмудическим штудиям у слухового окна, пока не был засыпан снегом. Рабби Акива полиморфируется в Амана, мудрецы — в пустоголовых принцев, талмудические штудии — в азартную игру, в дурацкий авось, нахально подменяющий волю Б-жьё. Дух Пурима, дух карнавала, меняющего местами верх и низ. И все легко, весело, между делом, кто поймет, тот поймет, не думаю, что талмудические истории — даже на уровне популярной классики — так уж всем здешним актерам и зрителям известны, а кто не поймет, тот не поймет, тоже ничего страшного, многоуровневая опера, каждый возьмет свое, и с музыкой то же самое.

Профессор химии выдвигает неожиданную гипотезу озверения Амана. Согласно ей, упрямство Мордехая было всего лишь триггером, всего лишь рационализацией. Истинные причины лежали совсем в ином, не связанном с Мордехаем месте. Дело в том, что, поскольку злодей Аман не обеспокоился няньками, мамками, кормилицами, бзбиситерками и метапелками, бедняжка Зереш с ее непрестанной заботой о десятилетних

сыновьях, это ж с ума сойти можно, хоть и определенно двужильна, просто на все ее не хватает — то ей надо укладывать пишущих детей спать, то кормить, то развлекать, то гулять, то вытирать слезы, попу и нос, я кому говорю, не прыгай со шкафа, подбадривать, утешать, успокаивать, безмерно хвалить, гладить по головке, целовать, мужчины и большие, и маленькие уязвимы, легко впадают в уныние, в буйство, обидчивы, тщеславны, то мазать зеленкой разбитые коленки, то смотреть, чтобы они не поотрывали друг другу головы, то у них скарлатина, то корь, то проверять уроки древнеперсидского языка у старшеньких, то давать грудь маленькому Вайзате, который, по нашему еврейскому преданию, вырос полным идиотом, видимо, потому, что сосал молоко усталой женщины, когда изредка доходит до дела, уже совершенно никакая, слипаются глаза, болит голова, она не хочет, она не может, она, что согласитесь, обидно и даже оскорбительно, засыпает посреди неразделенных Амановых восторгов, а если и не засыпает, бесчувственная, бревном бревно, как же я устала, когда же это кончится, Зереш, конечно, жалко, но и Амана, хоть он и сам виноват — где няньки, зачем великий визирь экономит на няньках, — тоже жалко, постоянно остается без сладкого, а ты, шестой, у ворот постой, вот тебе горшок пустой, появляется естественное желание устроить кому-нибудь геноцид, Мордехай не кланяется, пусть за все ответит, другой написал бы поэму, когда б вы знали, из какого сора, изобрел бы теорию относительности, на худой конец, вероятности, пробежал марафон, или по наущению небеспроблемного Владимира Маяковского занялся рубкой дров, каждому свое, один полиморфирует Эроса в Аполлона, другой в Танатоса, преуспей Иосиф Сталин в поэзии, Адольф Гитлер в живописи или архитектуре, мир был бы иным, я оборотился к залу, одесную аплодировал дедушка Зигмунд Фрейд, ошуюю любимый мною Борис Парамонов, тоже дедушка, они были здесь, они всегда здесь, не то чтобы я так уж почитал редукционизм, но в талантливых руках все играет, да и потом в точку, здесь определенно в точку, у Бориса Парамонова есть небольшое психоаналитическое эссе, посвященное современному интеллигентному антисемитизму в России, автор чрезвычайно пронизательный, иначе чего бы ради стал я его здесь вспоминать, совершенно независимо приходит к тому же заключению, что и профессор химии Дэвид Басс, антисемитизм, причудливая сублимация, в сущности, редукционизм карнавален, убедительно связывает тексты и факты биографии Александра Проханова, интересно под тем же углом взглянуть на Махмуда Ахмадинежада, другое дело — царь Ахашверош, гарем, все до одной хороши, еще как хороши, просто обольстительны, о как обольстительны, сладкоголосы, откровенно сладострастны, я вот смотрел, слушал, правильно алаха запрещает слушать женское пение, не говоря уже о танцах, вы только посмотрите, что они на сцене вытворяют, бесстыдные плясовицы, о чем ты, что ты несешь, бесстыдные плясовицы, откровенно сладострастны, окстись, что они такого особенного вытворяют, семейная опера, верх пристойности, дети на сцене, живость — да, есть, игра есть, весело, мило, красиво, ничего боле, как это ничего боле, а сила искусства, а воображение, ведь увлекаешься до потери себя, до самозабвения, окончательно перестаешь соображать, отличать правое от левого, победу от поражения, амфибрахий от анапеста, Мордехай от Амана, никогда, впрочем, особенно не отличал, наши мудрецы хорошо понимали, все, как одна, дышат духами, дышат туманами, забывают в Ахашверошесом гареме прозу бостонской жизни, при таких-то дивах какие у царя могут быть проблемы, никаких проблем у царя при таких дивах быть не может, никакой потребности в сублимации, никаких мыслей о геноциде, вообще никаких мыслей, мысль, быстропарящая и бесстыдная птица, грехопадение, помрачение чистоты нетронутого рефлексией ума, неблагоприятный разрыв с интуитивно постигаемой жизнью, решительно берем сторону интуитивизма, надобно жить чувствами, пребывает в отдельно взятом раю, прекрасен без извилин, вечно пьян, нос в табаке, утешен лаской, ни в чем не знает отказа, всегда весел, пляшет и поет, причем, что характерно, пляшет и поет не трагические арии, как несчастный, раздираемый страстями Аман, а что-то милое, добродушное, любимый народом невыросший подросток, персидский кот Персидской империи, всяк хочет улыбнуться, погладить по голове, почесать за ухом, взять на колени, приласкать, простить, как самому себе, шалости, это ему так в либретто Дэвид Басс прописал, скажите на милость, зачем этому всенародно облаканному коту устраивать геноцид, ему и без геноцида хорошо, отвлекись Зереш в нужный момент от детей, глядишь, не пришлось бы писать Книгу Эстер, но Зереш не отвлеклась.

А вообще — зрелище грандиозное. Два состава по семьдесят человек. Постоянное движение, танцы. Пестрота костюмов. И самый разный народ. Разных возрастов, профессий, национальностей, религиозной принадлежности.

Евреев, конечно, много. Там, где креатив, тем паче креатив музыкальный, евреев всегда много. Но ведь и не одни же евреи. Хочешь и можешь петь? Пой! Амана поет Дэвид Сендберг — адвокат, а по совместительству еще и кантор во вполне ортодоксальной синагоге. Мордехай — пятнадцатилетний школьник Элияу Кантор, которому сам Б-г велел быть кантором в ортодоксальной синагоге, поет, по прихотливости судьбы, в церковном хоре.

Вот интересно, предложи Дэвид Басс роль Мордехая или (на выбор) Амана дьякону Андрею Кураеву — невероятно, конечно, профессор химии Дэвид Басс знать не знает о существовании дьякона Андрея Кураева, — но вдруг, вдруг, я говорю, такое предложение поступило, согласился бы дьякон Андрей Кураев или не согласился бы дьякон Андрей Кураев, большой любитель Книги Эстер, спеть в Семейной опере Кембриджа? Как вы думаете? Я думаю, не согласился бы. И знаете почему? Потому что клирикам не велит петь в опере церковная алаха.

Да, вот еще. Дэвид Басс, который не успевает к началу нового театрального сезона завершить новую оперу — на сей раз о троллях, — намерен возобновить «Звездные войны». Опечаленные наложницы предвкушают, как они, держа в руках извергающие огонь бластеры, что скажет дедушка Зигмунд Фрейд про бластеры, будут петь и плясать арии космических пехотинцев. Каково им, бедным, менять яркие, свободные наряды гарема на строгую униформу, совершенно нивелирующую их женские прелести? Но они, хоть и со вздохом, конечно же, согласятся, потому что в этом распрекрасном до невероятности Кембридже — ну как же не петь?!

25 февраля

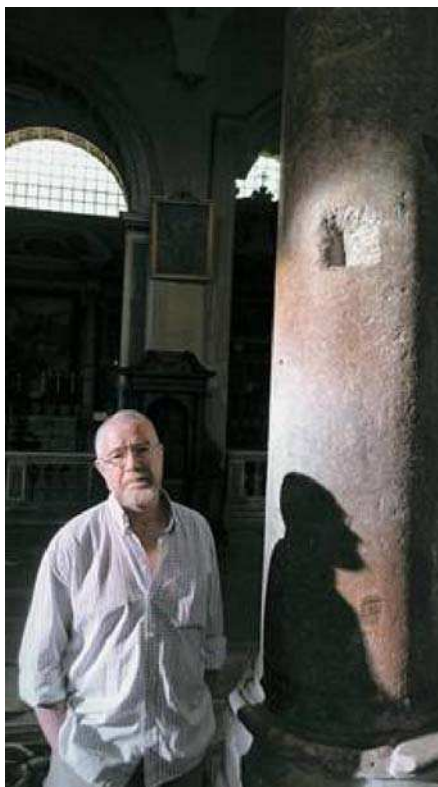
ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ:

НАЙТИ ОХОТНИКА

Беседу ведет Ирина Головинская

Взять у старого друга интервью — хороший повод лишний раз поговорить с ним по душам. Любая беседа с Сергеем Гандлевским непременно вырывает к самому главному, что составляет содержание жизни. Поэт, умеющий помимо всего того, что он помещает в стиховое пространство, внятно формулировать и напряженно рефлексировать по поводу того, что, казалось бы, лежит за гранью его непосредственных интересов, — скорее исключение, чем правило. Гандлевский — одно из таких счастливых исключений.

Надее Аай аеааеае.

Dei.

2010 аа

ИРИНА ГОЛОВИНСКАЯ Ты как-то помянул свой фамильный перфекционизм. Я знаю, что у тебя непростая семейная история: мать из поповского сословия, отец — из интеллигентного еврейского. «Кто виноват» в этом твоём стремлении к перфекционизму?

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ Здесь нельзя поставить чистый эксперимент, потому что я в течение жизни имел дело только с еврейской родней. А мать на моей памяти была круглой сиротой. Она с обеих сторон приходилась внучкой православным священникам; такое родство в СССР не приветствовалось, и о нём предпочитали помалкивать, тем более что прадед мой, Александр Орлов, сперва был заключённым на Соловках, а после — переведен куда-то в Казахстан и, скорее всего, расстрелян. Так что у меня от этой ветви ничего, кроме нескольких фотографий и поздравительных открыток вековой давности не осталось. С еврейскими родственниками ясности больше. Недавно я стал обладателем целой навалочки старых документов и фотографий. Я нашел там, среди прочего, послужной список своего прадеда, «вольнопрактикующего врача, лекаря Дувид Гандлевского, Мойсеева закона, из купцов-евреев». Из документа явствует, что в 1904 году прадед призван из запаса на действительную службу медиком в Манчжурскую армию и командирован в Харбин.

Много лет назад ты заявил, что чувствуешь свою вину (разделяешь ИГ ответственность) как представитель еврейского народа за все зверства, что творили красные комиссары-евреи. Не можешь освободить себя от груза вины за преступления, совершенные соплеменниками?

Чувство племенной вины меня беспокоило четверть века назад, но СГ это в прошлом. (Мои предки, кстати, никак и ничем себя не замарали, насколько это в принципе применимо к человеку, выжившему в СССР, а значит, и ко мне.) Избавило меня от презумпции виновности осознание того, что ответственность может быть только личной. Это первое. И второе: я лучше узнал, каким удручающе униженным было положение еврейства до февраля 1917 года: народ повально грамотный, непьющий, традиционно воспитанный в осознании собственной религиозной избранности, что не могло не сказаться на национальном темпераменте, и при этом страшно униженный. В каких-то мемуарах я прочитал, что в 1914 году, в начале первой мировой войны, казаки просто въезжали в еврейские местечки и гнали тамошних обывателей нагайками в глубь России, всех без изъятия — детей, стариков, беременных женщин. Это

командование опасалось, что они станут шпионить в пользу Германии. А процентная норма? В биографии Веры Набоковой рассказывается, как еврейской девушке для поступления в университет пришлось добыть фиктивную справку, что она занимается проституцией. Когда выяснилось, что она не проститутка, ее выгнали. Люди кожиновских взглядов замечают уровень присутствия евреев только в революции и в карательных органах. Но уровень еврейского присутствия достаточно равномерно поднялся тогда во всех профессиональных сферах — наука, культура... Целый народ вышел из «подпола» и вторгся в социум с энергией распрямляющейся пружины. Это видно и по моей родне — сыновьям врача, которого я поминал только что. Старший его сын, мой дед, стал видным деятелем оборонной промышленности, уполномоченным наркома обороны Устинова. Тот его ценил и, по мнению деда, не раз спасал от ареста: усылал в дальнюю командировку с инспекцией, когда наперед узнавал о предстоящих чистках. Дед исчезал на какое-то время и возвращался, когда волна террора в его ведомстве спадала. Брат его, Григорий Гандлевский, был химиком, лауреатом Сталинской премии, однажды совершил подвиг — спас упавшую в огромный котел из-под каких-то ядовитых химикалий работницу. Прыгнул в котел и вытолкнул ее наружу, а сам не успел выбраться, потерял сознание, надышавшись каких-то испарений, его едва выносили. И отец мой трудился не за страх, а за совесть до самой смерти. А дядя и по сей день продолжает, хотя давно уже пенсионер по годам... В общем, комар носа не подточит, все мои предки — порядочные работающие люди. А мог бы оказаться отпрыском какого-нибудь партийца или чекиста.

Известно, кстати, что самыми рьяными диссидентами подчас ИГ оказывались как раз дети высокопоставленных советских чекистов. Ты диссидентствовал в юности?

Мы это дело очень уважали. Интересовались, читали «Хронику». Но СГ диссидентство и занятия искусством как-то не очень сопрягаются по психологическому импульсу: искусство — это вечный вопрос, подвешенное состояние, а диссидентство — ответ, сознание своей правоты.

Твои бесконечные экспедиции в молодости — это такой вид ИГ эскапизма, нечто вроде питерской традиции быть сторожами и кочегарами, только поизысканней?

А я и сторожем был. Зимой сторожил, летом уезжал — всегда был СГ легок на подъем. Много чего повидал — от Памира до Чукотки. Повезло, в каком-то смысле, что мы не в маленькой Албании жили и что даже при запертых границах можно было хорошо постранствовать внутри страны.

Это желание уезжать, убегать, ездить, смотреть, оно как-то ИГ связано с желанием писать? Ты себя рано осознал в качестве пишущего человека?

Все мужчины Гандлевские любили литературу, поэзию, могли часами СГ подвывать наизусть Пушкина, Лермонтова, Гумилева, Маяковского, а еще и рифмовали, но без амбиций — «альбомным» образом. Старшие сильно повлияли на мой отроческий литературный вкус, хотя сейчас мои вкусы заметно расходятся с семейными. Первый приступ фамильной и подростковой графомании у меня случился лет в девять. А тем временем родители, видя мою любовь к животным, записали меня в кружок при зоопарке. Тут еще у отца имелись свои личные счета: он, несмотря на то что был успешным инженером, втайне тяготился своей профессией и мне не желал подобной участи. Но и мои гуманитарные устремления его беспокоили, и он предупреждал меня, что, если я пойду по этой стезе, мне придется много врать. А тут — биология, что-то вполне нейтральное. Я и ходил в зоопарк исправно года два, вел наблюдения за бамбуковым медведем Ань-Анем. (О нем, кстати, есть песня у Юза Алешковского, но я, понятное дело, не мог тогда знать, что не пройдет и полувек без малого, как мы станем с Юзом приятелями.) Рецидив произошел в девятом классе. Я шел от учительницы английского и вдруг — я в тот момент примеривался к биофаку — решил стать писателем. Понравился писательский образ жизни, каким я себе его воображал: «Праздность, слава, любовь и т. п.» Сказано — сделано. После неприятных разговоров с родителями я забрал свои документы из хорошего математического класса и перевелся в гуманитарный класс другой школы, как оказалось, похуже. Но мне повезло: литературу там преподавала замечательная учительница, выпускница ИФЛИ Вера Романовна Вайнберг. Я ходил у нее в любимчиках, она меня захваливала — сейчас-то я понимаю, что это было баловством чистой воды.

Как-то на филфаке ко мне подсел странный молодой человек, заговорил со мной, и разговор наш, образно говоря, затянулся на двадцать пять лет. Это был Саша Сопровский, он и ввел меня в круг своих приятелей-сочинителей. И за компанию я через несколько месяцев стал сочинять стихи — 22 июня 1970 года написал первое стихотворение. Определился.

Расскажи о Сопровском и о «Московском времени». ИГ

Это был поэтический сборник? Журнал? ИГ

Альманах с разделом критики. Мы были открыты для всех, кто к нам СГ прибывался, — конечно, если новичок нам был по вкусу. И показывали альманах направо и налево. И нас очень озадачивала реакция официальных писателей, которые интересовались, высказывали свое мнение, но что-то написать туда категорически отказывались, говорили — «незалитовано». Тогда я и узнал это слово.

Это и были твои первые публикации? ИГ

Да. СГ

Никогда не хотелось войти в круг официальной литературы? ИГ

Водораздел «мы» и «они» обозначился для нашей компании не сразу, СГ ситуация не сразу стала черно-белой: ведь печатались же изредка стоящие стихи тех же Юнны Мориц, Межирова и других. «Не печататься» сперва не было вопросом принципа, а скорее вопросом бессмысленной траты времени — как часами торчать в очереди в ЖЭК. Так что каждый из нас раза по два-три отнес стихи в советские редакции... Это потом мы заматерели и стали отпетыми.

Ты уже признанный писатель, известный поэт и лауреат. Этим ИГ летом, в частности, получил премию «Поэт». Известно, что литпремии никак вообще на книжный рынок не влияют, тиражи не растут, имя писателя если и делается известным, то лишь на пять минут. Твое отношение к литпремиям?

Получить премию приятно и полезно: теперь автор сумеет без СГ уцелеть для семейного бюджета обзавестись новым компьютером, или скататься за границу, или отремонтировать квартиру или дачу. Ну и самолюбие, понятно, тешится. Но с другой стороны, премия очень не напрямую сопряжена с подлинными писательскими заслугами. Сейчас, как представляется, поэтический расклад сил в стране на редкость благоприятный, есть более десятка очень талантливых авторов. Каждый из них достоин всевозможных наград — все упирается, в большой мере, в везение. И вместе с тем в премировании искусства есть что-то глубоко противопоставленное природе искусства как такового, потому что нам навязывается аналогия со спортом. Со спортом все понятно: кто выше всех прыгнул, тот и молодец: берется одно и то же занятие, в котором выявляется лучший. В искусстве же «видов спорта» столько же, сколько стоящих авторов. И если в искусстве возможен рекорд, то только личный — когда человек превзошел себя самого, свои прежние достижения.

Ἰ ἴγῶ Ἀεαεῖαῖ ἄδ Νῖῖ ὀῖαεεε ε̇ αἰ̇ αεαῖ ἄ Ὀαὸ ἰῖῖ ἄ Ἰ ἴεαὸ αααα

1979 ἄ ἄ

Когда вышла «Трепанация черепа», в читающем сообществе случился ИГ прямо-таки взрыв. Это была, как сейчас выражаются, книга-открытие. Такой прозы, такого уровня откровенности на просторах отечественной словесности как будто не было. Понятно, что побудительным мотивом являлась твоя медицинская история, но хотелось бы услышать от автора, что было еще.

Мне всегда хотелось и сейчас хочется писать прозу. Потому что СГ писать стихи мне не кажется серьезным мужским занятием. Это первое.

Оставим это странное заявление на твоей совести. ИГ

Я же сейчас не вещаю, а говорю о собственных ощущениях. Писание СГ стихов не дает мне ощущения внутреннего комфорта, сознания собственной занятости, что важно для человека в годах и мужского пола. «Ты кто? — Я врач». Это одно. А «я поэт» — это как? Два стишка в год?

Ну, это твой собственный способ редкого писания, другие и три ИГ пишут, и сто тридцать три и прекрасным образом себя называют поэтами.

Для меня писать прозу — решительная смена образа жизни: СГ погружение в придуманный мир, знание уже с утра, чем ты будешь занят сегодня, и завтра, и послезавтра...

То есть такое оправдание бессмысленности жизни? ИГ

Вернее, случайности моих дней. Появляется дело, под знаком СГ которого проходит часть жизни.

А как писалась «Трепанация черепа»? Ставились ли там какие-то ИГ формальные задачи? Или писалось как писалось?

Происхождение этой книги вполне физиологическое: я ведь терял СГ дар речи, связность мысли — опухоль давила. Писал, радуясь и дивясь: вот ведь — слова помню, способность формулировать вернулась. Я люблю этот оптический аттракцион — «найди охотника»: картинка, где в хитросплетении штриховки вдруг замечаешь человека. Я думаю, что талантливый человек отличается от неталантливого тем, что талантливый в конце концов различает «охотника», а остальные — нет. Вот и я на короткое время — к сожалению, на очень короткое — прозрел: вот же оно, содержание прозы, как просто — рукой подать! И это вещь, которая написана на радостях, а не с горя.

Она еще и этим берет. Ты из тех писателей, кто пишет мало и ИГ редко. Это принцип?

Это как раз отсутствие принципиальности. Я из принципа, через СГ силу, с утра встаю под холодный душ. Но я не могу писать стихи на одной силе воли, только оттого, что я назвался груздем, то бишь поэтом. Чтобы писать, перво-наперво надо самому увлечься. А я так устроен, что мой вкус свирепеет куда быстрее, чем мои способности могут ему угодить, он очень редко одобрительно кивает головой — обычно же командует «отбой».

Откуда такая строгость? ИГ

Так устроен. Я, кстати, вовсе не уверен, что это хорошее СГ устройство. Может, это недостаток артистизма, неумение увлечься.

В «Школе злословия» как-то показали Веру Полозкову. Она сказала, ИГ кроме Пушкина, из классики ее любимый поэт Гандлевский. В точку попала: у тебя отношения с русским языком именно что классические, возвышенно-строгие. Как ты реагируешь на современный разговорный язык?

Известно, что, когда тыходишь в возраст, ты делаешься СГ нетерпимым к молодежной речи. Я вспоминаю, как я нарочно шокировал своих родителей всякими словечками. Но сейчас это поколенческое разноязычие усиливается еще и тем, что былая советская цивилизация ушла в небытие. Мы с моим отцом принадлежали к одной цивилизации, а со своими детьми я очутился в разных — наши дети в каком-то смысле для нас немного иностранцы.

Есть ли слова, которые ты запрещаешь при тебе произносить сыну и ИГ дочери?

С нашими детьми у нас с женой языкового барьера нет, и мы можем СГ приписать себе эту заслугу — много разговаривали, боролись с «улицей», так что они владеют нашим языком тоже. Зная мою неприязнь к новоязу, они и говорят со мной на привычном мне языке. У моих детей есть чувство стиля — если они говорят вульгарно-гламурно, значит, они имитируют «вражескую» речь. Ухо режет, главным образом, не то, что речь современников неправильна (живая речь и не должна быть образцовой!) — а то, что большинство наших соотечественников утратили чувство стиля. В газете говорят, будто лаются в очереди,

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ. «“Кошер!” — решает раввин. Беня выходит, и вбегает женщина с криком и плачем: “Ребе, сил моих больше нет выдержать такое!”» Скажите, и в оригинальных текстах Менделе так же заметно, откуда черпали вдохновение некоторые классики советской литературы, еврейского происхождения?

На русском языке сложился свой стиль перевода с МИХАИЛ КРУТИКОВ идиша, ориентированный на разговорную «еврейскую» речь. Этот стиль хорошо подходит для диалога или монолога, но не для передачи литературного авторского голоса. Достижение же Абрамовича как писателя именно в изобретении Менделе, одновременно рассказчика и персонажа, чья речь насыщена сложными образами и аллюзиями. При переводе эта сложность сглаживается, и остается один Беня. В целом советской литературе гораздо ближе Шолом-Алейхем. Некоторая непрямая связь с традицией Менделе присутствует у Фридриха Горенштейна в пьесе «Бердичев» и у Олега Юрьева в романе «Винета».

В своем эссе «Штетл» вы из пассажа Исроэля Аксенфельда выводите АМ некую классификацию еврейских как бы городских поселений. Вписывается ли в эту схему творчество Менделе Мойхер-Сфорима?

Абрамович и Шолом-Алейхем были прямыми последователями МК Аксенфельда, придумавшего абстрактное, но при этом узнаваемое подольское местечко «Лойгойополе» — «Небывалое» в русском варианте. Из него выросли Глупск, Кабцанск и Тунейдовка, а также Касриловка, Мазеповка и Козодоевка. В разной степени они имели конкретные прототипы (Глупск — Бердичев, Касриловка — Воронков), но при этом были частью мифологической еврейской страны — «Идишланд», — расположенной между Киевом (Днепровиц у Менделе, Егупец у Шолом-Алейхема) и Одессой. Эта страна и стала пространством еврейской литературы. Только там ее герои чувствовали себя дома.

«Маленький человечек», «Фишка хромой», «Путешествие Вениамина АМ третьего»... Современная историография активно занимается изучением штетла. Опираются ли ученые в своем исследовании на наследие «дедушки Менделе»?

В начале XX века Давид Фришман сказал, что если все местечки МК вместе с их обитателями вдруг будут снесены с лица земли каким-то новым потопом (тогда для него это была чисто риторическая фигура), то по произведениям Абрамовича можно будет восстановить еврейскую жизнь в мельчайших деталях. Как показал Дан Мирон, Фришман был неправ. Абрамович был прежде всего художником, а не бытописателем или этнографом. Любая деталь в его тексте несет исключительно литературный смысл. При этом он был мастером создания иллюзии реальности, но это был лишь самый поверхностный слой, под которым он прятал более глубокие смыслы. Мне кажется, современная историография еще просто не доросла до понимания, что литературные образы, метафоры, символы являются точно такими же историческими фактами, как архивные документы или статистические данные.

ÈÍ ÈÃÍ Í Î ÑÀ ÒÃÎ ÐÈÒ ÑÐ ÆÃÒ ÑÒÐÃÍ ÑÒÃÈÈ

ÀÈÃÈÑÃÍ ÄÐÃ Í Î ÈßÍ

ÈÈÍ ÃÃÈÑÒ, Í ÐÃÍ ÎÃÃÃÒÃÈÛ, Í ÃÓ×Í ÛÈ ÑÎ ÒÐÃÃÍ ÈÈ ÈÑÃÀ Í ÃÓ

Мойхер-Сфорима принято считать зачинателем еврейской светской АМ литературы. Но он не был первым «светским», писал еще и на иврите, и не только писал, но и переводил...

АЛЕКСАНДРА ПОЛЯН Абрамович не был первым ни в литературе на идише, ни в литературе на иврите. Собственно, и разделять эти две литературы не стоило бы, потому что подавляющее большинство писателей его поколения (а также предшествующего и последующего) писали или хотя бы пробовали писать на обоих языках. Как отмечает современный историк литературы на идише Новерштерн, каждый «светский» автор того времени в начале творческого пути оказывался перед проблемой языкового выбора, и на выбор влияла степень владения ивритом. Так вот, предшественниками Менделе в этой иврито-идишеязычной литературе были, конечно, просветители. Как мыслители: Шлойме Раппопорт, Нахман Крохмал, Ицхак-Бер Левинзон и многие другие, так и писатели: Йосеф Перл, Исроэль Аксенфельд, Шлойме Эттингер, Авром-Бер Готлобер, Айзик-Меир Дик... Можно вспомнить великого переводчика Меира Летериса и великого просветительского сатирика, который переводил свои произведения с одного языка на другой, — Ицхака Эртера. Просветителям наследовал Менделе и в публицистике, и в переводческой деятельности (в 1860-х годах, например, он перевел некое немецкое сочинение по естествознанию).

Каково было культурное влияние книгоноши в местечках и как оно АМ связано с псевдонимом писателя?

Книгоноши были посредниками между печатным текстом и людьми: АП откуда простой читатель мог взять что-нибудь печатное? Купить на базаре (именно базар упоминается в виленских еврейских мемуарах конца XIX века как основное место приобретения тоненьких и дешевых книжечек с произведениями Дика) — или у книгоноши. Литературные журналы на идише появились лет через двадцать после того, как Абрамович начал свою писательскую карьеру. Однако книгоноши едва ли ставили перед собой задачу познакомить местечковых жителей с новинками современной литературы (хотя и эта продукция ими распространялась): большую часть их багажа составляла религиозная литература. В повести «Маленький человечек» герой так описывает ассортимент книгонош: «...агоды, изложение правил к Пятидесятнице, амулеты, новые современные сказки <...> книги причитаний, молитвы искупления, медные подсвечники, молитвенники на круглый год и другие подобные книги». Источником просветительских художественных новинок была газета «Коль мевасер», которая начала выходить в 1862 году. Книгоноша — это, скорее, человек, привозивший новости из других мест, осуществлявший связь с внешним миром. Псевдоним Абрамовича — Менделе Мойхер-Сфорим — выбран по герою, которого писатель делает рассказчиком во многих своих произведениях. Менделе-Книгоноша — человек, с одной стороны, простой, близкий читателю, а с другой — причастный к литературе, знающий о старых и новых книгах, могущий и сам складно рассказывать сюжеты и писать на обоих еврейских языках. Скажем, в романе «Фишка-хромой» герой гордится своей способностью написать для родственницы письмо на иврите; еще один повод для гордости подает ему заглавный герой Фишка: благородный, но ограниченный и косноязычный, он не может внятно и гладко изложить собственную историю, и рассказчик, не упустив случая отметить свой дар повествователя, пересказывает эту историю за Фишку. Кроме того, книгоноша — человек путешествующий, и выбор именно такого героя в качестве рассказчика позволяет автору строить сюжет произведения вокруг движения, перемещения, дороги.

Какую роль играли в светской еврейской литературе такие жанры, АМ как роман-воспитание и семейный роман?

В еврейской литературе, в сущности, не сложилось романа АП воспитания в руссоистском вкусе, однако тема воспитания постоянно муссируется как в просветительской литературе, так и позже, в поколении трех классиков. Основным романном жанром просветительской литературы на идише была антихасидская сатира, где нередко изображалось детство и семейное окружение героя. Самый знаменитый такой роман — это «Польский мальчик» Линецкого, который печатался сериями в газете «Коль мевасер». Этот роман, обладающий, вообще говоря, довольно сомнительными художественными достоинствами и изобилующий весьма грубыми шутками, имел огромный успех и принес автору небывалую популярность. Главный герой, как и веком позже герой «Книги рая» Ицика Мангера, рассказывает о своей жизни, начиная свое повествование с событий, которые произошли еще до его рождения. Перед нами — полная коллекция воспитательных ошибок: родители постоянно пугали сына чертями, учили его приметам и суевериям, заставляли соблюдать смешные правила и приводили ему весьма странные примеры благочестия, ребе (учитель в хедере) не мог ничему его научить и пугал наказаниями... Вообще, нещадным бичеванием традиционного хедера с восторгом занималась и просветительская литература (как художественная, так и мемуарная), и Абрамович, и писатели более позднего поколения (самой известной иллюстрацией тут для нас будет сентиментальный роман Динезона «Йоселе», где подробно описываются мучения и экзекуции, которым подвергали в хедере несчастного главного героя, который в конце концов, лишившись родителей и дома, умирает от голода и болезни). Ну а изображение семьи в романной литературе на идише — вещь частая (начиная от Аксенфельда и заканчивая писателями XX века: тут можно вспомнить и Бергельсона, и Кипниса, и Дер Нистера, и Башевиса Зингера...). Если говорить об Абрамовиче, то это, конечно, в первую очередь ивритоязычный роман «Отцы и дети».

Мойхер-Сфорим боролся с религиозным фанатизмом и средневековой АМ отсталостью. Были ли у него проблемы с общинной олигархией?

Да, случалось. Известно, что после опубликования пьесы «Такса» АП (сюжет которой разворачивается вокруг реального происшествия: некий «печальник народного горя», пошедший против общинного руководства [разбирая счета, он доказал, что богачи присвоили себе общинные деньги, и уличил их в махинациях с коробочным сбором — таксой], оказывается в тюрьме) Абрамовичу пришлось уехать из Бердичева.

י אי אאא נֶ× עו אע ע יע ע ע נ ו י

אאא א × א ד י ע י , י י י ו ע א ע ע נ ו , י א ד א י א × ע ע

Как в современном Израиле относятся к Менделе Мойхер-Сфориму, АМ вообще к классической еврейской литературе? Не кажется ли она местечковой, нафталинно-нравоучительной?..

В городах Израиля есть улицы, носящие имя Менделе, о Велвл ЧЕРНИН его творчестве пишутся научные исследования, его произведения переиздаются. Термин «классическая идишская литература, пусть и на иврите» мне непонятен. Если речь идет о произведениях классиков еврейской литературы XIX — начала XX века, писавших на двух языках, — Ицхака-Лейбуша Переца, Шолом-Алейхема и, конечно, Менделе, а также двуязычных писателей следующих поколений — Хаима-Нахмана Бялика, Йосефа-Хаима Бреннера, Шмуэля-Йосефа Агнона, Ури-Цви Гринберга и других, то к ним относятся как к классике, во многом сохраняющей свою актуальность до сих пор. К сожалению, в Израиле

наблюдается характерное и для других стран явление, когда многие люди вообще не интересуются литературой — ни классической, ни современной, ни оригинальной, ни переводной.

Мойхер-Сфорим пишет Шолом-Алейхему: «Я бы Вам не советовал АМ писать романы: Ваш жанр, Ваше призвание — совершенно иного рода. Вообще, если в жизни нашего народа и бывают романы, то они носят весьма своеобразный характер, это надо учесть и писать их по-особому...» Что значит «по-особому» и учел ли это наставление Шолом Алейхем?

Принято считать, что Шолом-Алейхем — виртуоз короткого ВЧ рассказа, максимум повести. Его романы действительно не лишены недостатков. Это и имел в виду Менделе, призывавший Шолом-Алейхема избегать копирования нееврейских образцов, весьма характерного для рассчитанной на массового читателя еврейской прозы XIX века. Самого Менделе многие считали тогда элитистом. Мне кажется, что Шолом-Алейхем учел до определенной степени это замечание Менделе.

Шолом-Алейхем утверждал, что «дедушка» был преобладающим АМ стилистом, подолгу не отпускал от себя фразу. Сегодня большой стиль чувствуется в его прозе?

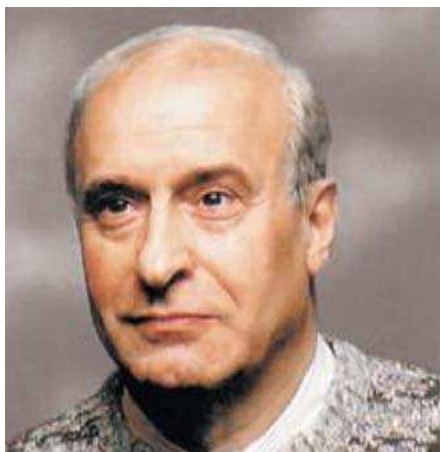
Менделе Мойхер-Сфорим сформировал новый литературный стиль и на ВЧ идише, и на иврите. Есть научные работы, анализирующие различные варианты его известнейших произведений, например «Путешествия Вениамина Третьего». Лично я испытываю большое наслаждение от стиля Менделе, особенно на иврите.

Как влияли русские и европейские классические образцы, АМ «польско-литовские источники» на творчество Мойхер-Сфорима?

Бросается в глаза влияние на творчество Менделе Мойхер-Сфорима и ВЧ на его взгляды русской литературной критики XIX века. Заметны стилистические и сюжетные заимствования из Салтыкова-Щедрина и Сервантеса в его «Путешествии Вениамина Третьего». Что такое «польско-литовские источники» в данном контексте, мне неизвестно. Зять Шолом-Алейхема Ицхак-Дов Беркович отмечал в своих мемуарах, что Менделе, который был уроженцем Белоруссии, упорно продолжал разговаривать на «литовском» идише даже после десятков лет жизни на Украине.

י אי אאאא אאאאא א י די אאאא

אי אאאאא אאאאא, י יא, י אאאא א אא

Шолом Алейхем писал Менделе Мойхер-Сфориму: «Я считаю, что АМ еврейские музыканты — это особый мирок, заслуживающий более внимательного наблюдения, чем это сделано в моем романе». Что это за «особый мирок», что был недостаточно схвачен в романе даже таким мастером, как Шолом-Алейхем?

ДМИТРИЙ ЯКИРЕВИЧ Под «особым мирком», наверное, следует понимать мир еврейских народных музыкантов-клезмеров, самоучек, бессребреников, простых людей («фолксмэнчн»), среди которых попадались гении, романтики. Они отличались предрасположенностью к занятиям музыкой,

многие самоучки как-то осваивали теоретические музыкальные основы. Зачастую вели кочевой образ жизни, были более свободны в личных отношениях и более открыты к влиянию культуры окружающих народов. Мир бедных талантов, не имевших доступа на большую сцену, игравших на народных торжествах, кстати, не только еврейских. Тех талантов, которые после революции в России стали Столярскими и Ойстрахами, а на Западе — Менухинами, Стернами, Хейфецами и так далее. Замечание Шолом-Алейхема в прологе к роману «Степеню» (этот пролог написан в форме письма к Менделе) я понимаю не как недостаток «схваченности», а как, с одной стороны, самокритичность в данном случае, а в других — как самоиронию Шолом-Алейхема как лирического героя, присущую ему в собственных произведениях, с другой — как проявление уважения к «дедушке», родоначальнику нашей литературы.

У каждого языка есть такие метафизические свойства, такая АМ оптика, которая позволяет заглянуть в будущее. Исаак Башевис Зингер говорил, что лучшие идишские писатели предвидели Холокост. Предвидел ли Холокост в своих произведениях Менделе Мойхер-Сфорима?

Я не обнаружил у Менделе предвидения каких-либо сценариев ДЯ апокалиптического развития в будущем. Он видел достаточно ужасов как раз в настоящем, причем не только в сфере дискриминации евреев, но и на внутриобщинном уровне. А что касается будущего, то Менделе верил в прогресс, он верил в лучшую долю воспитанников своей талмуд торы в Одессе — на основе овладения всесторонними знаниями, языком страны проживания и, если выразиться современным языком, получения политехнического образования. Хотя, понятно, буквально этой терминологией он, как и все в то время, не пользовался.

Еврейскую литературу от многих мировых отличает одно «восточное» АМ свойство, чрезвычайно подвижное, — многоязычность, вобрать ее всю не представляется возможным, поклонник еврейской литературы изначально стоит перед выбором. Что влияет на этот выбор сегодня в мире «открытых границ»?

Думаю, сегодня на этот выбор влияет предшествующий культурный ДЯ опыт, в частности, влияют языки, которыми владеет читатель. Собственно, так было, наверное, всегда. Но лет восемьдесят-сто тому назад вопрос ставился уже. Под еврейским языком понимался все-таки идиш. И основная масса читающих евреев пользовалась им. Даже газета ревизионистского направления на языке идиш, издававшаяся Жаботинским, «Дер эмес» («Правда»), вела борьбу с идишем на... идише, ибо он был языком ее читателей.

Часто приходится слышать, вы, мол, просто не с той вещи начали АМ читать этого писателя. Действительно, важный момент. На ваш взгляд, визитная карточка Менделе Мойхер-Сфорима?

Несмотря на то что самая известная вещь Менделе — это ДЯ «Путешествие Вениамина Третьего», в которой, наверное, на каждой странице, в каждой строке присутствует великий писатель, мне кажется, его кредо наиболее полно выражено в «Маленьком человечке». А еще попробую удивить вас и читателей. Его жизненная позиция предстает особенно отчетливо в составленном из новелл романе Ирмы Друкера «Дер зейде Менделе» («Дедушка Менделе»). На русский язык эта вещь никогда не переводилась, а издана была в Польше в 1964 году, в период относительного ренессанса еврейской культуры в этой стране.

Хочется верить, что «еврейского национального позора» удастся избежать, и не потому, что наш журнал вспомнил о «дедушке», а потому, что Менделе-Книгоноша писал не для чествования своих юбилеев. И еврейская литература существует не во имя праздных целей. В задачи ее входит спасать нас, вечно погребенных под спудом бытовых обстоятельств, которые с течением времени всегда оказываются второстепенными

Амазонка — это очень жарко и очень сыро. И очень темно. А пасмурным днем не видно никаких животных. Ночью, может, они и выползают, а днем — нет. Но в общем и не до животных.

Рубашка и джинсы — все мокрое насквозь. До острого желания снять их и крепко выжать. И ты не снимаешь и не выжимаешь одежду только потому, что это совершенно бесполезно. Через пять, ну десять минут она из влажной после отжима превратится опять в невыносимо мокрую.

Сигареты не курятся, табак промок насквозь и не горит. Книга не читается — у нее разбухли страницы, они склеились и рвутся при попытке их расклеить и перевернуть. А впрочем, тут и не до чтения.

Кожа не просто липкая, она еще и мокрая. От этого постоянное ощущение озноба. Волосы тоже мокрые. Пот катится по лбу постоянно, а вытереть его можно только очень мокрым рукавом. И то не вытереть, а так, размазать...

Ночью подушка оказывается полной воды. Она не просто мокрая, как когда у тебя жар. Она сырая насквозь. Вода просто сочится из нее. То же самое происходит с простыней, засунутой в спальник. Сырая, как будто ее только что вытащили из старой стиральной машины без центрифуги.

Теперь про дневных животных: они, конечно, есть. И их много. Но они — животные, в том смысле, что не растения. Это — комары. Разнообразные комары всех видов и типов. Нет, их не много... Это в Карелии их много. А на Амазонке их тучи. Светлые, серые, нервно-гудящие, гулкие, прозрачные тучи комаров. Да, они кусаются. Нет, репелленты не помогают. Потому что ты мокрый, как мышь, и репеллент стекает с кожи за десять минут, а потом и вовсе кончается, потому что баллончик придуман не для Амазонки.

Потом — муравьи. Подул ветерок, задрожала ветка — или ты ее неосторожно коснулся, — и все: несколько десятков муравьев свалилось тебе за шиворот. И разумеется, принялись со страху изо всех сил тебя кусать. Их надо давить прямо под рубашкой.

Потом запахи. Джунгли — это бурный, бесчинствующий рост всего живого. Но ведь джунгли не захватывают в этом бурном росте нашу планету. По одной простой причине — сколько всего живого вырастает, столько же и умирает. А умирая, вся эта бесконечная коричнево-зеленая биомасса начинает гнить. И вонять. Гнить и вонять.

Такой вот Киплинг. Вместо boots boots boots — влага влага влага. И конечно, грязь. Везде грязь. Резиновые сапоги — в грязи по самое колено, до верху. От колена грязь уже на джинсах.

И с каким бы боевым и праздничным настроением ты ни прибыл на Амазонку, через пару дней жизни в мокрой и грязной палатке оно радикально меняется. Даже если ни дизентерия, ни малярия, ни желтая лихорадка еще не начались, а только ждут тебя впереди.

Возможно, амазонской зимой, в июне, тут все по-другому. Возможно, весь этот кошмар длится только в сезон дождей. То есть амазонским летом. С ноября по март. Но что мне до этого? Я попал туда летом.

А как я туда попал?

* * *

Я пришел к Якову (он же Яша для своих и Джек, если за глаза) в гости по его твердому и уверенному приглашению. Предстоящий разговор был не телефонный и даже не ресторанный (в самом деле, из-за кабаков совсем можно в гости разучиться ходить).

— Будет интересно, — сказал Яков.

— Ладно, — сказал я. — Давно ничем не интересовался.

Мы забили на восемь, и ровно в 20.24 с бутылкой «Талискера» я звонил в его домофон.

— Я не буду спрашивать тебя, голоден ли ты и как дела, — несколько отстраненно проговорил Яков, не успели мы открыть бутылку и разлить по первой. — Еды у меня нет, хотя, если хочешь, можем что-то заказать. Смотри сюда.

Он поставил передо мной на стол барабан. Размером с большую кастрюлю, старый, очень сильно использованный, можно сказать, раздолбанный барабан с каким-то непонятным национальным уклоном.

Я взял его в руки. Повертел. На барабанной поверхности просматривался какой-то рисунок. Обод был серо-коричнево-черно-полосатый. По нему шел орнамент.

— Ну, — сказал я, — давай палочки. Иначе непонятно.

— Ему четыреста лет, — тем же странным голосом произнес Яков.

— Хорошая вещь, — согласился я на всякий случай. — Древняя.

— Его Пиджин привез. Помнишь Пиджина?

Я, конечно, помнил Пиджина, хотя очень его не любил. Дешевый гешефтмахер. Толстый и противный. Может продать тебе собственную мать. Может и купить, если ты продаешь. Интересуется всем на свете, особенно если это к деньгам. Такие персонажи уже к концу девяностых повывелись, но этот как-то уцелел. Зачем он Якову? Зачем ему Яков?

— А что это он так проставился?

— Ему от меня кое-что нужно. Пара звонков моим мидовским знакомым насчет концессии на золотые прииски в Перу. Но это неважно. Он его купил в Лиме, в антикварном магазине.

— Он — жулик.

— Я знаю. Но барабан настоящий. И ему четыреста лет.

— Ну? В чем прикол?

— Прикол в том, что на нем карта Антарктиды. Вот.

Я посмотрел: контуры рисунка на барабанной части очень напоминали Антарктиду.

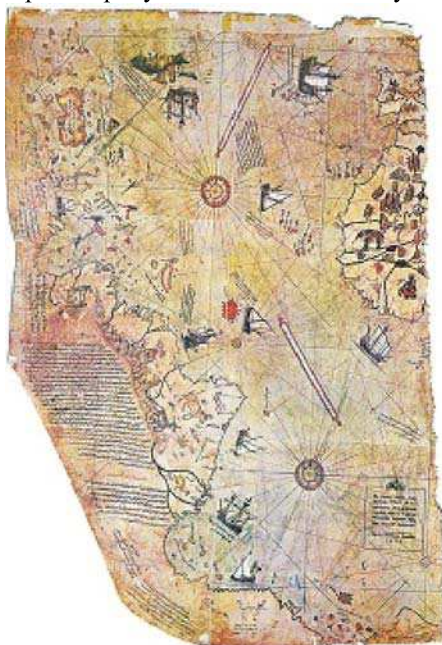
— Плохие новости. Тогда ему не четыреста лет. А дай Б-г, чтоб пятьдесят. Или полгода. Просто состаренная туристическая подделка. Антарктиду открыли Беллинсгаузен и Лазарев в 1820 году. Там же льды. Туда даже великий Кук, перед тем как его съели, не смог доплыть. И пообещал, что никто не сможет, поэтому ему поверили и сорок пять лет вообще не было южнополярных экспедиций. Какие четыреста лет, Яша? Я тебе говорю, Пиджин — жулик. И ничего хорошего от него не может быть в принципе.

— Да-да, я в курсе. Но Пиджин понятия не имел, что на барабане нарисовано. Просто купил мне в подарок, зная, что я люблю всякие этноприколы. Теперь прочитай вот это. Точно не подделка.

Я взял бумагу. Бланк Лаборатории криминалистической и судебной экспертизы при ГУВД РФ. Заключение, туда-сюда.

Сухим официальным языком (я не поленился посмотреть — дата стояла сегодняшняя), черным по белому было объявлено, что мир сошел с ума: по данным радиоуглеродного анализа, коже барабана четыреста плюс-минус пятьдесят лет, краске столько же, ну, все дела. Кожа вроде бы обезьяны, краска — хна и прочее и прочее. Мать твою.

Я еще раз взял барабан в руки. Посмотрел на рисунок внимательнее. Ну да. Антарктида.

Ἰ ἐδὲ δάειν Ἐὰδὸα ἰ ἐδὰ Ἀεάεεἰ Ὀάεα Ἰ ὀαῖν ἄαῖδὸα Ὀῖῖεαἰ ὕ. 1513 πᾶ

— Дай какой-нибудь атлас, что ли, Яша.

Яков дал вместо атласа два листа: один — яркая контрастная фотокопия рисунка на барабане, второй — карта Антарктиды в том же масштабе. Один в один. Так не бывает.

— Так не бывает, — сказал я и уверенно поднял голову.

— Я знаю, — сказал Яков. — Но это так.

Я выпил виски, молча прошелся по комнате, сел и налил себе еще. Яков тоже молчал.

— Надо бы в Интернете покопаться, — довольно беспомощно предложил я.

— Уже.

— И что? Какие новости?

— Смешные. У нашего барабана есть конкуренты.

— ???

— Карта Пири-реиса. Набери в Гугле *piri reis map*. Можешь даже по-русски в Яндекске.

— Ладно, потом посмотрю, расскажи пока так.

Яков пожал плечами. Вид у него был совершенно офигевающий.

— Турецкий адмирал. Известный. Боевой. Воевал с венецианцами при Лепанто. Ну и еще там много с кем. С египтянами, генуэзцами. Воевал в Персидском заливе с португальцами. Кончил плохо: губернатор Басры публично отрубил ему голову, не то за поражение, не то за отказ воевать. Адмиралу было уже, между прочим, под девяносто. Вот нравы-то были...

— Ладно про турецкие нравы мне рассказывать. Я, когда был на экскурсии в Топкапы, услышал чудесный рассказ: султаны при вступлении на престол казнили всех своих братьев, чтоб не было проблем с престолонаследием. Причем это была официальная традиция, узаконенная тем самым Мехмедом II, который брал Константинополь. Он так и написал: «Ради благополучия государства один из моих сыновей, которому Бог дарует султанат, может приговорить братьев к смерти. Это право имеет одобрение большинства юристов». Их душили специальным царским кушаком, чтобы не проливать царской крови. То есть шарфом. И когда Мехмед IV убивал последнего, девятнадцатого брата, которому было всего десять лет, тот заплакал и попросил, чтобы перед смертью ему дали доесть пахлаву... Но это все лирика. При чем тут карта Антарктиды?

— Так вот. Пири-реис ее нарисовал. Собственной рукой. На пергаменте. И откомментировал. Указал на источники: восемь карт Птолемея (очевидно, из Александрийской библиотеки они попали в Константинополь), четыре португальские, одна арабская и одна карта Колумба. Он отдал ее султану, в чьих, собственно, бумагах она и хранилась до 1939 года. Тогда ее с кучей других бумаг раскопали и чуть не продали на аукционе за 50 долларов. Не как карту Антарктиды, а просто как старую турецкую навигационную карту. Кусок пергамента с линиями и примечаниями по-турецки, арабским шрифтом, разумеется. Но не продали — разобрались. Она оказалась легкой сенсацией: первая карта мира как-никак. Сейчас она в музее Топкапы, где до сих пор и лежит, являясь гордостью турецкого народа. Смешно, но миллионы туристов видели эту карту, причем не по одному разу, потому что с 1999-го по 2005 год она была рисунком банкноты в десять тысяч лир, а сейчас, соответственно, на десятилитровой бумажке...

А настоящая сенсация могла бы случиться, когда этой картой в 1952 году случайно заинтересовался профессор Спрингфилд-колледжа Чарльз Хэпгуд. Он вел какой-то дурацкий курс по черт знает какой географии, картографии или истории Великих открытий. Студенты Хэпгуда сообразили, что на карте Антарктида. Офигели, естественно. Начали разбираться.

Εάδοα ἰ εδα, ἀνιτέλαί ται ἰ δεαατοῖ τι οδαί οορρεῖ εαδοῖ ται οῖ Γοῖ τ οεαῖ Οεῖ ται ἰ 1531-1532 ἰ ται

Но сенсации не вышло. Хэпгуда научное сообщество вежливо послало. Он оказался парнем упрямым и не пошел. Обратился к Эйнштейну. К тому самому. Не к однофамильцу, а к настоящему. Эйнштейн возмутился косностью научного сообщества и написал патетическое предисловие к книге Хэпгуда. Книга вышла. Все равно ноль эмоций.

Хотя, работая над книгой, Хэпгуд не поленился заглянуть в другие карты того времени и обнаружил еще одну очень точную карту Антарктиды у французского географа-картографа Оронция Финеуса. Не такую точную, как у Пири-реиса, но все равно будь здоров для начала XVII века, когда до открытия Антарктиды было еще двести лет с лишним. Абсолютно точная. Чуть меньше деталей, чем у Пири-реиса, но не меньше, чем на моем барабане. Зато эта карта не рукописная, как карта Пири-реиса, а типографская. И слова о подделке быть не может. Атлас Оронция Финеуса с этой картой во всех старых университетских библиотеках есть.

И с тех пор весь XVII-й и половину XVIII века Антарктида печаталась на картах, хотя в самых разных формах.

А с середины XVIII века Антарктида стала на картах медленно пропадать. Наступило Просвещение, и людям стало как-то неудобно рисовать на картах то, чего явно никто не видел. А потом Беллинсгаузен и Лазарев ее увидели, а Амундсен со Скоттом добрались до Южного полюса и все дела. Полноценная настоящая карта Антарктиды появилась буквально после войны и сделана была, естественно, не моряками, а военными летчиками-картографами, аэрофотосъемкой.

Какой-то там полковник, руководитель всей американской географической службы, кстати, выступил у Хэпгуда экспертом. Он тоже протащился и подтвердил, что да, на карте Пири-реиса явно Антарктида.

— Ну подожди! А как вело себя научное сообщество? Это же пахнет Нобелевскими премиями?

— Никак не вело. Сделало вид, что не заметило. Не считая старика Альберта, конечно. Но тот вскоре умер. Нобеля за географию не дают, ну и, кроме того, его принято выписывать не за постановку проблемы, а за ее решение. А решения никакого Хэпгуд толком не предложил.

ближайшего населенного пункта, тем более что нам надо было не просто долететь и вернуться, но и еще и полетать над джунглями в поисках племени. В-третьих, вертолет мог распугать диких индейцев, а такой задачи не было. В-четвертых, с вертолета стоянку этого племени не так просто заметить. А в-пятых, все-таки деньги.

Поэтому вместо вертолета у нас появилась судно, названное нами еще до того, как мы его увидели, в честь Кипплинга «Доном» (как потом выяснилось, местное название у судна напрочь отсутствовало).

Кстати, забавно, что у Маршака: «Из Ливерпульской гавани / Всегда по четвергам...» А у Кипплинга: «Yes, weekly from Southampton, / Great steamers white and gold...» Но это я так... Придираюсь.

«Дон» оказался длинной, метров пятнадцать, и очень узкой лодкой со слабеньким корейским мотором. Зато на ней был тент. Половину «Дона» занимали канистры с бензином, еще половину наши рюкзаки и палатки, в оставшихся щелях сидели мы.

Мы — это мы с Яковом, наш проводник Хулио — бывший индеец, в том смысле, что его отец — побочный сын вождя — вышел из джунглей лет сорок назад с самой красивой девушкой племени, которую он отбил у брата. Они приобшились к цивилизации и даже отдали сына в колледж в Лиме, где он стал экспертом по индейским племенам Верхней Амазонки. Молодец, выучил, кстати, английский.

Ну и четвертым был наш капитан, он же владелец «Дона», гордый житель Пуэрто-Мальдонадо — последнего оплота цивилизации, куда раз в день летают самолеты из Лимы. Он не говорил по-английски, и как его звали, я так и не узнал. Он назывался просто Капитан.

Схема путешествия была такой: сначала плывем по одному из притоков Амазонки речке с поэтичным названием Мадре-де-Диос (Богородица). Потом начинаем делать вылазки в поисках нужного нам племени. Индейцы обычно не живут на большой реке. Они предпочитают болота, сформированные ее притоками. И вообще, джунгли Амазонки — это обычно не лес. Это полулес, полуболото. У индейцев боязнь открытых пространств — агорафобия.

А вообще — в целом они классные ребята. Отрицают цивилизацию as is. У них нет: а) одежды, тканей и обуви (только пальмовые листья на бедрах, и то не всегда); б) металлов (ну само собой); в) каменных орудий (камни в этой местности не водятся, одна глина; г) посуды, даже глиняной, тоже нет — жарят мясо на деревянных шампурах, пекут дикие бананы в золе, заворачивая их в пальмовые листья; д) лодок тоже нет, есть плоты — перевязанные лианами бревна.

Вопрос, а что тогда есть?

Есть огонь, есть лук и стрелы, есть жилища из веток и пальмовых листьев, есть какие-то костяные инструменты — ножи, шила, крючки, гарпуны, копья.

Причем, что очень трогательно, — главный источник костей для инструментов — человек. В смысле покойник, потому что других крупных животных в окрестности не водится. Ягуары редки, а из большой бедренной кости человека можно сделать отличное мачете. Да и бедренная кость у человека больше, чем у ягуара.

На мой скромный вопрос, не каннибалы ли они, ответ был простой и, в общем, естественный. Если нет голода — то нет, не каннибалы. Но если, извините, обезьяны в джунглях разбежались (главная пища), а рыба из Амазонки уплыла или не ловится, то... Ну, словом... А так — нет, не каннибалы.

«А покойников они съедают прежде, чем забрать кости в промышленное производство?» — не выдержал я еще в первые дни путешествия.

«Ну, кто как, — хмурясь ответил бывший индеец. — Разные племена по-разному». Племен, оказалось несколько сотен, у каждого свой язык или диалект.

Больше того, толком про индейцев никто ничего не знает, потому что они, абсолютно как неуловимый индеец Джо, на хрен никому не сдались, кроме небольшой группы энтузиастов-антропологов-этнографов, живущих на скудные американские гранты, и теперь вот нас с Яшей.

Да и энтузиастам добраться до них, мягко выражаясь, непросто. А жестко выражаясь — Полнос недоступности в Антарктиде (самая удаленная от океана точка на континенте) показался мне значительно более туристическим, привлекательным и милым местом, если одеться потеплее: ни жары, ни духоты, ни комаров. И солнце там светит чаще, я уверен.

Поэтому опираются эти задохлики-этнографы, эти кабинетные крысы в основном на работы своих предшественников и на рассказы индейцев-ренегатов, вроде нашего проводника Хулио, а сами сидят по кондиционированным офисам. Засранцы. А вот мы сейчас, проливая реки пота, все тут исследуем в лучших традициях Ливингстона и Стэнли, а также Амундсена и Скотта. Хотелось бы, конечно, вернуться в целости и сохранности, как Стэнли и Амундсен, а не наоборот, как Ливингстон и Скотт.

Пока мы добирались до местности, а на это у нас ушло добрых два дня, делать было особенно нечего, поэтому Хулио под верещание мотора баловал нас рассказами про жизнь индейцев. Одна история показалась мне замечательной.

Какое-то племя, даже не соседнее с племенем его родителей, а живущее черт знает где, километрах в двухстах или трехстах (средняя скорость продвижения по джунглям со стальным, а не костяным мачете составляет пятьсот метров в час), живет не как все нормальные индейцы. По крайней мере, об этом рассказывают те, кто видел тех, кто видел тех, кто их видел. То есть совсем по-другому.

Во-первых (мне это сразу понравилось), они не едят людей.

Во-вторых, они выглядят по-другому, кожа светлее, глаза не такие раскосые. Они говорят, что их предки приплыли на длинных лодках с Запада очень давно, перешли через горы (Анды соответственно) и осели тут. Это, кстати, единственное из племен Амазонки, которое вообще знает, что на Западе есть горы.

В-третьих, они значительно цивилизованнее, по рассказам рассказывающих о рассказывавших, они носят одежду (значит, есть ткацкий станок), едят из глиняной посуды, вроде бы даже умеют плавить металл.

В-четвертых, общество у них более справедливое с точки зрения западной цивилизации: стариков и детей они ценят и уважают, живут семьями, а не каждый с кем сегодня захотелось, как все остальные.

В-пятых, у них есть какая-никакая, но религия, а какая, наш Хулио не знает, но они не просто тотемисты, как обычные индейцы.

В-шестых, у них вроде бы есть письменность, по-крайней мере, ходят слухи о покрытых мелкими значками сшитых кусках коры какого-то там специального дерева.

В-седьмых и последних, они совершенно изолированы даже от индейцев, местность их окружена непроходимыми болотами со всех сторон, поэтому, собственно, до них толком никто не добирался.

Собственно, к ним-то мы и плывем. Почему к ним? Потому что знаки на барабане как раз указывают на их тип орнамента. Я еще раз всмотрелся в орнамент. (Барабан у нас, разумеется, был с собой — его же предполагалось показывать всем племенам подряд...) В орнаменте, который шел по ободу, явно читалась виноградная лоза. А какой, на хрен, виноград на Амазонке?

— Смотри, Яша, — сказал я. — Все сходится. Они приплыли с Запада, по дороге открыли и картографировали Антарктиду... Так ведь это же евреи! Потерянное колено Израилево! Ассирийцы выгнали их из Шхема, они через Афганистан добрались до Индии, оттуда до Таиланда, оттуда до Индонезии, где-то там научились плавать, — может, меланезийцы какие их научили, может, полинезийцы, — потом добрались до Полинезии, переплыли Тихий океан с остановкой на Таити и острове Пасхи (вот, кстати, откуда мегалиты эти каменные взялись), потом высадились в Перу, пересекли Анды и осели в спокойном месте, где бы их уже никто не трогал. Как тебе идея?

— Немного эскейпично. И очень экстравагантно. Предлагаю дополнить это следующим: у них сохранились от Моисея и праотцев экстрасенсорные способности, именно через них они картографировали не только Антарктиду, но и соседний космос, поэтому 3D-модель Галактики, сделанная из палочек и шишечек, нас ожидает на подходе к их хижинам. Они, разумеется, все знают про нас, но не очень хотят нас видеть, считая, что наша цивилизация пошла по пути несправедливости, войн и убийств, а также у всех у нас вот уже три тысячи лет как obsessia деньгами и собственностью, — поэтому нас они немного презируют, зато умеют лечить неизлечимые болезни, жить сколько захотят — хоть до ста двадцати лет и общаются с Б-гом постоянно и напрямую. Как тебе фильм «Аватар»?

— А зачем они все-таки рисуют Антарктиду на барабанах?

— Ну вот доберемся и спросим...

* * *

Все эти шутки кончились, когда мы добрались до той самой области, где следовало искать это племя. По местным протокам и озерам, а точнее по болотам наш «Дон» идти уже не мог. Мы пересели в крошечную резиновую надувную лодку, названную в честь того же Киплинга «Магдалиной», в которую еле поместились наши рюкзаки, двенадцатидневный запас еды, палатка и уже не поместился Капитан, который остался ждать нас на «Доне», после чего мы сдались на милость комаров. Вот тут и начался тот самый кошмар, попав в который я стал мечтать о Полюсе недоступности Антарктиды.

Не то чтобы мы на «Магдалине» плыли. Больше половины пути мы шли по пояс в воде, перетаскивая ее на относительно чистую воду. Потом еще час на веслах, а потом снова волоком. И сорок градусов. И духота, усугубляемая антикомариным намордником. И комары, забивающиеся прямо в намордник. И пасмурно, а от сумасшедшей растительности еще и темно.

Ну и змеи на клочках суши. За первый день мы прошли не больше двадцати километров. Но если бы «Магдалины» не было и нам нужно было бы рубить лианы, мы не прошли бы и пяти. Впрочем, лиан мы нарубили и так. По полной. Руки мои были расцарапаны в кровь, у Яши, естественно, тоже. Ну и понятно, что никаких людей не было и в помине. Даже их следов. Обезьяны попадались, тоже не сказать чтобы в изобилии. А чего-то более эволюционно продвинутого не было, и все.

Готовили мы на примусе, на нем же кипятили воду для питья. Иногда, когда совсем умирали от жажды, пили прямо местную болотную воду, в которую бросали специальные дезинфицирующие таблетки.

Уже к концу понедельника (а стартовали мы в воскресенье) я обратился к Яше:

— Хулио, конечно, классный чувак, но ведь даже он, похоже, не знает, куда мы идем. А ты, Яша, сам-то знаешь? Куда и зачем ведет нас твой барабан?

— У нас есть план. Мы идем до субботы. Осталось четыре дня. Если ничего не находим — возвращаемся.

— Я хочу в Лиму, — жалобно сказал я. — В этот шикарный ресторан на берегу Тихого океана. Там такая еда! Там такой прибой. Такой закат!

— Не в Москву, а в Лиму? — уточнил Яша. — Ну, хорошо. Будем идти до тех пор, пока ты уже не захочешь в Москву.

К концу среды я был согласен и на Москву.

— Яша, — сказал я. — Вот уже четыре дня. Что мы хрен чего найдем, кроме дизентерии, малярии и желтой

лихорадки, от которой я, кстати, не привит, — это ясно. А вдруг мы собьемся с дороги и у нас не хватит еды?

— У Хулио есть револьвер. Подстрелим обезьяну. Осталось всего два дня. Не ной!

— И обратно...

— Обратно легче. Мы прорубили почти все проходы. Они не успеют зарости. И мы не заблудимся. У нас два GPS на троих.

— Они могут сдохнуть в любую секунду от сырости. Оба. Одновременно.

— Ничего, Хулио — индеец, у него ориентация в джунглях заложена генетически. Он же глаза каймана ночью за километр видит.

— Блин...

— Держись. Еще сорок восемь часов на поиски, потом шесть дней обратно, будет легче, вот увидишь, потом два дня круиза на «Дону» с ветерком и без комаров, потом какой-ни-ка-кой, а все-таки отель с горячей водой в Пуэрто-Мальдонадо, потом два часа полета и шикарный ресторан в Лиме на берегу океана...

— У нас кончается запас виски.

— Пить надо меньше.

— Так это же дезинфекция. Что я, идиот, пить по доброй воле на сорокаградусной жаре?

На шестой день Хулио объяснил нам, что обратно мы пойдем другой дорогой. Такой же короткой (как это, интересно?), но другой. Таким образом, вероятность встречи индейцев возрастает вдвое. Никакой вины за то, что они до сих пор не нашлись, он явно не испытывал. Я с ним даже немного повздорил. Но Хулио вел себя уверенно. Мне даже показалось, что несколько вызывающе, но в этом климате раздражительность размножалась, как бактерии в теплом болоте.

В конце этого же дня у нас отрубился спутниковый телефон, являвшийся по совместительству вторым GPS-навигатором. От сырости, видимо.

— Ничего, — сказал бодро Яша, — просохнет — включится.

— Да, — сказал я, — конечно. Не волнуйся! Не пропадут твои три косаря. Сам, главное, не пропади...

* * *

На седьмой день, в субботу, пропал Хулио.

Когда я проснулся в палатке (а я научился спать в этом хлопьяющем зловонном аду буквально на вторую ночь — главное устать как следует), его не было. Я подумал, что он готовит завтрак или кипятит воду и выполз наружу. Никакого Хулио. Я умылся и обошел наш мини-островок. Ни фи́га. Я вернулся и понял, что Хулио исчез вместе со своими вещами, после чего разбудил Яшу.

Яша походил вокруг и сообщил, что Хулио исчез вместе с «Магдалиной». То есть в «Магдалине».

— Помнишь, Яша, — медленно сказал я, — все последние дни Хулио издевался над невыносимостью белых людей и их неспособностью выживать в джунглях. Хотя я считаю, что мы офигенно выносливые. И попробовал бы он сам выжить в Большом Городе...

— Ну...

— Он нам решил отомстить.

— За что?

— Ни за что. За дерьмо всех белых людей. Просто так. Откуда я знаю, как устроена голова индейца? Тем более сына ренегатов. Плывет теперь обратно и улыбается своей загадочной улыбкой.

— Я думаю, он вернется, — не очень уверенно сказал Яша. — Просто отплыл. По делам. Может, заметил какие-то следы племени, не хотел нас будить...

— Да, — сказал я, — по делам... Ага. Не хотел нас будить. Ну-ну...

— А что ты предлагаешь делать?

— Лук и стрелы.

— В смысле?

— Для лука тут деревьев хватает, а на тетиву расплетем одну из растяжек палатки.

— Ё... — дошло до Яши. — В «Магдалине» был весь наш провиант. Хорошо хоть он нам примус оставил. Хотя по фигу примус, бензин-то все равно в лодке. Будем есть обезьян сырыми.

— Ну почему сырыми? У меня есть зажигалка, у тебя есть зажигалка. В любом случае сначала нужно сделать лук и стрелы, а потом думать, как жарить обезьян. Если мы научимся есть, то без лодки вброд мы куда-нибудь да доберемся. Если даже не до нашего лайнера, который, конечно, уплывет, то в километрах трехстах на запад отсюда начинаются бразильские деревни. За пару месяцев мы до них дойдем. Если освоим охоту. И если не кончится газ в зажигалках. Подумаешь, вместо ресторана в Лиме, на Тихом океане, поужинаем в Рио на Атлантическом!

Теперь из нытика я превратился в оптимиста, а Яша сидел несколько оглушенный.

— Черепах еще можно есть, — продолжил я зло и уверенно, — мы покажем им всем, что западный цивилизованный человек способен и не на такую ерунду, как вернуться из джунглей. Западный человек на Луну слетал и вернулся. На Марс скоро полетит.

Я вдруг понял, что Яша не слушает мою патетическую мотивационную речь, а смотрит куда-то в сторону, и оглянулся. Из причалившей «Магдалины» вылезал Хулио, а с ним молодая пара индейцев. В длинных хитонах, вроде бы льняных. Они выбрались на нашу поляну, улыбнулись нам, а Хулио помахал рукой.

— Buenos días! — сказал я им троим абсолютно ангельским голосом.

- Hola! — Поддержал меня Яша.
- Hi, — ответил очень довольный собой и действительностью Хулио.
- Шалом, — сказал молодой индеец.
- Что?! — Не понял я.
- Шабат шалом! — подтвердила молодая индианка. Прехорошенькая, надо сказать.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ МАРТОВСКОЙ ПОЧТЫ

ЧИТАЛИ?

יְהוֹאָהוּבֵי אֵילֵי יְעֻנָּהֵי. צַיִת עֲאֵתוֹי אֲדָר 2009.10

א.ע. דָּאָאֵי יֵאֵ, עֵי אֲדָרֵי אֵו

Странно, . почти в каждом номере «Лехаима» и «Еврейского слова» я натываюсь на слово «жид». Мало того, и в текстах, и в иллюстрациях еврея описывают и изображают обязательно уродливым, с длинным крючковатым носом, с вывернутыми слюнявыми губами и т. п. Я старьй человек и по этой причине редко бываю в нашем МЕОЦе, но я всегда там люблюсь нашими людьми: цветущий вид, стройны, красивы... А дети!.. Вы видели наших детей?! Сравните с иллюстрациями и фотографиями в журнале. Ничего похожего. И еще. Не понимаю, зачем без особой надобности помещать в журнале фотографию куклы Гитлера? Зачем поганить страницы?

× עֹאֵי?

אֵילֵי עֵי דֵי אֵי יֵאֵ. אֲדָרֵי אֵו עֵי עֵבֵי אֵעֵ. 1938-1945 אֵי אֵו 2010.11

עֵי יֵאֵ נֵאֵעֵ אֵי, אֵי עֵי נֵ, אֵי אֵו עֵב.

Материал напомнил об одном из самых драматичных событий в жизни нашей семьи. В числе упоминавшихся в нем 478 военнопленных евреев, находившихся в` Финляндии в годы Отечественной войны, был и мой отец — Салитан Марк Рафаилович.

Осенью 1944 года получили от него письмо. Так мы узнали, что он в плену у финнов. Из отдельных рассказов отца помню, что во многом они выжили благодаря помощи еврейской общины Хельсинки. Немцы несколько раз пытались добиться выдачи им евреев-военнопленных, но безрезультатно. Финляндия, сохранив еврейское население и большинство жизней евреев-военнопленных, будучи в то же

время «товарищем по оружию» фашистской Германии, заслуживает самого высокого признания. По сути, Финляндия в целом заслуживает звания «коллективного Праведника народов мира».

×ÈÒÀÈÈ?

ÀÀÈÁÐÈΒ Ì ÓÑÒÌÁÀΒ. ÁÍÐÈÑ Ì ÁÐÁÌ ÁÍÈ ÁÍÐÓÓÀ» 2011.2

ДИРЕКТОР РОЕБФ «РУКА ПОМОЩИ»

АЛЕКСАНДР КИРНОС

Любая книга после того, как написана и отдана на суд . читателя, обнаруживает разные смыслы, зачастую те, о которых писатель и не думал. Но, делая все возможные поправки на личный опыт критика, категорически не могу согласиться ни с публицистической, ни с критической оценкой книги Рады Полищук, одна из основных тем творчества которой — память: индивидуальная, рода, народа. Только на этом фундаменте возможно самостояние человека. Попытки же отказаться от анализа прошлого приводят к манкуртизации человека, а историю сводят к «дурной бесконечности». Несмотря на огромное количество научной, публицистической и художественной литературы о Холокосте, тема эта далеко не исчерпана, и «пепел Освенцима» по-прежнему в каждом еврейском сердце. Осмысление Катастрофы только начинается, слишком мы близки к трагедии и ужасу случившегося. Эта ситуация, когда вопросов больше, чем ответов: «В чем милость Б-жья?» и «За что, Г-споди?» — правомерна. Рада Полищук настойчиво и последовательно исследует судьбы людей, попавших в жесткий молот XX века, как погибших, так и выживших, поступки ее героев непредсказуемы, они одновременно и неожиданны, и художественно достоверны, а ее трилогия принадлежит к лучшим образцам современной экзистенциальной литературы.

×ÈÒÀÈÈ?

ÀÐÈÀÁÈÈ ÒÌÁÈÈÌ, ÑÀÐÀÒÌÁ

Благодарю раввина за ответ. Ожидаемо необъективный. Он . сделал акцент на самом факте возрождения религиозной деятельности в России в последние два десятилетия, однако проигнорировал мой рассказ о причинах упадка иудаизма в прошлом. Меж тем активизация конфессий объясняется единственно политикой федеральных властей, надеющихся на духовное возрождение и потому содействующих традиционным конфессиям. Понятно, что этим надеждам сбыться не суждено, — духовный упадок стал следствием неудач в экономике в течение нескольких десятилетий и ошибочного политического курса советских лидеров, а вовсе не атеистической пропаганды. Настоящей задачей является воспитание народа в духе светского гуманизма, чтобы выкорчевать ростки антисемитизма и преодолеть утопические религиозные доктрины.

ЛЕХАИМ МАРТ 2011 АДАР 5771 – 3(227)

МУЖСКАЯ СИЛА

Ներօգյ Դոբ

Īēī-āīēā Īā-āēī ā 1 226

Эдмунд! — взревел он. — Не одно, не два — два десятка! Два десятка, только за два последних месяца!

— Два десятка чего? — Я мигал, ослепленный произошедшей в нем переменой. Ему исполнился двадцать один год, он стал выше, шире, шерстистей. На нем были новые очки (куда менее устрашающие, чем те два груза, какие его хлипкая переносица на себе несла к столу призывной комиссии), и, вполне предсказуемо, впрочем, он выглядел в них взрослей, особенно в области скул: серебряная солидность оправы перебарывала детскость, какую неизбежно излучает большое лицо, обреченное обрамлять херувимский носик. Я увидел ясно, увидел сразу, сам, вовсе не под гипнотическим воздействием его охорашивания (он стоял передо мной очень просто, старательно застегивая рубашку), что он разросся и преобразился; приноровился к своему невозможному телу. То, что было в нем от языческого колосса, взбухло, окончательно вытеснив зеленость-незрелость, и со своей плоской, плешивеющей башкой он весь был (не побоюсь вульгарной набожности, неотделимой от этого термина) как гигантский лингам^[1]: из тех странных фаллических монументов, какие встретишь порой, в ярких цепях листвы, на обочине пыльной индийской дороги. Поворачивались большие ладони, мелькали края рубашки; было очевидно, что уж недолго осталось этой башке уживаться с волосяными луковицами — с него так и сыпалась перхоть. Он, по-видимому, много курил, зубы стерлись и потемнели. И при всем при том вид его трогал и пробирал. Он был массивен, выразителен; в нем появилась величавость.

— Стихотворений, слышите, стихотворений! — он взревел. — Два десятка стихотворений продано только за два последних месяца, и самым лучшим журналом! — Он бы по-товарищески дернул

меня за ухо, уцелей моя мочка, но вместо этого ударом сшиб меня в кресло (сестра мирно продолжала штопать) и вывалил на меня ворох самых влиятельных тогдашних журналов.

— И это еще далеко не все, — сказала моя сестра.

— Как тебе удалось? — вскрикнул я. — Г-споди, и одно даже в «Строфах века»! Филдинг принял? Неужели Филдинг?

— Да, уж, гроза грозой, ничего не скажешь. А ведь, если честно, милейший старикан, а ты и не знал, Эдмунд? Три раза уже с ним обедал. Извиняется без конца, мол, как он попал впросак, оплошал, — помнишь, ну, когда он тебе написал насчет меня это кошмарное письмо? Все повторяет, мол, ах, как ему стыдно.

— Филдинг? — повторял я. — Не может быть, чтобы Филдинг...

— Ты дальше расскажи, — услужливо вставила Маргарет.

— Ну, завтра мы снова вместе обедаем — Филдинг и мы с Маргарет, и он меня познакомит с одним книжным издателем, который очень заинтересовался моими произведениями и хочет им придать... как он сказал, Маргарет? Ну, что-то там такое.

— Импозантный вид. Собрание сочинений, все стихотворения Эдмунда Сада. Понимаешь?

— Не понимаю! — выпалил я.

— Где тебе. Кишка тонка. Не знаю, удалось ли тебе по-настоящему постичь Эдмунда. — Я несколько смутился, пока не понял, что она теперь обычно его зовет тем именем, которое он слямзил у меня. — Эдмунд! — воззвала она. К кому бы из нас? Ее нахмуренные брови мне помогли определить адресата. — Ты не можешь оценить его уровень. Его уровень — вот чего ты не можешь понять.

— Я понимаю, — ответил я туманно, отпуская журнальный оползень, но «Строфы века» я оставил. — Бедный Филдинг, наверно, впал в маразм. Он ведь, по-моему, на десять лет даже старше папы? Выжил, наверно, из ума, и там у них духу не хватает послать его подальше.

— Вот уж пальцем в небо, — отрезала Маргарет. — Просто мальчик, получил наконец признание, только и всего.

— А мне вот ясно, о чем он, — сказал Эдмунд. — Я им и сам говорю... издателям этим, ну как же это можно, говорю... или вы все с ума посходили? Ты бы послушал...

— Хвалы, — грубо вклинулась Маргарет, — хвалы без конца. — И, кажется, она хотела этим меня уесть.

— Я и сам не знал, что мои стихи уж так хороши, — сказал он. — Смешно, да? Сперва была просто проба пера, ну как бы, а уж потом я наловчился.

— Проба пера? — переспросил я. В этой его скромности было что-то новенькое, прямо вовсе неожиданное. Он был чуть ли не сконфужен. Я удивился: он был так же ошеломлен своим везением, как я.

То ли дело Маргарет, она, по-видимому, во всем этом прозревала некую высшую волю.

— Эдмунд напал на новую жилу, — объявила она.

— Н-да, раньше вовсе получалось не в жилу, э? — пробормотал я, ныряя в «Строфы века».

Тут Эдмунд похлопал себя по ляжкам, но:

— Хорошо смеется тот... — сказала Маргарет и постучала близстоящего отпрыска наперстком по голове. — Что за бесчувственный человек твой дядя. Читай! — она приказала мне.

— И у него на затылке яма, и от уха только кусок остался, — предательски подхватило дитя.

— Ш-ш-ш! — отрезала Маргарет. — Мы не говорим о безобразии.

— Если оно не в стихах, — уточнил я, а сам уже читал; и поражался тому, как вольно вдруг расправились легкие; как неведомо откуда взялся лихой скакун и летит, летит за все пределы, за край страницы. Неужели это Илья сочинил такие немыслимые, чистые строки? Но вот же его фамилия, набрана типографским шрифтом: это он сочинил, как свидетельствуют «Строфы века», и ни в какой маразм не впал нисколько Филдинг.

— Ну?

— Не знаю, — промямлил я в полной растерянности.

— Он не знает! Эдмунд! — Это Эдмунду. — Он не знает!

— Мне просто не верится.

— Ему просто не верится, Эдмунд!

— Мне самому не верилось спервоначала, — признался он.

Но сестра уже вскочила и целилась иголкой мне в лицо:

— Скажи, что это хорошо!

— О, это хорошо. Вижу, что хорошо, — сдался я. — На сей раз он попал в точку.

— Они все такие, — громыхала сестра. — Сам можешь посмотреть.

Я посмотрел. Я смотрел жадно, смотрел ненасытно, смотрел отчаянно, смотрел лихорадочно, смотрел, не веря глазам своим; переходя от журнала к журналу, алчно шурша страницами, в них шуруя, ловя и ловча, загребая и грабя, покуда не выгреб из них все его творения. Моя добыча меня поразила: ничего лишнего, ни убавить ни прибавить. Я был ошеломлен, истомлен, в конце концов я впал в ступор, я был околдован. Я был обращен, я уверовал; он неизменно попадал в самую точку. И не то чтобы походя — нет, я же видел, на какой он порой пускался отчаянный риск. Это в самом деле была новая жила; какое! это была артерия, и с могучим напором, это был мощный, неистощимый поток. А полгода спустя вышла книга, и факт моего обращения был подтвержден и подписан. Здесь были все стихи из периодических изданий, уже мне знакомые, — как тяжелые, старые колонны в несравненной резьбе; а сверху, блистая плитами белого мрамора, недвижимое в своей беспорочной весомости, в своей непреклонной выверенности, скоро легло наверх, появился венец этого сияющего начала, чему я был восхищенный свидетель. Ну, положим, не свидетель — слушатель, потому что Илья по привычке любил сочинять у себя на чердаке, и я слушал, как он выстукивает стихотворение без запинки и без передышки. А потом он сразу спускался и подавал его мне. И как будто ничего не изменилось — изменился только его дар и одна черточка в его поведении. Без сомнения, это была работа настоящего — но кто я такой, чтоб объявлять его гением? — лучше скромно ее обозначить как высокодостойную работу. Он, без сомнения, мне показывал высокодостойную работу, но — что удивительней всего — показывал как-то смиренно, покорно как-то. Куда подевалась вся его фанаберия! И тщеславие исчезло. Какая-то тихость его теперь оведала, одевала, удерживала, как на привязи; и в те дни, когда к нему шли стихи, он поднимался по лестнице с какой-то удивительной томностью — ничего подобного я прежде в нем не замечал; и он печатал, с начала и до конца, не вымарывая, не запинаясь, а потом топал вниз, вырастал передо мной внезапно, как тать, и вкладывал свой несравненный лист в мою жадную руку. Я понимал, что он в некоем транс, и — хоть в те глухие поры мы только едва прослышали о Фрейде, мне и тогда уж было ясно, что, когда в нем, наконец, вскипев, прорывалась дремлющая драгоценная сила, на него находил покой, столь же глубокий и столь же целительный, как сон под влиянием эфира. Если он не испытывал — или не замечал — того, что люди восторженные зовут вдохновением, то лишь потому, что сразу, не красуясь и не тратясь на пустые прелюдии, весь вкладывался в единый могучий миг — шесть

минут, семь минут, ну, я не знаю, — отстукивая время указательным пальцем, пресушествляя свое видение в алфавит.

Он, кстати, теперь сто очков вперед мог дать любой, самой ретивой машинистке.

Однажды я спросил его — с четверть часа тому новоиспеченный лист сошел с машинки, — как сам он может объяснить то, что с ним произошло.

— Ты ведь был ужасен, — я ему напомнил, — ты был кошмарен. Г-споди, ты был из рук вон.

— Даже не знаю, — он сказал с той размаянностью, которая всегда им овладевала после тех изумительных восшествий на чердак, — даже не знаю, разве же я настолько был плох?

— Ну хорошо, ну неважно, предположим, что не настолько, — сказал я (в свете того, что сейчас держал в руке, уже не вполне доверяясь собственной памяти), — но это! Это! — И как победным знаменем помахал изумительной страницей. — Как ты это объясняешь, после того, что ты собой представлял?

Он осиял меня широкой темнозубой улыбкой и от души пнул в лодыжку.

— Это плагиат.

— Да ладно, ну хватит тебе.

— Это параноидальный плагиат, — прибавил он готовно, — плагиат парии, — признайся, Эдмунд, не любишь ты буквы П, в жизни не любил и теперь уж в жизни не полюбишь.

— Например, — сказал я, — ты этим больше не занимаешься.

— Чем? — он провел сигаретой по зубам и зевнул. — Я ж по-прежнему парю, правда? Не переливая из пустого в порожнее, без парентез, пудренных париков и параффов.

— Да-да, вот именно. Больше не напихиваешь неуместных слов в каждую строку.

— Да, что было, то прошло. Жалко, конечно, мой словарь практически весь закончился.

— Нет, каким же образом? — не унимался я.

— Использовал я его, вот каким образом. Я его прикончил.

— Ах, оставь. Я вот ведь что хочу понять: почему ты так переменялся. Переменялись твои стихи. Я еще не видывал такой перемены.

Вдруг он распрямылся, так вдохновенно, что я словно бы воочию видел возрождение страсти.

— Маргарет много об этом думала, Эдмунд. Она это дело взрослением объясняет.

— Не ахти как пронизательно, — сказал я — ради П и чтобы показать, что я уже на все согласен.

Но он был предельно краток:

— Она мужскую силу имеет в виду.

Я невольно усмехнулся:

— Да она и слов таких из себя не выдавит.

— Ну, может, и сама Маргарет тоже переменялась, — вздохнул он.

— Все та же дура, какой была всегда, и муженек все тот же дурак-биржевик, парочка бесплодных ханжей, — да она эту так называемую мужскую силу не опознает, когда на нее наступит. Ей само это понятие претит...

— Оно ей нравится, — сказал он.

— Нравятся ей только разные эвфемизмы. Не может прямо на вещи взглянуть, вот и пользуется прикрытиями. Нежность! Мужество! Зрелость! Героизм! Совсем пустая голова, — сказал я. — И что она в своей жизни сделала, разве что дурацких детишек нарожала. Я уже и счет потерял, сколько она их...

— Следующий-то мой, — сказал он.

— Что за идиотская шутка.

— Не шутка.

— Послушай, шути себе насчет плагиата сколько душе угодно, но не трать зря слов на волшебные сказки.

— На детские сказки, — поправил он. — Я ничего не трачу зря, я ж говорил. Вот. И Маргарет я плагиатировал, присвоил, приватизировал, если уж вам приятно придерживаться буквы П. — Здесь он привел еще кое-какие слова на букву П, не приспособленные для печати, которые я вынужден доверить опыту читателя, правда не почерпнутому в гостиных. — А насчет головы Маргарет — тут ты очень даже сильно ошибаешься, Эдмунд. У нее прекрасная деловая хватка. Просто раньше она возможностями не располагала. Знаешь, когда моя книга вышла, с тех пор на меня, честно тебе скажу, имеется кое-какой спрос, так она что сделала — она устроила мне выступления на полгода — читать свои произведения вслух. А гонорары! Она для меня выбила больше, чем Эдна Сент-Винсент Миллей [\[2\]](#) огребает, если всю правду хочешь знать, — сказал он гордо. — Да, а что? У этой дамы только и получается стих настоящий, когда она имя-фамилию свою пишет.

И вдруг, сквозь его гогот и клубы дыма, до меня дошло, кто́ стоит за этим названием поэтической книги. Б-же ты мой. Маргарет! Книга называлась «Мужская сила».

Неделю спустя после этого разговора он уехал с моей сестрой в Чикаго на торжественное открытие своих чтений.

Я полез к нему на чердак и там учинил обыск. Меня терзали ужасные сомнения, я кипел. Я утратил Регину из-за принципов Маргарет, а теперь Маргарет утратила свои принципы, и в обоих случаях

Эдмунд Сад оказался на коне. Он выиграл от ее высокоморальности, и от ее аморальности он тоже выиграл. Я снова начал его ненавидеть. О, если бы я только мог поверить в эту его чушь; ничто не могло меня потешить больше, чем мысль о том, что да, он вор, слова ворует; с каким мстительным восторгом я его поймал бы с поличным — ведь даже вполне правдоподобное признание в плагиате в таких устах смахивало на ложь. Чердак не выдал никаких улик. Даже поэтической антологии, скажем, не оказалось, которая могла бы объяснить столь буйное цветение; вообще не оказалось ни единой книги — жалостный остов словаря, закинутый в угол вместе с сигарным ящиком, не в счет, конечно. А в остальном — был тут старый стол, с его — нет, с моей — пишущей машинкой, диван, два-три стула, пустой комод, горячий голый пол (жар бил сверху) да исходный его костюм лениво свисал на вешалке со стеклянной крыши, приютив на лацканах беззастенчивую моль. На ум просился Мухаммед с Кораном, Джозеф Смит и его золотые листы^[3]. Некая тайнопись под диктовку повторялась в этих стенах: дар нисходил на него из света, поднимался из тьмы. И я присел к его столу и кое-как напечатал отчаянное письмо Регине. Я предлагал продолжить наши отношения на новых условиях. Я писал, что мы, надеюсь, сможем все начать сначала, не так, как прежде (мой дом занят). Я писал, что я на ней женюсь.

Она ответила безотлагательно, вложив в конверт объявление о свадьбе полугодовой давности.

И в тот же самый день вернулась Маргарет.

— Я его оставила, конечно, я его оставила. Пришлось, пришлось, ах, не то чтоб он в данных обстоятельствах сумел о себе позаботиться, но все равно — я отослала его в Детройт. Раз я его менеджер, в конце концов, я же должна устраивать его дела. А из провинции как их устроишь, верно? Нет, мне необходимо быть здесь, повернуть кое-какие встречи... ты себе представить не можешь, Эдмунд, его буквально рвут на части! Мне надо для начала организовать настоящий офис, с коммутатором и все такое...

— Дела идут?

— «Дела идут!» Ну что за манера выражаться! Эдмунд, он просто чудо! Это что-то сверхъестественное. У него харизма, Эдмунд, в Чикаго арестовали трех девиц, они устроили живую цепь, с люстры свесились над самой кафедрой, и та, которая висела ниже остальных, дотянулась до его волос, чуть скальп не содрала с бедного мальчика...

— Вот жалость, — вставил я.

— Что ты хочешь сказать, при чем тут твое «вот жалость», да ты не слушаешь меня, Эдмунд, он знаменитость!

— Но у него волос так мало, и он так с ними носится, — промямлил я, гадая горько, не вышла ли за лысого моя Регина.

— Что за тон и кто тебе дал право? — возмутилась Маргарет. — Ты просто понятия не имеешь о том, до чего он скромн. Думаю, тут даже отчасти секрет его обаяния — ну полное отсутствие эго. Сплошная невинность, ну дитя, дитя. В Чикаго буквально через плечо смотрел — не понимал, его ли имеют в виду или кого другого. А имеют в виду его, его, и ты просто себе не представляешь, какие вопли, какая толкотня за автографами и как вопят «браво» и в обморок падают, если случайно поймают его взгляд...

— В обморок? — усомнился я.

— В обморок! Б-же ты мой, ну Эдмунд, ты разве не читаешь хотя бы заголовки в твоей же собственной газете? Публики на него сбегается втрое больше, чем на Карузо. Какой ты трудный, Эдмунд, ты же сам признаешь его достоинства, но у тебя внутри прямо преграда какая-то, вот не можешь ты и не понимаешь, какая власть у этого мальчика...

— Я вижу, какая у него власть над тобой, — сказал я.

— Надо мной? Над всеми, Эдмунд, весь мир теперь в его власти — я уже ему устроила чтения в Лондоне и Манчестере, а вот телеграмма из Йоханнесбурга, там жаждут его, слезно умоляют, — о, с этим захолустьем покончено, можешь мне поверить. И, знаешь, я ведь только что устроила прекрасный, выгодный договор на его следующую книгу, и ведь на первую так и сыплются, так и сыплются отзывы! — Щелкнув замочком, она вывалила из портфеля груды подшивок, бланков, списков, надорванных конвертов с

экзотическими штемпелями, пухлых официального вида папок — и все это, шурша, кружась, осыпалось в ее растопыренные колени.

— Как — на следующую книгу? — спросил я. — А она что, готова?

— Естественно, она готова. Он удивительно продуктивен, знаешь. Он крайне плодотворен.

— Буйное цветение, буквально, — предложил я.

— Да, вот именно, подлинные его слова, и как ты догадался? Он может практически в любой момент создать стихотворение. Иногда, сразу после чтения, когда совсем без сил — знаешь, это ведь собственная застенчивость так его изматывает, и в то же время уже заранее тревожится, волнуется, а будет ли следующая лекция столь же успешна, — вдруг на него — да, вот именно находит, и тогда он прячется в самом укромном уголке отеля и роется в бумажнике, откапывает свои листочки — всегда с собой таскает эти сложенные листочки, там у него, наверно, наброски, замыслы, и всех гонит от себя прочь, даже меня, и печатает (страшно доволен, кстати, новой своей машинкой) и печатает себе вволю от избытка сердца! — ликовала она. — Да, энергия гения. И эта его подлинность, Эдмунд, и, кстати, глубоко энергетический человек, Эдмунд, глубоко энергетичен сразу во всем. Ты хоть за рецензиями-то следишь, надеюсь?

Это была атака, я занял оборону.

— И как же он назовет эту новую книгу?

— О, разные мелочи вроде названий он оставляет на мое усмотрение, а лично я — сторонница простоты. «Мужская сила II», — объявила она этим своим жутким бизнес-голосом. — А потом будет «Мужская сила III», а потом...

— Ах, буйное цветение, — вставил я.

— Буйное цветение, — она просияла.

— Бездонный источник?

Тут уж она удивилась:

— И как это ты всегда так точно попадаешь на подлинные слова Эдмунда?

— Да знаю я, как он разговаривает, — сказал я.

— Бездонный источник, да, он сам так определил. Вот погоди, увидишь! — она меня припугнула.

Она не ошиблась. После «Мужской силы» появилась «Мужская сила II», потом «Мужская сила III», а потом младенец мужского пола. Маргарет его назвала Эдмунд — якобы в мою честь, — и муж, биржевик, хоть и несколько озадаченный этим человеческим плодом среди столь буйного литературного произрастания, однако же слегка приободрился. В последнее время, с тех пор как скромная контора Маргарет приросла тремя секретарями, ему сдавалось, что он видится с ней реже, чем бывало, по крайней мере, что она его замечает реже, чем бывало. И этот младший Эдмунд ему представился доказательством (хоть он и минуты не размышлял на эту тему) того, что она его замечала чаще, чем почему-то он запомнил. Маргарет меж тем была бодра и весела — закинула новоявленного крошку Эдмунда («Назовем его Третий», — она хохотала) в сверхукомплектованную детскую и пустилась по делам: дела разрослись невероятно. Кроме трех секретарей у нее в штате появились еще и два ассистента: поэты, стихоплеты, тенора, альты, мистики, леваки, праваки, мемуаристы, спиритисты, рационалисты, предсказатели, вымогатели — все-все, кто не без *idee fixe*, и потому для цикла этих лекций — в самый раз, именно то, что надо, шумно ломались в круг ее клиентов. Эдмунда она гоняла нещадно. Гоняла его в Париж, Лиссабон, Стокгольм, Москву; никто в этих столицах из его чтений не понимал ни слова, зато названия книг внушительно переводились на все языки. При чтении он теперь стал слегка порывивать — вечно был охрипший — из-за курения, не вынимал сигареты изо рта, и по настоянию Маргарет он всячески это рычание культивировал. В сочетании с его акцентом оно бросало в интернациональную дрожь всех самых лучших женщин мира. Манжеты с

инициалами она отменила и наряжала его теперь, как боксера, в черные высоко шнурованные ботинки и блестящие тенниски в обтяжку, из которых перла, кучерявясь, его шерстистость. Длинные клубы дыма вечно струились у него изо рта. В Париже его загоняли на Пляс де ля Конкорд воплями: «Virilite! Virilite!» «Die Manneskraft!» — вопили в Мюнхене. И был обвал, поток, потоп рецензий. В отделе фотографий всех изданий его физиономия соперничала с парадными бюстами герцогинь. В Нью-Дели его глянцевого торса реял над улицами как аватар. Серьезные литературные критики уже давно его бросили, метнули, выпулили им, как из рогатки, — но ведь они же, серьезные литературные критики, все это и затеяли. «Принцип маскулинности, персонифицированный, выверенный, проясненный», «Острота Александра Попа, чувственность Китса», «Как в капле вод отражены свойства величайших романов», «Толстовское начало», «Оригинальность, сила», «Мужская притягательность», «Эротичность».

Маргарет, в экстазе, скоро сунула новое дитя в ломящуюся детскую. На сей раз биржевик помог ей выбрать имя. Остановились на Саде и наняли еще одну няню, чтоб совладать с избытком.

После «Мужской силы IV» явилась «Мужская сила V». Качество стихов не падало, и было просто удивительно, как это он вообще их продолжает создавать. Иногда он ко мне заглядывал между поездками, неизменно поднимаясь вверх и по стонущим половицам обходя свои прежние владения. Спускался он изнеможенный, ссутуленный; со вспухшими карманами, но там были, кажется, только его кулачищи. По мере того как слава его росла, он странным образом все больше тушевался. Кстати, он смекнул, что меня втайне окисляет его успех, и скромно постарался мне напомнить о тех временах, когда еще писал плохо.

— Тем хуже, — ответил я ему. — Это только доказывает, что пророк из меня никакой.

— Ничего подобного, — сказал он. — Не такой уж ты плохой пророк, Эдмунд.

— Я говорил, что со своими стихами ты далеко не уедешь.

— И не уехал.

Я возмущился — Маргарет недавно мне показывала его банковский счет. Он теперь был одним из богатейших людей в стране; моя газета вечно подпитывала невзыскательную хронику сведениями о нем, представлявшими общечеловеческий интерес: «Прославленный поэт посещает сказочную Патагонию».

Я сказал:

— Как это — не уехал? Какого ж тебе еще рожна от мира надо? Что еще, по-твоему, он тебе может дать?

— А-а, я знаю?.. — сказал он. Мрачный такой, сердитый. — Просто чувствую — вот, на исходе я, к концу дело идет, и все.

— Да что к концу идет? Победы, восторги? Тебя все время с Китсом сравнивают. Твой дружок Филдинг на днях написал в «Строфах века», что ты можешь тягаться своими масштабами с ранним Мильтоном.

— Филдинг маразматик. Его давно турнуть пора.

— И по продажам ты идешь сразу после Библии.

— Я воспитан на Библии, — вдруг встрепенулся он.

— Ну-ну. Так у тебя что? Угрызения совести? Послушай, Илья, уладил бы ты все дело с Маргарет, пусть она получила бы развод, и узаконь своих детишек, раз тебя это тревожит.

— Они очень даже законные. Старик неплохой отец. Да они все там перемешаны, я одного от другого не отличу.

— Твои те, которые названы в твою честь. Ты оказался прав насчет Маргарет — способная женщина.

— И не тревожит это меня совсем, — он гнул свое.

— Но что-то ведь тревожит. — И это обстоятельство меня заметно грело.

— Честно говоря... — Он плюхнулся в мое наследное ветшающее кресло. Только что вернулся из поездки по Италии; на старте в гардеробе у него было тридцать семь атласных рубашек, и ни одна в целостности и сохранности не пережила поездки. Оторванные рукава шли по двадцать лир за штуку. Очки украли прямо с прославленного носа.

— Мне нравится тут, Эдмунд, — он сказал. — Твой дом мне нравится. Нравится, что ты моих старых вещей там, наверху, не касаешься. Человеку дорого собственное прошлое.

Меня всегда поражало, что стиль его устной речи ничуть не изменился. По-прежнему он обожал несносные трюизмы. Как Колумб, открывал избитые клише. Но его стихи... Да, как странно, какое упущение! Я ведь и не попытался даже их охарактеризовать. А все потому, наверно, что их надо демонстрировать — читать вслух, как читал по всему миру Эдмунд. Поскольку я лишен такой возможности, мне следовало бы, конечно, их здесь представить; но не хотелось тормозить рассказ, выкраивая для них пространство, хотя, по правде говоря, много места они б не заняли. Удивительно компактные, строгие, в форме традиционных катренов. Точная рифма, правильный размер. И кроме всего прочего, неслыханная простота. В отличие от продукции раннего Эдмунда, язык здесь был совершенно чист. Никаких выморочных словечек. Обыкновенный словарь обыкновенного человека. И в то же время — поразительная мощь. Эти стихи запоминались сразу, с ходу врезались в память — их буквально невозможно было забыть. Некоторые были с сюжетами, вроде баллад, и как пьянили, как бодрили эти жутковатые сюжеты. Другие представляли собой любовную лирику, на диво откровенную, на такую откровенность пока не отваживался ни один западный поэт, — но она дышала чистотой, здоровьем, эта лирика, грязным бельем отнюдь не пахла. Как заметил кто-то, прочитав или послушав стихи Эдмунда Сада: только человек с богатым, разносторонним опытом мог написать такое. Размышляли о его жизни. Если бы члены семейства Борджиа^[4], очистившись от многочисленных своих пороков и злодейств, сделали поэтами, заметил кто-то, они писали бы подобные стихи. Если бы Лихие Уланы Тедди Рузвельта^[5] стали вдруг поэтами, они писали бы подобные стихи. Если бы Наполеон и Чингисхан были поэтами, они писали бы такое. Стихи были мужские. Они были политические, персональные, публичные, приватные. В них уживались пыл и хандра, опытность и юность, мудрость и наивность. Только приятности и вялости решительно в них не замечалось, как никогда не отдает приятностью и вялостью тугая, выверенная, бережно сдерживаемая сила.

Они, в общем, были очень похожи на то представление, какое составила себе Маргарет об Эдмунде Саде. Стихи и автор были неразличимы.

Она свое это представление гоняла в Югославию, гоняла в Египет, гоняла в Японию. В Варшаве девицы подстерегали Илью на улице и рвали его карманы на сувениры — чуть зубы ему не вырвали. В Копенгагене организовали разнузданный клуб «Запретный Сад» и, собираясь там в саду, декламировали его стихи. В Гонконге с него содрали исподнее и смотрели, хихикая, на его срам. Ему теперь было двадцать пять; его все это уже немного утомляло.

Вернувшись из Бразилии, он навестил меня. Выглядел еще мрачнее, чем обычно. Прогрохотал наверх, тяжело протопал по комнатам, прогрохотал обратно. Принес с собой свой старый сигарный ящик.

— А моя тетя умерла, — сказал он.

Как всегда, занял папино кресло. И мотнул головой — головой могучего младенца.

— Которая в Ливерпуле?

— Ага.

— Что же, прими, как говорится. Хотя она уже совсем старая была, надо думать.

— Семьдесят четыре годочка.

Кажется, ему было очень тяжело. Явно от горя, от чего ж еще, пошла такими складками эта могучая шея.

— Но ты хотя бы, — сказал я, — в последние годы, наверно, как следует о ней заботился. У нее, по крайней мере, были свои маленькие радости.

— Не-а, ничего я для нее не делал. Ни пенни ей не посылал.

Я его оглядел. Совсем больной. Черные губы.

— Но ты, наверно, собирался. Просто руки не дошли, — рискнул я; я думал, это он от угрызений совести так омрачился.

— Нет, — он сказал, — не мог я. Денег не было. Не по карману. И она ж такая самостоятельная всегда была.

Ну каков мерзавец, подобного я даже от него не ожидал.

— Черт побери, Илья, — меня просто взорвало. — Она же тебя приютила, если бы не она, тебя убили бы вместе со всей твоей семьей в этой твоей...

— Ладно, не было у меня никогда столько, сколько ты воображал. Много ль огребешь в полицейском участке.

— В полицейском участке! — я уже визжал.

Он мне бросил глубоко оскорбленный взгляд.

— Ты не ухватываешь, Эдмунд. Тетя умерла до всей этой чертовни. Она уже три года как умерла.

— Три года?

— Ну. Может, три с половиной.

Я попытался понять:

— Так ты, значит, только что получил известие? Тебе только что сообщили?

— Да нет. Все я узнал сразу, как случилось.

Я совсем запутался:

— Но ты ничего не говорил.

— А цель-то? Ты что, ее знал? Никто ее не знал. Я и сам ее не знал почти что. И кто она такая? Обыкновенная старуха.

— Ах, — сказал я злобно, — значит, горе еще только до тебя дошло? Все не хватало времени скорбеть?

— Не любил я ее никогда, — признался он. — Зануда старая. Все говорит и говорит. Уж уехал я от нее, сюда приехал, так она давай писать, все пишет, пишет. Потом я и письма перестал открывать, вообще. Штук двести она мне их написала. Все сберег. Я все сберегаю, мусор даже. Если бедности хлебнешь на заре своей юности, все сберегать научишься. Кто беречь умеет, тот нужды не знает, — он припечатал.

— Раз ты ей не отвечал, как же она продолжала тебе писать?

— А кому ей писать-то. Писать хотелось, а некому, так я рассуждаю. И вот у меня только эти теперь остались. Последняя связочка, и всё. — Он мне показал свой большой потрепанный сигарный ящик.

— Но ты же говоришь, ты их сберег...

— Ну. Но я же их использовал. Слушай, — он сказал, — я теперь пойду, Эдмунд, у меня свидание с Маргарет. То-то крику будет, скажу я вам.

— Что-что? — я ничего не понял.

— Никуда я больше не поеду, пусть как хочет глотку свою дерет. Отъездил. Отныне буду сидеть дома и сочинять стихи. Где-нибудь комнату сниму, может, ту, прежнюю, помнишь, — куда ты тогда приходил?

— Когда я с ног тебя сшиб. А можешь здесь остаться, — сказал я.

— Не-а, — он сказал. — Только не там, где твоя сестрица меня достанет. Мне работать надо.

— Но ты и так работаешь, — сказал я. — Выдаешь на-гора все новые стихи! Просто поразительно.

Он приподнял всю свою тушу и встал, прижимая сигарный ящик к динозаврским ребрам.

— Я ничего не сделал.

— Но пять таких сборников...

— Я сделал исключительно двоих детей. Эдмунда и Сада. И то имена не мои природные. Вот и все, что я сделал. Остальное сделали рецензии. Остальное сделала Маргарет.

Вдруг он заплакал.

— И как я Маргарет скажу...

— Да что «как я скажу»?

— Одна-единственная связочка осталась. И все. И больше ничего. Мне теперь крышка.

— Илья, да о чем ты, Б-га ради?

— Я боюсь сказать. И что мне теперь делать? Я ж пробовал новое писать. Я пробовал. Жуть что получается. Совсем не то, Эдмунд. Ничего я не могу. Я ей сказал. Сказал, что больше не могу писать. А она говорит — это временное, пройдет, у всех, говорит, писателей бывает. Ты, говорит, не волнуйся, все к тебе опять вернется. Всегда опять возвращается к гениям.

Он отчаянно рыдал, я едва схватывал слова. Он опять плюхнулся в папино кресло, и по старым трещинам ручьями потекли слезы.

— Я боюсь сказать, — всхлипывал он.

— Илья, ради Б-га. Будь мужчиной, возьми себя в руки. Чего ты боишься?

— Ну, я тебе уже раньше говорил. Сказал нарочно — знал, что не поверишь, но ведь сказал же, тут ты не можешь отпереться. И ты меня не сумел остановить. Ты тоже виноват. — Он прятал лицо в ладонях.

Тут уж я вскипел:

— Да в чем я виноват?

— Я плагиатор.

— Ну, если ты опять о Маргарет...

Он простонал в ответ:

— Нет-нет, ну дурак ты, что ли, с Маргарет у меня все, точка.

— Но эти сборники разве не твои? Они не твои?

— Ну. Мои они, — он сказал, — ко мне пришли по почте, если ты в этом смысле...

Мне передалось его волнение:

— Илья, ты с ума сошел...

— Она написала все, все до последнего, — он всхлипнул, — в Ливерпуле. Все стихи до последнего, до самой последней строчки. Тетя Ривка. Теперь только на одну книжку можно наскрести. Маргарет ее хочет назвать «Мужская сила VI», — проревел он.

— Твоя тетя? Она все это написала?

У него только вырвался стон.

— Даже и то... но ведь не то же, которое про...

— Все до единого, — перебил он. У него почти совсем сел голос.

Он у меня оставался три недели. Чтоб избежать ее наскока, я позвонил Маргарет и сказал, что Эдмунд слег со свинкой.

— Но я как раз получила телеграмму из Родезии, — она стенала, — он там безу-умно нужен!

— Тебе лучше держаться от нас подальше, — предостерег я. — Ты же не хочешь перенести эту заразу в детскую. Все твои малютки...

— Но как его угораздило подцепить такую детскую болезнь? — Я угадал ужасную тревогу на том конце провода.

— Как раз такую болезнь, какая соответствует уровню его развития.

— Да прекрати ты. Это ужасная болезнь для взрослого мужчины, понимаешь? Знаешь, какие осложнения бывают? Кошмар.

Я понятия не имел о том, какие ее терзают опасения, на этой выдумке я остановился исключительно из-за ее невинности.

— А что такого? — сказал я. — Дети прекрасно выздоравливают...

— Не будь кретином, Эдмунд, — она меня укорила знакомым тоном нашего отца — наш отец часто меня обзывал ученым идиотом. — Он может после нее превратиться в полного импотента. Да хватит тебе, Эдмунд, и ничего смешного, ну какой ты, в самом деле, гнус.

— Значит, ты сможешь назвать его новую книгу «Мужская слабость», — нашелся я.

Он прятался у меня, как я уже отметил, чуть ли не целый месяц, и он все время плакал.

— Теперь мне крышка.

Я сухо повторял:

— Но ты же знал, на что идешь.

— Я все время, все время боялся. После этой последней пачки мне конец. Прямо не знаю даже, что и делать. Прямо не знаю даже, что теперь будет.

— Ты должен повиниться, — я ему посоветовал в конце концов.

— Перед Маргарет?

— Перед всеми. Абсолютно.

Он ухмыльнулся мне сквозь слезы.

— Ага. Собрание сочинений Эдмунда Сада в исполнении тети Ривки.

— Наоборот, если угодно, — сказал я, вновь содрогаясь от этой мысли, хотя теперь уже слабей. — А раз так, ты должен загладить свою вину.

— Ничего перед мертвыми ты не загладишь, — он утирал реку, низвергавшуюся у него из носу. — Моя репутация. Моя несчастная загубленная репутация. Ну нет. Я не сдамся, сниму себе квартиру и

буду писать новые стихи. То, что теперь получится, будет действительно мое. Все будет начистоту, — он всхлипнул. — И я спасу себя.

— Ты себя погубишь. Ты станешь человеком века, который сдулся еще до тридцати. Нет ничего смешней, чем поэт, утративший свой дар. Жалкое зрелище. Тебя поднимут на смех. Смотри, как осмеяли позднего Вордсворта. Поздний Сад погибнет в свои двадцать шесть. Лучше тебе покаяться, Илья.

Он мрачно это взвесил.

— И что я буду иметь?

— Трепет и благоговение. Восторг. Ты станешь воплощенной, идеально-жертвенной фигурой. Ты можешь сказать, что тетка тихой сапой тебя тиранила, силком тебя подставила вместо себя. Эдмунд Сад в роли агнца. Да мало ли что ты можешь сказать.

Тут он как будто загорелся.

— Жертвенная фигура я и был, — согласился он. — Я ж через какой ад прошел. Вечно поносом маялся, из-за воды — она же, куда ты ни поедешь, везде всё разная. И крики-вопли эти повсюду мне осточертели. И чуть ли не все время моя жизнь подвергалась опасности. В Гонконге, когда с меня содрали шорты, я практически пневмонию подхватил, — выдернул сигарету изо рта, закашлялся. — Но ты действительно считаешь, что я должен так поступить, а, Эдмунд? Маргарет это не понравится. Она терпеть не может импотентов. Это ж будет признание в поэтической импотенции, да? Она ж на это так посмотрит.

— Но у тебя, по-моему, с ней все?

Вдруг он снова надул щеки.

— Вот именно. Не одобряю эксплуатации человека человеком. Она свой бизнес у меня на костях построила. На моей плоти и крови. На моих мозгах.

Он сел за машинку на чердаке, из которой я выколотил мое напрасное предложение Регине, и напечатал письмо к издателю. Чистосердечное признание. Я пошел с ним вместе куда следует, и мы нотариально заверили это письмо. Мне было легко и хорошо, я был идеальный наперсник, идеальный советчик, идеальный мститель. Он меня заставил испить чашу унижения, из-за него я потерял Регину; так пусть же потеряет все.

Меж тем я уверял его в том, что он все обретет.

— Ты останешься, — я говорил, — как импресарио чуть было не погибшего таланта. Ты останешься как тот, кто нам открыл скрывавшийся дотоле гений. Ты останешься как человек, подставивший под вечные лучи то, что иначе немым безвестным прахом сошло бы под своды вечной ночи.

У нас в газете людей — не мне чета — увольняли и не за такую прозу.

— Лучше бы я сам был кем-то, — сказал он. Замечание вырвалось у него, кажется, из самого сердца; я чуть ли не растрогался.

— Цезарем не становятся, им надо родиться, — сказал я. — Но кому нужен племянник Цезаря? Его заметят только, если он совершит нечто важное, из ряда вон. Ну что такое, в сущности, быть Эдмундом Садам? Но отрешиться от возможностей Эдмунда Сада на глазах у изумленной публики, умалиться, унижиться, отдав свое влияние другому — вот поступок, который вызовет широчайший отклик.

Он сказал печально:

— Зачем-то, похоже, тебе все это надо. — И пошел признаваться Маргарет.

Она разъярилась. Взбесилась. Взбеленилась.

— Так, значит, это написала женщина, — она орала, — старуха, еврейка, эмигрантка, которая даже до Америки не добралась?

— Моя тетя Ривка, — он вставил храбро.

— Ну, Маргарет, — говорил я. — Ну что за глупости. Новая книга будет ничуть не хуже всех предыдущих. Он вынимал их из ящика наобум, все они одинаково прекрасны. Все как на подбор. Все они блистательны, и ты это знаешь. Книга будет такая же, и примут ее так же. И прибыль та же будет.

Она скроила сердито-недоверчивую мину.

— Но она будет последняя. Он говорит, что он писать не может. Значит, потом уж больше не будет ничего.

— Список произведений завершается, — согласился я, — со смертью автора.

— Да уж, этот автор мертвехонек. — И она ему бросила злой смешок. Эдмунд Сад протер очки, пососал сигарету, снял себе комнату и был таков.

Напрасно Маргарет собачилась с издателем.

— Ну почему нельзя опять — «Мужская сила»? Это ж так удачно подошло к тем пяти книгам. Ходкий, испытанный бренд.

— Но эту написала женщина, — отвечал он. — Ну, мужская сила, ну, вирильность. Так эту назовите «Мульебрильность»^[6], все равно никто вас не поймет.

Издатель был остроумный человек, гордился своим знанием латыни и, не вдаваясь в лишние подробности, здраво полагался на глупость всех своих читателей.

Книга вышла под названием «Цветочки Ливерпуля». В прелестной обложке под цвет маргаритковых лепестков с портретом тети Ривки. Портрет был тот дагерротип, который Эдмунд хранил на дне пресловутого сигарного ящика. Тетка была отображена в молодости, в России, не то чтобы красавица: большущий рот, нос пуговкой, светленькие глазки, и почему-то ручка какая-то, вроде пистолета, что ли, торчала из небогатой пазухи.

Сами стихи были великолепны. Как ни странно, при всей произвольности отбора, то, что осталось в старом сигарном ящике Эдмунда Сада на закуску, оказалось венцом, пределом энергии поэта. Стихи были так же прозрачны и сильны, но как-то тверже, гуще, спелее, что ли, ну, может быть, интеллектуальней. Я читал, я поражался, и в конце концов я устыдился — если я рассчитывал сгубить его карьеру, подбив отречься от таких стихов, это была, мало сказать, ошибка. Это было преступление. Ничто не может повредить таким стихам. Они останутся парить, парить над мелкой мезьей. Если Шекспир был на самом деле Бэкон^[7] — какая разница? Если Эдмунд Сад на самом деле тетя Ривка из Ливерпуля — какая разница? А раз ничто не может погубить прекрасный стих, что толку изобличать скверного поэта.

С сигнальным экземпляром в руке я к нему постучался. Он мне открыл в исподнем; от него воняло. В очках не доставало одного стекла.

— Вот, — я сказал. — Последние.

Он с пьяной мрачностью икнул.

— Последние станут первыми^[8], — произнес я, брезгливо кривясь; от этой вони хотелось тут же метнуться прочь.

— Первые станут последними, — не согласился он и замахал на меня старой газетой. — Зайдешь, нет, Эдмунд? Заходи давай.

Но стула не было. Я сел на кровать. Пол был облезлый и усеян обрезками ногтей. Длинные такие, грязные полумесяцы. Я положил книгу на одеяло.

— Вот, тебе принес первому, твое право.

Он оглядел обложку:

— Какая морда.

— Какой дух, — сказал я. — Счастливцев ты, что ее знал.

— Зануда старая. Если б не она — и был бы я, кем был. Так меня кинуть.

— Илья, — я начал. Я явился сообщить ему жуткую вещь. — Этот издатель произвел некоторое биографическое расследование. Удалось выяснить, где твоя тетя жила перед своей смертью. Кажется, — я сказал, — она и в самом деле была такая, как ты ее всегда описывал. Самостоятельная.

— Вечно разную муру несет. Зануда старая. Вот я от нее и смылся, кто ж такое выдержит.

— Она совсем ослабела, больше не могла работать, но ни одной душе не жаловалась. Тело ее нашли в постели, чисто вымытое, готовое к погребению. Она сама переделась в чистое белье, помылась. А потом забралась в постель и умерла с голоду. Так и лежала и ждала смерти. В доме не оказалось ничего съестного, ни единой крошки.

— Она у меня никогда ничего и не просила, — сказал он.

— А как насчет стихотворения «Голод»? Которое считают фронтовым?

— Ну, это ж стихотворение, ну, мало ли. Да она и мертвая уже была, когда оно мне на глаза попало.

— Если бы ты ей хоть что-то посылал, — сказал я. — Эдмунд Сад мог бы еще несколько лет продержаться. Такая крепкая старушка и до ста могла дотянуть. Ей бы немного хлеба, только и всего.

— Ну и? Все равно бы рано или поздно это дело накрылось, да? Смерти Эдмунда Сада было не миновать. Ты лучше уходи, Эдмунд. Я без привычки так надрался. Вот, приноровиться пробую. Спиртное разъедает мне кишки. И для мочевого пузыря вредно. Ты уходи.

— Ладно.

— И забирай эту клятую книгу.

— Она твоя.

— Забирай. Это ты виноват, что меня в бабу превратили. Я мужчина. — И он цапнул себя промеж ног; действительно надрался до бесчувствия.

Но я все равно ее оставил там, в складках грязного одеяла.

Маргарет была в Мексике, со своим юным клиентом, баритоном. Заказывала для него номера в отелях. Прислала домой фотографию: он в плавательном бассейне. Я сидел в орущей детской и вместе с биржевиком шуршал журнальными страницами в поисках рецензий.

— Вот тут. «Жиденькое женское искусство».

— А-а, вот еще. «Милый девичий голосок, отображающий хрупкую девичью душу. Дамские кружева».

— «Заметна ограниченность, как неизбежно бывают ограниченны доморощенные стишки. Плоский взгляд старой девы».

— «Излишнее копанье в женском нутре. Примитивно. Типичное для пола автора отсутствие воображения».

— «Слишком женский дар, заведомо вторичный. Нет мужской энергии, напора».

— «Нельзя отказать опытной поэтессе в тонкой женской интуиции».

Двое младших заревели.

— Ну, ну, Садичка, — увещевал биржевик, — ну, ну, Эдмундик. Почему вы не хотите быть паиньками? Вот братики и сестрички у вас паиньки, они не плачут. — Он осиял меня застенчивой улыбкой. — А ты знаешь, что у нас скоро опять прибавление семейства?

— Нет, — сказал я. — Не знал. Поздравляю.

— Она — Женщина Нового Типа, — сказал биржевик. — Самостоятельно ведет бизнес, как мужчина.

— Детей, как женщина, рожает.

Он гордо засмеялся.

— Ну, с этим она не совсем одна справляется, это уж я тебе могу сказать.

— Почитай еще.

— А зачем? Везде одно и то же. Да, кстати, Эдмунд, ты обратил внимание, что в «Строфы века» уже другого взяли? Бедняга Филдинг, но похороны были его достойны. Ваш папаша рыдал бы, приведись ему на них присутствовать.

— Почитай, что там в «Строфах века», — попросил я.

— «Есть нечто в женском складе, искони противящееся величию и глубине. Не оттого ль, что женщине никогда не доводилось спать под мостами? А если б вдруг, ну, сделаем такое допущение, и довелось, она бы тотчас стала чистить сваи. Опыт составляет содержание искусства, не правда ли, но опыт — отнюдь не то, для чего Г-сподь создал женщину...» В общем, все точно такое же.

— Как и книга.

— Название другое, — тонко заметил он. — Книга типично женская, это уж все в один голос уверяют. Все прежние ведь назывались «Мужская сила». Да, кстати, а что с тем малым? Как-то его не видно.

Мой невнятный ответ потонул в детском крике.

В самом начале я упомянул, что только на прошлой неделе посетил могилу Эдмунда Сада, но я не стал распространяться о курьезном случае, который там же и произошел.

Упомянул я и об известном чувстве солидарности, которое связывает пожилых людей в нашем современном обществе. Мы знаем, что уходим вместе, и еще мы знаем, что наша память является национальным достоянием, ибо она — живое хранилище обычаев, давно ушедших, как похороны или внутриутробное развитие эмбриона.

У могилы Эдмунда Сада стояло странное лицо — старуха-оборванка, так я решил сначала. Потом уже я разглядел, что это очень глубокий старик. Зубы не трансплантированы, и, кажется, очень плохое зрение. Меня изумило, что он со мной не поздоровался, — будучи, по всей видимости, как и я, столетним, — но я это приписал его слабым глазам, почти совсем прикрытым веками.

— Народу здесь теперь что-то маловато, — заметил я. — Всё стороной обходят старые Сохранившиеся кладбища. Чересчур впечатлительная нынче молодежь пошла, я так считаю. Чураются отходов. Им бы только все утилизировать. У нас-то нервы покрепче были, а?

Он не ответил. Я заподозрил, что нарочно.

— Вот, например, — сказал я самым своим сердечным тоном, стараясь его разговорить, — вот, скажем, эта штука, — я от души стукнул по небольшому камню, рискуя тем самым, что меня арестует служба Музея под открытым небом. Очевидно, никто ничего не заметил. Я снова стукнул по этому самому камню кулаком. — А я ведь на самом деле знал его. В свое время он был знаменитость. О, какая слава. Этот китаец молодой, который только что вернулся после облета Млечного Пути, — ну вот, какой шум вокруг этого китайца подняли, такой же точно шум поднимали вокруг этого парня. Правда, тогда был шум литературный.

Он не ответил; только плюнул на то место камня, которое я стукнул, — как будто его отмыть хотел.

— Вы тоже его знали? — спросил я.

Он показал мне спину — жутко трясущуюся спину — и засеменял прочь. Хоть и скукоженный, он сохранил приличный рост, но был в каких-то поразительных лохмотьях. Одежка на нем висела, болталась, стреноживала ему шаг; однако что-то неясно посверкивало на лодыжке. Я чуть ли не подумал, что это старинное женское белье, которое носили семьдесят лет тому назад. И он был в старинных женских туфлях на высоких тонких каблуках — как колышки такие. Я припустил за ним — хожу я довольно бодро, учитывая мой возраст, — и как следует оглядел его лицо. Кошмарная картина. При нем был красный стек — по-видимому, оголенный дамский зонтик (теперь уже таких приспособлений никто не знает), — и он на меня им замахнулся.

— Послушайте, — сказал я с чувством, — да что с вами такое? Слово доброе жалко произнести? Вот я сейчас кликну службу Музея, и вы со своим этим зонтиком еще у меня посмо□трите...

— Я и сам смотрю, — сказал он. Голос как-то булькнул, что-ли, лопнул и осел, как кипятик, — какой-то иностранный голос. — Я все время на него смотрю. Это мой памятник, и, можете не сомневаться, я за ним смотрю. И мне не надо, чтоб другие-разные смотрели. Видите, что тут написано? «Я мужчина». А вы идите себе сами знаете куда.

— На что хочу, на то смотрю. У вас не больше моего на это права, — сказал я.

— Быть мужчиной? А это уж я вам покажу, — и он снова злобно поднял зонтик. — У меня Сад фамилия, точно такая же, как и на памятнике. Камень мой. Теперь-то их не ставят. Ты лично обойдешься.

Да, надо сказать, зрелище: случаи безумия не встречались в нашем обществе уже на протяжении двух поколений. Все формы этой болезни давно изжиты, а если вдруг что-то и возникает вследствие генетического сдвига, тут же это дело ликвидируется с помощью электропроцедур. Я не встречал сумасшедшего с тех пор, как мне было шестьдесят.

— Кто вы такой, вы говорите? — спросил я.

— Сад, урожденный Садер, Эдмунд, урожденный Илья.

Это меня насторожило: столь уточненных сведений на камне не было.

— Эдмунд Сад умер, — сказал я. — Вы, наверно, историк литературы, если располагаете такими сведениями. А я знал его лично. Теперь о нем никто не помнит, а в мое время знаменитый был человек. Поэт.

— Вы мне будете рассказывать, — сказал сумасшедший.

— Он спрыгнул с моста, мертвецки пьяный.

— Это вы так думаете. Ну хорошо, а тогда — где тело? Я вас спрашиваю.

— Под этим камнем. Теперь уже груда костей.

— А по-моему, в реке. Его что, кто-то вытащил из реки, да? Память у тебя подкачала, парень, а с виду ты примерно мой ровесник. У меня-то память о-го-го: умею отлично помнить, умею отлично забывать. Это мой камень, парень. А я вот выжил, могу на него полюбоваться. Этот камень — все, что осталось от Эдмунда Сада, — он на меня смотрел, морщась, как от боли. — Он умер, знаете ли.

— Значит, вы не можете им быть, — объяснил я безумцу; настоящие безумцы всегда нелогичны, сами себе противоречат.

— И еще как могу! Я не мертвый поэт, уж это вы мне можете поверить. Я то, что от него осталось. Его потом женщина сменила, знаете. Сумасшедшая старуха. Вы мне будете рассказывать.

Поднял свой яркий стек, огрел меня по плечу. И пошел, трясясь и спотыкаясь в своих странных туфлях, между другими памятниками Сохранившегося кладбища.

Так меня и не узнал. Будь это действительно Илья, он бы конечно узнал меня в лицо. Вот почему я уверен, что на самом деле встретил самого настоящего сумасшедшего впервые более чем за сорок лет. Служба Музея по моему запросу неутомимо обыскивала территорию кладбища, но вплоть до этого

самого момента, когда пишу, там ничего не обнаружено, кроме отпечатков его острых каблуков. И между прочим, в моих словах они ничуть не усомнились, несмотря на мой трудный возраст. Маразм в современном обществе давно изжит.

Ἰδοὺ τὰ παλαιὰ ἔργα Ἀεὶ καὶ Νόεω

- [1]. **Фаллический символ Шивы (в Индии).**
- [2]. **Эдна Сент-Винсент Миллей (1852–1950) — американская поэтесса, тонкий лирик, очень популярная в свое время.**
- [3]. **По преданию пророк Мухаммед, будучи неграмотен, получил священную книгу Коран в виде откровения, через Ангела. Джозеф Смит (1805–1844) — основатель так называемой «Церкви Иисуса Христа и Святых последнего дня» американских мормонов; золотые листы, содержащие откровения, ему, по преданию, указал ангел. Вопрос о том, был ли он святым, не решен до сих пор.**
- [4]. **Знатное итальянское семейство, в XV веке ставшее олицетворением злодейства и греха.**
- [5]. **Теодор Рузвельт (1858–1919) — 26-й президент США (1901–1909 годы), в свое время участвовал в Испано-американской войне. 1 июля 1898 года одержал победу над противником с помощью лихих кавалеристов-добровольцев и впоследствии сам описал эту битву в автобиографической книге.**
- [6]. **От лат. muliebris — женский, женственный, слабый.**
- [7]. **Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель; один из тех современников Шекспира, которым позднейшие шекспироведы приписывали авторство его текстов.**
- [8]. **Заезженная цитата из Евангелия от Матфея, гл. 19, ст. 30.**

КРЕСЛО ПРОРОКА

Ветá Оáòáä

Илья всегда опаздывал. Автобусы, начала занятий, свидания с девушками, а затем поезда, самолеты и даже корабли жили отдельной жизнью, ритм которой не совпадал с ритмом Ильи. Сколько огорчений, испорченных вечеров и просто вычеркнутых дней принесла Илье эта злосчастная особенность — словом не передать. Возможно, именно поэтому он смог стать только парикмахером.

Только парикмахером? Ничего себе «только». Попробуйте постричься у неумехи или растяпы с двумя левыми руками, чтобы потом неделю-полторы, пока не отрастут волосы, ловить косые взгляды окружающих и сочувственные улыбки девушек в автобусе. Пожимать плечами на вопросы знакомых: «И где тебя так обкорнали?» Недоумевающе рассматривать странную физиономию в зеркале, спрашивая: неужели это я?

Илья не был плохим парикмахером. Но и хорошим тоже. Хозяин салона, где он проработал больше десяти лет, отправлял к нему только солдат, которых Илья зачищал под нулевку, или стариков, десять волосков которых нуждались в чисто символической стрижке. Даже не стрижке, а дани ностальгическим воспоминаниям о пышной шевелюре давно прошедшей юности, выражающейся в осторожных прикосновениях расчески и ножниц.

Прямо в салоне Илья познакомился с педикюршей Тamarой, сначала согласившейся лечь с ним в постель, а затем увлекшей его под хупу. Соединившее их чувство не относилось ни к большой, ни к маленькой любви. Так, взаимная приязнь, подогреваемая сексуальным интересом. Но если окинуть мысленным взором окружающее нас человечество, выяснится, что большую часть семейных пар соединили те же самые причины.

Родился мальчик, за ним девочка. Огромное счастье. Нет, честно, без насмешек. Дети приносили Илье самую большую радость в жизни. Особенно девочка. Когда он открывал дверь, возвращаясь с работы, она бежала со всех ног с другого конца их маленькой квартирки, прыгала с размаху ему на шею и шептала, сладко обхватив ручонками: «Папа, папочка, папулечка».

От этого шепота у Ильи обрывалось сердце, в носу начинало остро пощипывать, а глаза наполняли горячие слезы умиления. И все забывалось: размолвки с Тamarой, маленькая зарплата, нищенское существование. Действительность уплывала назад и вбок: он был самым главным на свете человеком, на которого смотрели снизу вверх, искали приязни, боялись и уважали, но главное — любили. Любили так безоглядно и бескорыстно, как могут любить только маленькие дети.

Его брак с Тamarой, в общем, получился удачным. Жили спокойно, что называется, по средствам и достаточно дружно, если не считать неизбежных споров, диктуемых бедностью. На сторону не бегали, ни он, ни она. Да и как тут побежишь, когда постоянно под присмотром: на работе вместе, после работы вместе, во время отдыха тоже вместе. Со стороны — идиллия, а изнутри — рабство по договоренности. Он ей должен, а она ему. Раздельно, конечно, проще было бы жить, но раз уж так сложилось, пусть остается. Как у всех, значит — правильно.

В один из дней Илью пробрал зуд другой жизни. Достал человека штиль размеренного существования, захотелось выйти в бурное море. Вдохнуть полной грудью ветер, облизать соленые от брызг губы. А началось все с самой безобидной экскурсии.

Хозяин салона решил устроить работникам коллективный отдых. В одно прекрасное летнее утро три парикмахера с женами плюс две педикюрши и одна уборщица уселись вместе с хозяином и его супругой в микроавтобус и покатали на север. За десять лет — в первый раз.

Завтракали в сельском ресторанчике посреди полей. Почти пасторальная простота — грубые скатерти на деревянных столах, жужжание пчел, вьющихся вокруг цветов за окнами, пышные букеты в керамических вазах у стен. Незамысловатое, но обильное меню: творог в деревянных мисках, маслины, обильно политые маслом, салат из свежих помидоров, огурцов, сладких перцев и базилика, коричневые булочки с хрустящей корочкой. Все свежее, только что приготовленное и потому имеющее неповторимый

вкус натуральности, напрочь убиваемый автоматическими линиями молочных комбинатов и холодильниками супермаркетов.

Через час после завтрака микроавтобус остановился на границе с Ливаном, там, где дорога, выходящая по склону горы у моря, упирается в железный забор между двумя полосатыми будками. Ливан был совершенно ни при чем, просто именно здесь начинался спуск к пещерам, выбитым волнами в крутом склоне. Экскурсовод что-то рассказывал, но Илья не слушал. Он прожил в Израиле больше пятнадцати лет, а в Галилее оказался впервые. Его поразило сочетание цветов: ослепительно белые скалы с черными бугорками более плотной породы камня и лимонная вода, лениво облизывающая коричневые утесы, обросшие зеленым мхом водорослей.

Спустились в пещеры, осторожно ступая по скользким от сырости ступеням. Внутри царил полумрак, было прохладно и влажно. Вода мягко и мощно вливалась в небольшие лагуны через узкое устье, промытое за сотни, а может, и тысячи лет. Солнечные лучи, проходя сквозь проломы в своде, пробивали насквозь изумрудную воду, высвечивая камни на дне и серебристых юрких рыбок.

Группа пошла дальше по туннелю, под непрерывный шелест экскурсовода, а Илья остался у края лагуны, облокотился на позеленевший поручень и перевел взгляд на белую полоску пены. Он вдруг ощутил странное смятение: сердце застучало быстрее, дышать стало трудно, по спине колкими мурашками прокатился озноб.

«Какая мягкая вода, — подумал Илья, — и какой крепкий, твердый камень. Но что она делает с ним, как свободно и причудливо меняет его форму. А я, что я делаю со своей жизнью? Пусть я мягкий, безвольный человек, но неужели моя воля мягче воды?»

Эти мысли потянули за собой другие, разворачивая блестящие перспективы смысла и сияющие вершины иного понимания. Откуда они проникли к нему в голову, как залетели, незваные, в его парикмахерские мозги? Он никогда не задумывался о подобных вещах, попросту не замечая ни религию, ни философию, ни цветастые разглагольствования модных гуру.

Плескалась вода, припадая к скалам, едва слышно посвистывал прохладный ветерок, крепко пахло йодом, солью, рыбой. И каждое тугое движение волны находило отзвук в душе Илья. Мир вошел в его сердце, и сердце стало миром.

«Что это, — с тревогой думал он, — что со мной? Может, так приходит инфаркт?»

Он положил руку на грудь и озабоченно прислушался. Сердце билось хоть учащенно, но ровно, без малейших признаков боли. И ему вдруг стало жаль себя, жаль уходящую по пустякам жизнь, проскальзывающую между бытовыми невзгодами, точно вода сквозь расщелины.

Илья оттолкнулся от поручня и поспешил вслед за группой.

«Совсем нервы расшалились, — думал он, старательно ставя ноги в борозды посреди коридора. — Надо взять себя в руки».

— Ты где там застрял? — спросила Тамара, когда Илья, догнав группу, хозяйским движением подхватил жену под локоть.

— Загляделся на лагуну, — громко, во всеулышание объявил он. Потом, наклонившись к розовому ушку жены и почти прикоснувшись губами к золотой, торчащей чуть набок сережке с маленькой настоящей жемчужиной, прошептал: — Пописал, пока никого не было.

— Прямо в море? — восхитилась Тамара.

— Прямо в море.

— На экзотику потянуло, а? — Она с горделивым удивлением посмотрела на мужа. Но вдруг нахмурилась: — Смотри мне, любитель необычного. Сегодня одной экзотики захотелось, а завтра на другую потянет.

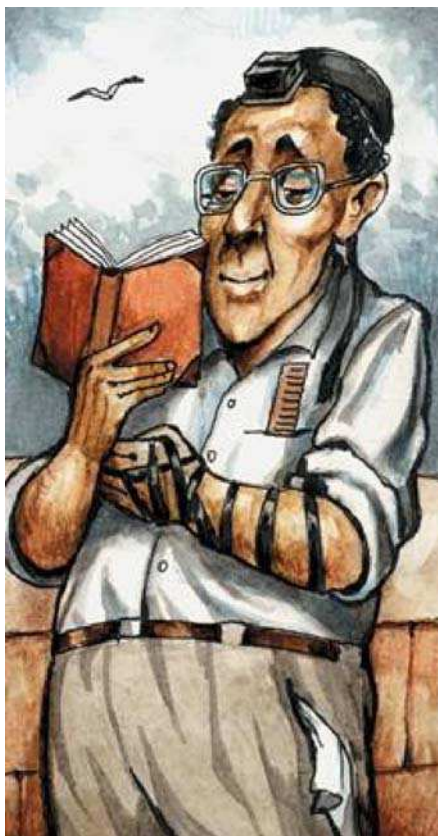
— Что ты имеешь в виду? — словно не понимая, переспросил Илья.

— Ты прекрасно знаешь, на что я намекаю, — решительно высвобождаясь, произнесла Тамара.

Из пещер микроавтобус отвез их в Акко, и они долго кружили по узким, грязновато-серым улочкам бывшего города тамплиеров и венецианцев. Экскурсовод водил группу по рыцарским залам с высокими дугами сохранившихся арок, показывал тысячелетней давности каменные узоры на сводах, затащил в узкий туннель, ведущий из цитадели в гавань. Тамара плохо себя чувствовала под низким, зеленым от сырости потолком туннеля. Идти приходилось нагнувшись, и спустя несколько метров она крепко схватила мужа за ладонь и, чуть слышно ойкая, еле доплелась до выхода.

Солнечный свет показался особенно ярким после полумрака подземелья. Горячий влажный воздух прилепил одежду к спине и коленям. Договорившись о времени встречи у микроавтобуса, группа разбрелась кто куда. Женщины отправились на арабский базар, рыться в горах разноцветного тряпья, надеясь отыскать что-нибудь дешевое, но достойное, а мужчины уселись под зонтиком кафе прямо на стене, обрамляющей древнюю гавань.

Разговор зашел дурацкий — о политике и футболе, поэтому Илья почти не прислушивался, машинально кивая в ответ на любой вопрос. Его быстро оставили в покое, и он, потягивая ледяной «Карлсберг» из запотевшей бутылки, возвращался и возвращался к тому моменту в пещере, когда из зеленой лагуны в его голову поднялись странные мысли.

Арабские мальчишки, поджав ноги и неистово вереща, прыгали со стены прямо в блики и сполохи гавани. Лениво покачивались рыбацкие баркасы, пришвартованные вдоль длинных плавучих причалов. Прогулочные катера, облепленные туристами, то и дело выходили в открытое море, распуская пышные усы пены. Сделав большой круг вдоль берегов Акко, они возвращались в гавань, немилосердно гремя веселой музыкой.

«Сколько мне еще осталось, — думал Илья, — двадцать лет, тридцать или несколько месяцев, как соседу, Генриху из четвертой квартиры?» Тамара в шутку называла его Генрихом Четвертым. Здоровущий лось, с торсом квадратиками и шарами мышц под тонкой тканью неизменной белой футболки. Три месяца назад, во время стрижки, Генрих пожаловался Илье на никак не проходящую хрипоту.

— Пей молоко с медом перед сном, — посоветовал Илья, чуть усилив голос, чтобы перекрыть жужжание стригущей машинки. — А если не поможет, сходи к врачу за антибиотиком. Может, вирус какой прицепился.

Простодушный Генрих Четвертый оправился к врачу, и тот обнаружил у него рак в последней стадии. Голосовые связки бедного атлета уже наполовину сгнили, а он все еще не чувствовал ни боли, ни других симптомов охватившего его недуга.

Через два дня Генрих лежал на больничной койке, а спустя три месяца Илья и Тамара шли в похоронной процессии, разглядывая недоумевающие лица родственников покойного «монарха».

«Сколько мне осталось, — напряженно пытался сообразить Илья, разглядывая обросшие длинными водорослями прибрежные скалы. — И что ждет там, по другую сторону страдания?»

Солнце опустилось, почти касаясь линии горизонта, и розовые тени заскользили по синей вечерющей воде. Хозяин салона пригласил всех на ужин в рыбный ресторан и за шумным застольем грустные мысли оставили Илью. Оставили, чтобы спустя несколько дней вернуться с новой силой.

Дорожка была проторена, и вещи, о которых он раньше даже не задумывался, стали потихоньку перемещаться в центр его размышлений.

Есть, есть нечто вне ежедневного бега жизни, более высокое, чем привычный круг забот и радостей, нерациональное и потому труднодостижимое. Но где его отыскать, как прикоснуться, чем ощутить?

Илья начал заходить в магазин русской книги, за два квартала от парикмахерского салона. Мистике и эзотерике там был отведен целый стеллаж. Какие только книги не сгрудились на его полках! Откровения мадам Блаватской, пособие по Агни-йоге, томики Раджанеша, учение Гурджиева, пояснения Успенского, баховская «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», собрание сочинений Кастанеды, «Особое озарение» Идриса Шаха, «Сознание Каландера» Кхфаджа Азими, «Книга судьбы» Конфуция, тибетская «Книга мертвых» и десятки, десятки других, в цветных, привлекающих внимание обложках.

Поначалу Илья пришел в отчаяние, но быстро успокоился, стал потихоньку покупать книжку за книжкой и читать в обеденный перерыв и после работы. Все авторы говорили примерно об одном и том же, только разными словами. От некоторых он впадал в отчаяние и обменивал в магазине, благо изданий хватало. У Кастанеды, например, Илья сумел осилить только треть первой книжки, а потом махнул рукой и обменял на «Третий глаз» Лапсанга Рампы.

Тамара неодобрительно хмурилась при виде каждой новинки, Илья с тревогой ждал решительного объяснения, но дальше поджатых губ дело не пошло.

«Ей просто не нравится мистика, — решил Илья. — Тамара человек практичный, приземленный, эзотерика ей не по нутру».

Однако вскоре выяснилось, что все обстоит куда проще.

— Ну какая польза от этих книг? — воскликнула Тамара, вертя в руках принесенный Ильей «Самоучитель телепатии». — Только деньги зря переводишь. Уж если тратиться на восточные штучки, взял бы что-нибудь полезное для дома, хотя бы ту же «Камасутру».

— Откуда ты знаешь про эту книгу? — с удивлением спросил Илья.

— Откуда, откуда, — передразнила его Тамара. — Думаешь, ты один такой умный? А Интернет у нас на что?

Упоминание Интернета удивило Илью еще больше, чем «Камасутра». На компьютере Тамара только раскладывала пасьянс, покуривая одну за другой тонкие черные сигареты «Мого». Она могла просидеть перед экраном целый вечер, попивая кофе и уминая плитку шоколада.

— Хочешь «Камасутру», будет тебе «Камасутра», — пообещал Илья и на следующий день принес толстый томик с цветными иллюстрациями. Тамара с жадностью принялась листать книгу, многозначительно поглядывая на мужа и загадочно улыбаясь. Впрочем, загадочность быстро закончилась.

— Где мои семнадцать лет? — сокрушенно жаловалась Тамара, собираясь следующим утром на работу. — Все тело ноет от этой восточной мистики.

«Камасутра» заняла укромное место в заднем ряду верхней книжной полки — чтоб дети не добрались, — а Тамара попросту прекратила обращать внимание на увлечение мужа. В конце концов, чтение этих книг ничего не меняло в их жизни.

Эзотерические техники и телепатические практики не задерживались в голове Ильи. Он читал Рериха, как читают детектив, а Блаватскую — будто фантастический роман. Ему даже на ум не приходило внести в устоявшийся распорядок дня какое-нибудь упражнение из тех, что описывали гуру и духовные наставники. Уж больно далеки были они от хода его жизни; странной выглядела предлагаемая ими пища и совсем чужеродными рекомендуемые правила поведения. В памяти Ильи задерживались только эпизоды, поражающие воображение.

Наиболее сильное впечатление произвели на Илью истории о врачевании в мусульманских племенах Аравии. Главным лекарством тамошних врачей был раскаленный докрасна железный пруток. Им лечили любые болезни. Прижигали пятки от приступов подагры, уши — от головных болей, спину — от

почечной колики, внутреннюю поверхность ног — от недержания мочи. Прижигали язык, глаза, половые органы. Такой способ лечения восходил к самому пророку Мухаммеду и поэтому считался освященным.

«Как-то раз пророк сидел в кресле, глубоко задумавшись о тайнах мироздания, — рассказывал Джабир в своей книге. — Внезапно он встрепенулся и спросил:

— Кто у входа в шатер?

— Ваши ученики.

— Немедленно отправьте врача к Убайе ибн Кааба. Он перерезал сосуд и может умереть от потери крови. Пусть врач прижжет его хорошенько».

В другой книге Ибн-Аббас передал слова пророка:

«Исцеление — в трех вещах: глотке меда, кровопускании и прижигании огнем».

Усама ибн Шарик рассказывал:

«Я был около пророка, когда к нему пришли несколько бедуинов и спросили:

— О посланник Аллаха, использовать ли нам прижигание для лечения болезней?

— Да, рабы Аллаха, прижигайтесь, потому что Аллах, всемогущ Он и велик, для каждого недуга предусмотрел исцеление, кроме одного.

— И что же это за недуг? — спросили бедуины.

— Старость, — ответил пророк».

Илья на разные лады прокручивал в своем воображении картины лечения, наполненные удушающей вонью паленого мяса. Чем больше он думал о них, тем острее ощущал дистанцию между чувством причастности к иррациональному, посетившему его в пещере, и безжалостному закону, навязывающему своим адептам врачевание каленым железом.

«Наверное, это оттого, что я не мусульманин, — решил в конце концов Илья. — Но кто же я тогда такой?»

Ответ не заставил себя ждать. Он гремел из динамиков проезжающих машин с большими портретами Любавичского Ребе по бокам, смотрел со стен призывами религиозных лозунгов, хватал за плечо руками молодых парней с выпущенными вверх брюк связками белых веревочек.

На тротуаре перед окнами парикмахерской бравые хабадские ребята каждое утро раскладывали столик и, ловко выуживая из текущей мимо толпы людей с растерянным взглядом, накручивали им на левую руку и голову черные ремешки с небольшими коробочками. Раньше Илья всегда уклонялся от назойливых предложений ребят, но, почитав про прижигания, стал соглашаться.

Часам к десяти, обработав пару-тройку голов, он выходил из салона, надевал тфилин — так назывались черные коробочки — и читал вслух малопонятный текст на иврите из молитвенника.

Что-то такое эти коробочки делали с его душой, но что именно — он не мог сообразить. Один раз они сняли начинающуюся головную боль — это Илья запомнил, — но в целом после них на сердце становилось легко, будто бы он с самого утра выполнил какую-то сложную работу и теперь до вечера может отдыхать.

Бравые ребята, отметив его постоянство, стали приглашать в синагогу, заманивать на вечера-лекции с бесплатным угощением, а один раз даже позвали всей семьей на субботний семинар в кибуце. Илья

решил, что ничего страшного из такой поездки не выйдет, взял приглашение, отпечатанное на твердой бумаге с острыми краями, и принес домой.

— Что? — ужаснулась Тамара. — На семинар? Чтобы попы весь выходной вешали тебе на уши лапшу, а мне бинтовали голову косынкой?!

— Они не попы, — попробовал объяснить Илья. — Попы — это другая конфессия.

— Попы везде попы, — не успокаивалась Тамара. — Хоть с крестом на груди, хоть с полумесяцем, хоть с магендавидом. Выкинь из головы эти мысли. А в субботу мы поедем на пляж.

Так и получилось. Но, сидя в шезлонге под зеленым тентом и потягивая ледяное пиво, Илья почему-то не ощутил ни бывшего удовольствия, ни прежней безмятежности.

Он решил не объясняться с ребятами, просто буркнул, что, мол, не вышло, его деликатно не стали расспрашивать, и все покатило по привычной колее.

Знакомая, обсаженная бугенвиллеями дорожка от дома к парикмахерской, прохладное жужжание кондиционера в салоне, пощелкивание остро заточенных ножниц, новости каждые полчаса по радио, обед — неизменная пита с колбасой и хумусом, запиваемая крепким чаем. И снова волосы — черные, коричневые, желтые, седые — волосы, волосы, волосы...

Мелкие домашние заботы, мелкие радости, мелкие удовольствия. А по телевизору крепкие люди покоряли Северный полюс, завоевывали страны, целовали прекрасных блондинок, находили золото, спасались от индейцев, водружали флаг, становились миллионерами или разорялись в прах. Там, по другую сторону холодного экрана, шла большая, настоящая жизнь, не сравнимая с вялотекущим существованием Ильи и его малогабаритными проблемами.

В один из дней ребята с тфилин предупредили Илью:

— Завтра нас не будет. Уезжаем.

— Надолго? — с огорчением поинтересовался Илья.

— Всего на один день. Едем в Галилею, на могилу рабби Шимона.

— А кто такой рабби Шимон?

— О, большой праведник! Он написал «Зоар», главную книгу каббалы. Завтра годовщина его смерти, и говорят, тому, кто приезжает помолиться в этот день на могиле, с небес открывают особое милосердие.

— Забавно, — сказал Илья. — Очень даже забавно. А что такое особое милосердие?

— Ну, это когда просишь чего-нибудь, и просьбы сразу исполняются. Или даже без просьбы: Всевышний сам обращает внимание на твою жизнь и меняет ее к лучшему.

— Неужели Он без молитвы не хочет думать о наших жизнях? — удивился Илья. — Вы же говорили, будто Б-г любит каждого еврея и постоянно заботится о нем.

— Это верно, — нимало не смущаясь, ответили ребята, — но забота может быть разной. Не дать человеку с голоду умереть, разве не забота? А поехать на автомобиле в Тель-Авив и вернуться целым и невредимым на неразбитой машине тоже забота, и к тому же немалая.

— Да-да, конечно, — сник Илья. На собственном печальном опыте он хорошо знал цену поездок в Тель-Авив — бесконечный лабиринт улочек с односторонним движением, забытых грузовиками, управляемыми вспыльчивыми водителями.

— Хочешь с нами? — предложили хабадские ребята. — Автобус отходит в пять утра от фонтана. Мы тебе место придержим.

— Хочу! — воскликнул Илья. Ему было о чем просить и что менять. — Хочу.

Но характер снова оказался сильнее благоприятного стечения обстоятельств. Илья взял выходной на работе, убедил Тамару, заботливо уложил в сумку кем-то давным-давно подаренный талит, пару бутербродов, бутылку с минеральной водой и... опоздал. Когда он, потев от волнения и чертыхаясь, прибежал на площадь к вяло журчащему кранами сонному фонтану, автобуса и след простыл.

— Не сдамся, — сжал зубы Илья. — На сей раз не сдамся.

Он зашел в ближайшую синагогу, выяснил у старосты, что рабби Шимон, автор «Зоара», похоронен на склоне горы Мерон в Галилее, и поехал на центральную автобусную станцию Тель-Авива.

Автобусы в Цфат, проходящие через Мерон, отправлялись каждый час. Илья купил билет, нашел платформу и сел в автобус, предусмотрительно выбрав теневую сторону.

А дальше все пошло через пень-колоду. Не успел автобус выехать из Тель-Авива, как что-то сломалось в горячей глубине его черного нутра. Водитель остановил транспортное средство на обочине, открыл двери и заглушил мотор, отключив тем самым кондиционер.

— Скоро приедет подмена, — объяснил он, невозмутимо разворачивая газету.

Как выяснилось, «скоро» на языке водителей означает, по меньшей мере, час. Подмена появилась спустя шестьдесят пять минут, и пропотевшие пассажиры пересели в нее, чертыхаясь и кляня судьбу.

До Хайфы добрались без приключений, а дальше началась сплошная пробка. Как выяснилось, на могилу праведника ехало полстраны. Караваны автобусов из Бней-Брака, Иерусалима, Реховота, Тель-Авива, Петах-Тиквы, набитые боролатыми мужчинами в черных одеждах и женщинами в уродливых тюрбанах, дрожа и плюясь вонючим дымом, медленно тащились в сторону Мерона.

Илья смотрел и смотрел в окно, на медленно разворачивающийся пейзаж: арабские деревни, придорожные деревья, покрытые толстым слоем пыли. Его разбудил голос водителя:

— Выходи, приехали. Да-да, я тебя имею в виду. Оглянись, ты последний остался. Выходи, выходи.

Илья спустился на платформу и обнаружил себя в Цфате. Теперь нужно было возвращаться обратно в Мерон, который он благополучно проспал. Но сначала... сначала он решил немного прогуляться по городу, о котором столько слышал.

Автобус выехал из Цфата в Хайфу, когда багряное солнце уже начало клониться к вершинам галилейских гор. Выехал и через десять минут плотно застрял. Машины стояли на шоссе сплошной вереницей, изредка сдвигаясь на несколько метров.

— Что-нибудь случилось? — обратился Илья к водителю. — Авария, наверное?

— Да какая там авария, — раздраженно бросил водитель, барабанив пальцами по рулю. — Так всегда в этот день. После обеда начинается разъезд от могилы, и дорога закупоривается до вечера. Сколько раз просили отменить послеобеденные рейсы, все равно никто на них не садится!

Илья оглянулся. Да, салон автобуса действительно был почти пустым. Садясь, он еще подумал, как ему повезло: можно спокойно выбрать место в тени и сидеть не в тесноте, а удобно развалиться на два сиденья.

— До темноты мы успеем в Мерон? — с тревогой спросил он водителя.

— Никаких шансов. Пробка рассосется часам к девяти, не раньше.

— Так вы хотите сказать, — испуганно вскричал Илья, — что мне придется торчать в этом автобусе еще три часа?!

— Именно это я и хотел сказать, — подтвердил водитель.

Все срывалось: вместо молитвы на могиле и мистического единения с душой умершего праведника Илье предстояло ерзать на сиденье до самого вечера, а потом тащиться домой в Холон через половину страны.

— Сколько отсюда до могилы? — спросил он водителя.

— Километров пять, не больше.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Илья, с каждым произнесенным словом укрепляясь в правоте своего решения.

— Если ты к рабби Шимону, так иди, конечно, — поддержал его водитель. — Дорога вниз сбегает, дойдешь быстро.

Илья выбрался из автобуса и двинулся вдоль шоссе. Идти было неприятно, над раскаленным асфальтом висел туман выхлопных газов. Илья сошел на обочину, стараясь держаться как можно ближе к соснам, коричневой стеной стоящим вдоль склона горы.

Дорога петляла и петляла, и, хотя Илья шел довольно быстро, ему казалось, будто он продолжает оставаться на том же самом месте.

— Сколько до могилы рабби Шимона? — спросил он у человека раввинского вида, дремлющего в автомобиле возле зевающего во весь рот водителя.

— А? — поднял голову «раввин». — Что?

Илья повторил свой вопрос.

— До могилы? — задумчиво произнес «раввин». Спешить ему было некуда, и неожиданный разговор явно его развлекал. — Прямо так, пешком?

Илья кивнул.

— Если идти по дороге, за час можно добраться, — продолжил «раввин». — А если рискнуть по склону, — он махнул рукой в сторону обрыва, — десяти минут хватит.

— Десять минут вместо часа? — удивился Илья. — Такая разница?

— Эту дорогу оттоманские турки строили, — пояснил «раввин». — Еще при султанах. Подрядчику казна платила за каждый километр. Вот он и нагнал километраж.

Илья поблагодарил и уже собрался отойти, как «раввин» поманил его пальцем.

— А можно вообще никуда не ходить, — сказал он, когда Илья приблизил голову к окну машины. — Стань у обрыва так, чтоб могилу видеть, и молись. Это, конечно, не сто процентов, но, по меньшей мере, пятьдесят.

— Спасибо, спасибо, — Илья еще не успел завершить благодарность, как уже точно знал, что будет делать дальше. Ловко протиснувшись между подрагивающими бамперами автомобилей на другую сторону дороги, он оказался перед обрывом.

От раскрывшегося простора захватывало дух. Коричневые горы Галилеи, бирюзовая полоска моря, зеленые пятна леса, красные черепичные крыши домов в деревнях и покой, теплый покой, наполняющий воздух. Удивительная вечерняя картина Святой земли, от которой трудно отвести глаза, а еще труднее поверить, что прямо за твоей спиной скомканы в мокрую тряпку нервы сотен водителей.

Прямо внизу, за черной полоской дороги Илья заметил группу серых строений. Крайнее из них венчал голубой купол. Все пространство вокруг строений было покрыто муравьиными группками людей. Вереница автобусов и автомобилей катила по узкой дорожке, ведущей от строений к главному шоссе, и бесцеремонно вливалась в него, создавая злосчастную пробку.

Присмотревшись к обрыву под ногами, Илья понял, что склон, в общем-то, совсем не так уж крут, как это ему показалось с первого взгляда. К тому же он густо порос кустами и деревьями, то есть спуститься, хватаясь за ветки кустов и передыхая, привалившись к стволам, он мог без всякой опасности. «Раввин» не зря предложил ему этот вариант. Илья приглядел, куда поставить ногу для первого шага, бросил еще один взгляд на разлитый вокруг покой и начал спуск.

Он оказался довольно трудным. Останавливаться не получалось. Ноги сами несли Илью от куста к кусту, мимо деревьев, огибая бело-желтые, дырчатые валуны, то тут то там торчащие из земли, словно одинокие зубы во рту столетней старухи. Перед самым концом он все-таки овладел собственными ногами и, с разбегу налетев на кривой ствол сосны, остановился, переводя дыхание.

Склон завершался тропинкой, сразу за которой располагалась небольшая деревушка домиков на двадцать-тридцать. На выезде из деревушки виднелось приземистое здание бензоколонки, а в полукилометре за ней в шоссе вливалась вереница автобусов и машин, покидавших могилу рабби Шимона.

«Можно сказать, добрался», — подумал Илья, оттолкнулся от ствола и пустился в последний переход. Увы, когда до тропинки оставалось каких-нибудь пять метров, его правая нога заскользила по предательски гладкой траве, Илья ухватился за ветку кустарника и, вскрикнув от боли, тут же раскрыл ладонь. Шипы, пронзившие кожу, оставили красные бисеринки крови. Но рассмотреть их Илья не сумел: потеряв равновесие, он повалился на землю и, кубарем прокатившись оставшиеся метры склона, вывалился на тропинку, подняв облако пыли.

Уф! С потерями, зато живой. И вроде невредимый. Он поднялся с земли и попробовал сделать несколько шагов по тропинке. Правое колено болело — видимо, он зашиб его о корень или о скрытый

травой камень. Хромая, он сделал еще несколько шагов и понял, что его путешествие закончилось — добраться до могилы он уже не сумеет. Надо ждать, пока стихнет боль. А пока она стихнет, солнце окончательно закатится за вершины Галилейских гор и день исполнения желаний закончится.

Значит, нужно молиться прямо отсюда. Как советовал «раввин». Для лучшего эффекта Илья достал из сумки талит, развернул и неуклюже приладил его на плечи. Потом, вспомнив габая в синагоге, которого он этим утром расспрашивал про могилу рабби Шимона, прикрыл краем талита голову, устремил взгляд на голубой купол и принялся молиться.

Молилось плохо. Мешала саднящая боль в коленке. Илья попробовал сосредоточиться, войти в образ. Он стал раскачиваться всем телом, поднимать и опускать руки, дергать головой. Странно, но эти, казалось бы, внешние, «показушные» движения что-то сделали с его душой. В груди стало горячо, потеплело и на сердце, защипало глаза.

Илья вспомнил свою серую, нудную жизнь, монотонные дни, незаметно уплывающие под острое щелканье ножниц, раздраженное лицо Тамары. В последние годы она сердилась по любому поводу, а часто и без него. Вспомнил и приевшиеся ласки жены, скупые, словно кусок, брошенный приبلудной дворняге, и сразу стало жалко себя, своей жизни, тающей, точно мороженое на солнце, и вот уже потекли из глаз слезы и слова сами собой начали срываться с едва шевелящихся губ.

Илья был уверен, что за ним никто не наблюдает. Но он ошибался; в окне крайнего дома застыло изумленное лицо женщины. Зрелище и в самом деле было необычным: освещенный розовым светом заходящего солнца, на склоне горы стоял человек в белоснежном талите и страстно молился, воздевая руки к небу. Его тело содрогалось от неслышимых рыданий, голова дрожала и дергалась.

Человек, несомненно, был очень религиозным. Но талит... Почему на нем талит? Ведь его надевают только во время утренней молитвы. Этому женщина никак не могла понять, пока вдруг ей не пришла в голову мысль, поначалу ее поразившая, но с каждой секундой становившаяся все более походящей на реальность. Спустя несколько минут женщина полностью укоренилась в своем предположении, накинула на голову платок и поспешила из дому.

— Господин мой, — тихий голос вывел Илью из экстаза. Впрочем, не будем обманывать ни себя, ни читателя: слезы давно высохли, все слова уже были произнесены, а раскачивался он в попытке успокоить, вернее, обмануть ноющее колено.

Он стянул с головы талит и увидел перед собой женщину, склонившуюся в позе почтительного смирения.

— Не будет ли так любезен господин мой Элияу, — продолжила женщина, — посетить наше скромное жилище и отдохнуть перед дорогой.

«Наверное, сумасшедшая, — подумал Илья. — Таким языком изъяснялись только во времена пророков. А может, они в Галилее всегда так разговаривают? Но откуда ей известно мое имя? Разве оно написано у меня на лбу? Илья — на иврите Элияу. Нет, что-то тут не так!»

Он переступил с ноги на ногу и снова ощутил боль в колене. Хотелось пить, жаркий день, проведенный в автобусах, давал о себе знать.

— Прошу вас, господин мой, окажите милость. Немного холодной воды, удобное кресло. Прошу вас...

«В конце концов, почему нет? — подумал Илья. — Напьюсь воды, отдохну, попрошу подбросить до автобусной остановки. Автомобиль у нее наверняка есть, без машины в этой деревушке не прожить».

— Хорошо.

Он хотел попросить женщину помочь ему спуститься, но, шестым чувством ощутив немислимость такой просьбы, вместо этого произнес:

— Есть ли в твоём доме палка, на которую я бы смог опереться?

— Есть, конечно, есть, — всплеснула руками женщина. — Сейчас принесу.

Она проворно сбежала вниз по тропинке, скрылась в доме и спустя несколько минут вернулась, держа в руках черную деревянную палку с изогнутой ручкой. Палка была большая и увесистая. Женщина не подала ее, а положила у ног Ильи и, отступив на несколько шагов, снова приняла позу почтительного смирения.

«Точно сумасшедшая, — подумал Илья. — И как таким выдают водительские права? А потом еще удивляются количеству жертв на дорогах!»

Он поднял палку и, тяжело опираясь на нее, медленно пошел вдоль тропинки. Колено болело меньше, чем он ожидал. Можно было вполне обойтись без палки, но коль скоро она оказалась в его руках, пришлось играть роль до конца.

Идти было недалеко, женщина почтительно распахнула перед Ильей двери дома, провела в салон и усадила в глубокое кресло с широкими подлокотниками, обитыми мягкой тканью. Илья удобно откинулся, вытянул ноги и почувствовал себя почти счастливым. День, в общем-то, получился удачным. Он сумел сломать казавшиеся непреодолимыми рамки повседневности, совершил поступок, пока, правда, непонятно к чему ведущий, но поступок. И хоть обстоятельства явно мешали, ему удалось пробиться через преграды и сделать то, что наметил.

Женщина, замершая у порога собственного дома, начала его развлекать. Илья присмотрелся: она явно из восточных евреев. В его районе было полно таких суеверных женщин, они всегда сидели в очереди к его жене, славившейся легкостью рук, и Тамара по вечерам частенько со смехом рассказывала ему очередное поверье, принесенное клиентками.

«Если хочешь заработок, нужно понюхать свечку, над которой произносят благословение после исхода субботы. Упаси Б-г мужа сразу не сложить субботний талит — такой неразумный поступок подвергает его жизнь опасности. Кто доедает кусок, от которого откусила кошка, — забывает половину того, что знал».

Илья только посмеивался. У него не было субботнего талита, он не зажигал никаких свечек, и ему даже в голову не могло прийти вырывать кусок изо рта у голодной кошки.

«Есть вера, а есть суеверия», — подумал Илья, внимательно разглядывая женщину. Она очень походила на клиентку его жены, отличаясь только кожей, опаленной безжалостным солнцем Галилеи.

«Крестьянка, лет под пятьдесят, недалекая и легковерная», — решил про себя Илья. Как все парикмахеры, он считал себя большим знатоком человеческой натуры и, сделав какое-либо заключение о характере человека, полностью ему доверялся.

— Могу ли я предложить господину Элияу стакан воды? — робко спросила женщина.

— Да, — милостиво кивнул Илья.

Спектакль ему нравился. Его явно принимали за кого-то другого. Однако почет, с которым ему еще ни разу не доводилось столкнуться в течение всей своей жизни, обрел милость в его глазах.

Женщина принесла нераспечатанную бутылку минеральной воды и одноразовый пластиковый стаканчик.

— Все новое, — она поставила принесенное на маленький столик перед креслом и снова отошла к двери.

Илья откупорил бутылку и жадно осушил два стакана подряд. Подняв глаза на женщину, он понял, что совершил какую-то оплошность.

— Господин пророк пьет без благословения? — робко спросила женщина.

«Черт ее дери, — внутренне расхохотался Илья. — Она приняла меня за пророка Элияу!»

Несколько недель назад он посмотрел по научному каналу ТВ целую передачу, посвященную пророкам и пророчеству, и поэтому считал себя вполне компетентным в данном вопросе человеком.

Ситуация, в которой он очутился, показалась ему и смешной, и удобной. Авантюрная жилка — вот уж чего он в себе не подозревал — дремала в нем, придавленная тяжестью быта и монотонностью существования.

— У посланников иные законы, дочь моя, — важно произнес Илья и в подтверждение своих слов налил и выпил третий стакан.

Теперь женщина уже не сомневалась, что перед ней сидит настоящий пророк Элияу. Ведь он сам признался, сам подтвердил свое посланничество. И она сразу перешла к делу.

— О господин пророк, — умоляюще произнесла она, протягивая к Илье руки. — Спасите моего мужа!

— А что с ним? — спросил Илья, покрываясь холодным потом. Сейчас от него потребуют доказательств, а он, ха-ха, что он может предъявить, кроме изрядной порции нахальства?

— Полгода назад он упал с трактора и повредил колено. Теперь правая нога не сгибается. Врачи назначили физиотерапию, но предупредили, что шансы на успех невелики. Помогите, прошу вас, господин пророк, без мужа хозяйство придет в упадок, а у нас столько долгов, столько долгов...

Женщина горестно вздохнула и устремила на Илью умоляющий взгляд.

«Так-так-так, — лихорадочно заметались его мысли. — Что придумать, что придумать? Можно, конечно, наложить руки и пообещать выздоровление через два дня. А можно...» — он даже выпрямился, пораженный проблеском мысли, яркой, словно выстрел.

— Есть у тебя тяжелый железный предмет с деревянной ручкой? — спросил он женщину.

— Есть! — ответила та после нескольких секунд размышления.

— Принеси.

Женщина бросилась из комнаты и быстро принесла большой молоток для отбивки мяса. На деревянную рукоятку была насажена устрашающего вида головка с выпуклыми квадратными зубьями.

— Отлично! — воскликнул Илья. — Зажги газ и раскали хорошенько головку молотка.

Женщина удивленно посмотрела на Илью.

— Раскали хорошенько, — повторил он решительным тоном. — И приведи сюда мужа.

Женщина поспешила выполнить приказание. Скоро из приоткрытой двери — видимо, ведущей на кухню — стал доноситься запах нагретого металла, а в комнату на инвалидной коляске въехал крепкий мужчина лет пятидесяти, в криво и явно наспех нахлобученной шляпе.

— Это мой муж, Габриель, — женщина встала позади кресла и опустила руки на его спинку.

— Сей-час, — медленно и строго произнес Илья. — Сей-час я приж-гу твое ко-ле-но. И все прой-дет.

Он вовсе не собирался прикасаться железом к ноге, а поднести раскаленную головку как можно ближе и тут же убрать молоток. Попугать немного больного, чтобы произвести эффект. А дальше... А дальше попросить подкинуть его к ближайшей остановке. Пророки не ездят на автобусах? А пусть думают что хотят.

Но вышло еще лучше. Когда Илья, сжимая в руке молоток, подошел к лежащему на диване Габриелю, тот закрыл глаза и отвернулся. Его руки, сжимавшие закатанную штанину, дрожали, а на восковом от бледности лбу проступили бисеринки пота.

— Излечись! — воскликнул Илья и стал приближать головку молотка к колену. Он увидел, как Габриель открыл глаза и, скосив их, с ужасом следил за раскаленным железом. До колена оставалось сантиметров десять, как Габриель вскрикнул и, пытаясь отодвинуть ногу, резко выпрямил ее.

— Получилось! — вскричала женщина. — Слава пророку, получилось!

Илья, не веря своим глазам, смотрел на прямую ногу Габриеля.

— Согни ее, — приказал он, отодвигая подальше молоток.

Габриель послушно согнул ногу в колене.

— А теперь разогни.

Морщась и явно преодолевая боль, Габриель выполнил и это приказание.

— Исцелен! — вскричала женщина. — Исцелен, исцелен, исцелен!

Несколько минут она на все лады славил пророка. Слова лились из ее рта нескончаемым потоком, остановить женщину, а тем более попросить подкинуть до ближайшей автобусной остановки казалось невозможным.

«Надо дать ей прийти в себя, — решил Илья. — Полчаса, час, и волнение уляжется. Я это у Тамары сто раз видел».

Он отвернулся от женщины, пересек комнату, положил молоток на каменный подоконник, уселся в кресло и опустил голову на грудь, всем своим видом выказывая озабоченность.

— Что случилось, господин мой? — женщина сразу поняла намек.

— Я очень устал, — ответил Илья. — Лечение отняло много душевных сил. Мне необходим отдых.

— Позвольте пригласить вас в комнату старшего сына, — ответила женщина. — Он сейчас за границей, так что комната пуста. Вы можете оставаться в ней сколько пожелаете.

«Вот еще не хватало», — подумал Илья.

Войдя в комнату, он первым делом отыскал дверь в туалет, заперся в нем и долго, с наслаждением освобождался от ненужного груза. Потом мылся, воспользовавшись стоящим на полочке шампунем. Вытершись большим мохнатым полотенцем из ванного шкафчика, он почувствовал себя совсем свежим.

Илья оделся, подошел к двери и прислушался. Снизу доносился возбужденный голос женщины.

«Еще не успокоилась. Подождем».

Он сел в кресло и решил ровно через полчаса спуститься вниз. Когда Илья открыл глаза, за окнами стояла глубокая ночь. Прохладный воздух наполнял комнату. В нем ощущалось сосновое дыхание близкого леса, каменный запах нагретых за день валунов, бархатные ароматы цветов в палисаднике. Бледно-лимонная луна тонко освещала высокое черное небо.

С улицы доносился неясный шум голосов. Илья подошел к окну и наклонил жалюзи. Теперь он мог, оставаясь незамеченным, рассматривать происходящее перед домом.

Вдоль ограды струилась длинная очередь. Женщины и старики, некоторые на инвалидных колясках, тихонько переговаривались между собой.

«Чего они ждут? — с недоумением подумал Илья. — Почему не спят в такой час?»

Впрочем, надо было решать свои проблемы. На автобус он опоздал, это понятно. Значит, нужно остаться здесь до утра и с первым же рейсом...

С улицы раздалась возмущенные возгласы.

— Я стояла тут еще до тебя, — настаивал женский голос. — Отошла на несколько минут взять рентгеновские снимки. А ты раз — и пристроился.

— Зачем ему снимки? — со смешком ответил мужской голос. — Он человека насквозь видит, лучше всякого томографа. Вот тебе место, становись передо мной. Только не шуми. Пророк отдыхает.

«Ю-у! Да это же ко мне очередь! — чуть не подпрыгнул Илья. — Стоят за излечением. Просто массовый психоз какой-то».

Он на цыпочках подошел к жалюзи и заглянул в щель. Очередь начиналась у входа в дом и уходила в темноту.

«Нужно уносить ноги, — подумал Илья. — Представление зашло слишком далеко».

Он тихонько отворил окно в противоположной стене комнаты, обращенное к склону горы. По стене спускалась водосточная труба, Илья ухватился за нее и через минуту очутился на земле.

Пригнувшись и озираясь по сторонам, он выбрался на тропинку, обошел деревню и направился к сияющей огнями реклам бензоколонке.

Вот, собственно, и вся история. С той ночи прошло много лет. Илья по-прежнему работает в том же салоне, точно так же накручивает по утрам тфилин, правда, уже свои, купленные на утаенные от Тамары деньги. По духовной дороге он не продвинулся ни на шаг, ночь в Галилее точно иссушила все его силы, весь азарт и всю авантюристку. Он просил об особом милосердии, и оно было ему даровано, но не так, как он предполагал. Жизнь Ильи ровна, точно зеркало в парикмахерской: дом, работа, продуктовые магазины, телевизор, семейная постель. Каждому человеку с небес отпускают по силам, и, видимо, на большее он попросту оказался неспособен. Впрочем, для большинства живущих такое тихое, не омраченное бедами существование и есть предел мечтаний.

Илья даже не подозревает, что комнату, в которой он проспал несколько часов, давно превратили в синагогу, а рассказ о чудесном исцелении пророком Элиау неизлечимого больного передают из уст в уста по всей Галилее.

Кресло, где сидел Илья, покрыли чехлом из вишневого бархата и теперь в него кладут младенцев во время обрезания. Садиться в кресло хозяйка дома никому не позволяет. Лишь иногда, за немалые деньги, пускает она страждущего, и тот, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в деревянные подлокотники, соединяется мыслью с духом святого пророка и возносит рвущую сердце молитву к самому престолу Всевышнего. И эта молитва никогда не остается без ответа.

АНТИАНТИСЕМИТ

Михаил Эдельштейн

Антисемитизм — явление с почтенной многовековой историей, его разгадке посвящены тысячи научных трудов разной глубины и толщины. Антиантисемитизм намного моложе и описан куда менее подробно. Между тем феномен этот по-своему весьма занятен: живет-живет человек на радость родным и близким, в быту уравновешен, с сослуживцами вежлив. И вдруг в один прекрасный день берется за перо (или — апдейт — садится за клавиатуру) и выводит/набивает: «Уважаемая редакция! С огорчением прочитал в последнем номере вашего журнала статью автора NN, допустившего антисемитские выпады. Обоснование на 17 листах прилагаю». Дальше начинаются рецидивы, антиантисемит обрастает специфической эрудицией, редакции стонут, но иногда из ложно понятой политкорректности дают антиантисемиту трибуну, антисемиты протестуют, антиантисемит отвечает на ответ. В общем, все при деле.

Бульон этот не слишком питателен, но относительно безвреден — ну, хочется людям общаться «путем взаимной переписки», с какой стати посторонним вмешиваться в их интим? Проблемы начинаются, когда дело доходит до материй более тонких и сложных, нежели обычная газетно-журнальная публицистика, — таких, к примеру, как гуманитарные науки или художественная литература. Как правило, ни антисемиты, ни профессиональные борцы с ними в подобных вещах особо не разбираются, но тем не

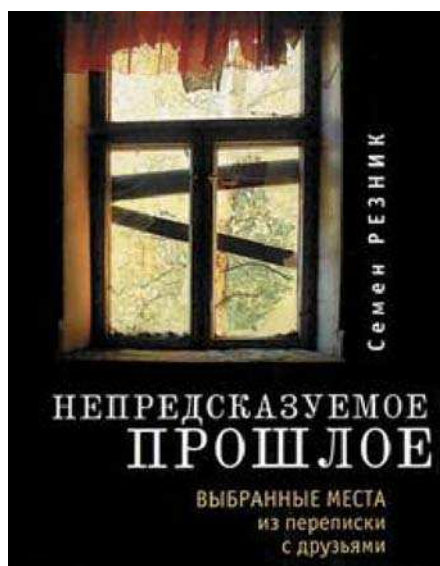
мене, едва завидев набранное типографским шрифтом слово «еврей», чувствуют непреодолимый позыв высказаться.

Едва ли не самым законченным — хотя, надо признать, довольно «продвинутым» — воплощением описанного типа является русско-американо-еврейский литератор Семен Резник, две книги которого вышли в прошлом году одна за другой в Питере и Москве^[1]. В советские времена Резник был известен как автор нескольких биографий знаменитых ученых в серии «Жизнь замечательных людей» (наибольшей популярностью по понятным причинам пользовалась его книга о Николае Вавилове). Однако постепенно он все больше концентрировался на еврейской теме, которая после эмиграции Резника в 1982 году стала практически единственной в его творчестве. Он написал два романа о преследованиях евреев в царской России, несколько исследований и множество статей.

Еще в брежневские годы Резник решил по мере возможностей бороться с представителями так называемой «русской партии». В ответ на наиболее одиозные публикации националистов он начал рассылать по редакциям опровержения, где разоблачал некомпетентность и прямую безграмотность профессиональных жидоборцов. Опровержения эти, естественно, не печатали, Резник продолжал настаивать, обращался в «вышестоящие инстанции»... Эта-то переписка, сопровождаемая комментариями автора, и составила основу «Непредсказуемого прошлого».

Читать все это, признаться, несколько скучновато, в чем, впрочем, вины самого Резника немного. Современные антисемиты разнообразием, увы, не страдают, да к тому же, как показывает Резник, беззастенчиво списывают друг у друга — соответственно и подробные разборы их сочинений довольно унылы. Потому большинство помещенных в книге материалов представляют сегодня интерес скорее исторический, для специалистов по позднесоветской интеллектуальной истории и тех относительно немногих людей (преимущественно старшего поколения, разумеется), кто еще способен переживать тогдашние идеологические баталии как нечто живое и актуальное.

Но и помимо скуки — при всем искреннем уважении к заслугам Резника на поприще борьбы с этой самой «русской партией» работы его оставляют впечатление не сказать чтобы отрадное. Проблема в том, что Резник, по сути, не исследователь, а разоблачитель — «а это вовсе не так интересно», как говорится в одной детской книжке. Выявить в статье антисемитскую составляющую и пригвоздить автора ему кажется важнее и интереснее, чем объективно проанализировать текст или проблему.

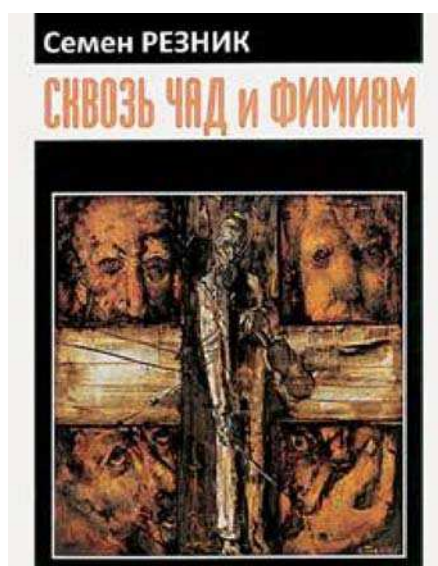

К тому же время от времени в сети антиантисемита попадают персонажи самые неожиданные. Например, автор книги «Эра Меркурия. Евреи в современном мире» профессор университета Беркли Юрий Слезкин. Или Валентин Катаев. Мотивировка? В повести «Уже написан Вертер...» несколько чекистов носят еврейские фамилии и говорят с «местечковым выговором». При этом Резник знаком и с противоположными мнениями. Так, киевский филолог, автор серьезного исследования «Протоколов сионских мудрецов» Вадим Скуратовский, которого в антисемитизме заподозрить сложновато, считает катаевскую повесть шедевром, а ее появление в советской печати — едва ли не главным цензурным парадоксом последних советских лет. Он же с недоумением отмечает, что сразу по выходе «Вертера» «стоустая литературная молва самой высокой либеральной пробы» обнаружила в нем антисемитизм. И что

же Резник — задумывается? начинает испытывать сомнения? Нет, конечно, он лишь иронизирует, как это «протоколовед» Скуратовский «не заметил “протокольного” стержня повести Катаева».

Мир Резника черно-бел. Много лет проработав редактором в «ЖЗЛ», он понимает, что одним из главных достоинств биографа является умение показать неоднозначность, сложность, если угодно — противоречивость портретируемого, но в своей публицистике этому правилу не следует. Если зачислен в антисемиты — то конченный человек, никаких достоинств или просто неотрицательных качеств у него нет и быть не может. Отчего бы, кажется, не упомянуть, говоря об Олеге Волкове, что тот был автором одной из лучших мемуарных книг о ГУЛАГе да и вообще о русском XX веке «Погружение во тьму»? Но Резник ни о чем таком не говорит, по-видимому, ценя в публицистике не сложность, а стройность.

Но хуже всего обстоит дело с теми главами, где речь заходит о материях исторических, особенно — историко-литературных. Вооружившись набором стереотипов советского литературоведения, Резник жестко пресекает все разговорчики в строю. Игорь Золотусский позволил себе в книге о Гоголе оспорить принятую оценку «Выбранных мест из переписки с друзьями» — Резник тут как тут с письмом Белинского наперевес. Юрий Лощиц полагает, что Обломов — положительный герой, но Резник-то знает, что он «олицетворяет физическую и моральную деградацию уходящего с исторической сцены крепостничества» (удивительно не то, что это было написано 30 лет назад, — удивительно, что перепечатывается автором сегодня без всяких комментариев). Лощиц говорит о мифологическом реализме Гончарова — «все мы знаем Гончарова как одного из величайших русских писателей-реалистов, чуждавшихся всякой мифологии», поправляет его Резник. Попутно тому же Лощицу ставится на вид, что он называет священника «молитвенником», тогда как молитвенник, по Резнику, — это книга, а тот, кто читает молитвы, — молещик или молебщик. Достаточно, однако, открыть словарь Ушакова, чтобы узнать, что одно из значений слова «молитвенник» — «тот, кто усердно молится Богу за других, богомолец».

Но если в «Непредсказуемом прошлом» все эти недостатки, так сказать, факультативны, то в более «актуальном» сборнике «Сквозь чад и фимиам» они выходят на первый план. Перво-наперво становится очевидно, что у Резника напрочь отсутствует ощущение пределов собственной компетентности: ему ничего не стоит начать спорить со специалистом по средневековой Испании о границах полномочий испанской инквизиции; он без тени сомнения вмешивается в полемику по такой исключительно сложной проблеме, как текстология «Протоколов сионских мудрецов», и в результате лишь вносит в «протоколоведение» дополнительную путаницу. Он имеет весьма слабое представление о методологии гуманитарных наук, но при этом судит об узкоспециальных вещах с исключительным апломбом, то и дело подменяя, как свойственно дилетантам, профессиональные аргументы квазиэтическими. Существует, скажем, проблема, с одинаковой неизбежностью встающая перед исследователями допросных протоколов Средневековья/Ренессанса и сталинского времени, — насколько в таких процессах можно верить показаниям обвиняемого, как вычленишь из пыточных признаний в рытье тоннелей от Бомбея до Москвы и обратно фактический субстрат? Но стоит Галине Зелениной констатировать: «Есть немало рецептов работы с такими источниками, но на каждый рецепт находится ловушка, и, наоборот, из каждой ловушки есть несколько выходов, возможно, равно ошибочных» — Резник тут как тут: «Оговорам и самооговорам, полученным в пыточных камерах, дан статус царицы доказательств — по рецепту товарища Вышинского».

Следуем далее. Антиантисемит небрезглив в выборе союзников. Отправляясь в поход на Солженицына, Резник приглашает с собой автора книги «Солженицын: прощание с мифом» Александра Островского и слависта Эву Томпсон. Оно, конечно, «враг моего врага — мой друг», вот только сочинение Островского — даром что автор доктор исторических наук — это совершенно некритическая компиляция (чтоб не сказать — свалка) сведений, почерпнутых из разных малопочтенных источников, где Солженицын оказывается одновременно агентом КГБ и ЦРУ, членом НТС, масоном, антисемитом (впрочем, на его еврейство в книге тоже намекается), просто человеконенавистником и кем-то там еще. А уж письмо профессора Томпсон и вовсе, по меткому замечанию Резника, «говорит само за себя»: комментировать эту леволиберальную байду про «имперскую суть прошлого и настоящего» России («вспомните о чеченцах, которые доведены до отчаяния варварскими действиями российских войск в их республике») — себя не уважать.

И наконец, основное свойство Резника, как и любого профессионального антиантисемита, — предвзятость. Приступая к расследованию, он всегда заранее знает результат. Как по мне, интерес такого предприятия сомнительный — все равно что идти на стадион, будучи в курсе, что «Спартак» победит 2:0. Но каждый, конечно, волен выбирать по вкусу.

Есть у Резника большая, неоднократно перепечатававшаяся статья «Запятнанный Даль: Кто автор книги “Записка о ритуальных убийствах”?». Речь в ней идет об авторстве служебной записки «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», изданной Министерством внутренних дел в 1844 году и традиционно приписываемой Владимиру Далю. Резник, надо отдать ему должное, проделал довольно большую работу и собрал изрядный фактический материал, из которого для любого непредвзятого читателя с непреложностью вытекает следующее: Даль действительно принимал участие в составлении «Розыскания...», хотя, вероятно, был не единственным его автором (окончательная атрибуция «Розыскания...» при имеющейся источниковой базе, по-видимому, невозможна)[2]. В самом деле: есть свидетельства лично знавших Даля П.И.Бартенева и П.И.Мельникова-Печерского, существовал и экземпляр книги с автографом Даля, подаренный им московской Чертковской библиотеке. Однако Резник отводит все эти доказательства, включая вышедший при жизни Даля каталог Чертковской библиотеки с описанием того самого экземпляра, и передаривает авторство «Розыскания...» сослуживцу Даля по Министерству внутренних дел В.В.Скрипицыну. Скрипицын, по всей видимости, тоже имел касательство к записке, особенно на первом этапе работы над ней, однако аргументов в пользу его итогового авторства куда меньше, чем в пользу авторства Даля — разумеется, если не подгонять ответ под заранее заданный итог.

К чему я затеял весь этот разговор? Сам по себе Резник — фигура достаточно заметная, но все же едва ли заслуживающая столь пристального внимания. Однако мне кажется, что его книги дают возможность поговорить о несколько более общих проблемах. Ну, например: что такое антисемитизм и как нам с ним обращаться?

Некоторое время назад Михаил Лотман предложил рассматривать антисемитизм как «объект исследования, а не борьбы» (Лехаим. 2009. № 8), за что тут же получил от возмущенного читателя совершенно хамский отлуп со всеми характерными антиантисемитскими риторическими приемами. На самом деле эстонский филолог в своей категоричности не вполне прав: с антисемитизмом, конечно, можно, а иногда и нужно бороться. Только вот незадача: такая борьба имела смысл в Советском Союзе, где литераторы-евреи и литераторы-антисемиты были встроены в общую партийную вертикаль и за чрезмерную ретивость сверху могли одернуть как тех, так и других. Имеет она смысл на Западе, например в США, где существуют понятие репутации, общественное мнение и иные механизмы принуждения к стыду. Но в современной России любые попытки ущучить антисемитов совершенно бессмысленны: идеологической вертикали уже нет, действенные общественные рычаги, будем надеяться, вскоре появятся, но пока практически отсутствуют. В итоге никаких общеобязательных скреп у культурного поля нет, Куняев пишет для своих, Резник для своих, клакеры аплодируют, но эти аудитории не пересекаются, звук тонет в пространстве между ними. Бессмысленно спорить с публикациями в «Нашем современнике», его читатели — это сектанты, никакие рациональные аргументы на них не действуют. Пусть их дальше рассматривают шоколадные фантики на просвет в поисках законспирированных магендавидов.

Это что касается антисемитизма, так сказать, текущего. Что же до антисемитизма исторического, то с ним дело обстоит ровно так, как говорил Лотман-младший, — его следует изучать, а не разоблачать. Увы, из двух противоположных подходов к историческому факту — историзации и актуализации — пока что в «антисемитоведении» явно торжествует второй с его установкой на осовременивание истории, выскивание в ней параллелей с настоящим в ущерб архивному поиску, комментированию источников, вписыванию единичных фактов в контекст.

Понятно, что актуализируют наследие своих классиков «патриоты» — например, издатели серии «Русское сопротивление», выпускающие труды Нилуса, Крушевана или Бориса Никольского (впрочем, не брезгающие ни архивами, ни введением в оборот новых документов). История интересует их лишь постольку, поскольку ее можно использовать для «идеологического “обеспечения” соответствующих политических движений»^[3], а наука у «патриотов» всегда шла пополам с пропагандой в испытанной пропорции один рябчик — один конь. Все персонажи, зачастую на дух не переносившие друг друга, получают у публикаторов на одно лицо — все они пророчествовали, предсказывали, предупреждали, а мы, их потомки, этим предупреждениям не вняли и теперь страдаем под жидовским игом. Но разве не таков подход и антиантисемитов? Они точно так же не желают вникать в оттенки, для них что Меньшиков, что Розанов, что Пуришкевич — все едино. А главное, их тоже интересует не история как таковая, а мифические «уроки истории» — не извлекли, мол, не считали мораль сей басни, а теперь пожинаем плоды.

В эссе Иосифа Бродского «На стороне Кавафиса» есть удивительный фрагмент, посвященный описанию эллинистической Александрии: «В конце дохристианской эры <...> Александрия была доподлинным базаром вер и идеологий, включая иудаизм, местные коптские культы, неоплатонизм и, конечно же, свежеступившее христианство. <...> Противопоставляя одну веру другой, мы наверняка вырываем их из их контекста, а контекст был именно тем, что интересовало александрийцев до того дня, когда им было сказано, что пришло время выбрать что-нибудь одно. Это им не понравилось». История — это узор, который ткут совместными усилиями копты и неоплатоники, иудейские мудрецы и христианские богословы, Шмаков и Бейлис, Шульгин и Грузенберг. И куда важнее (не говоря уже о том, что много интереснее) разбираться в мотивах их поступков, нежели продолжать по сотовому кругу спорить, кто более матери-истории ценен.

[1]. Резник С. Непредсказуемое прошлое. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб.: Алетейя, 2010; Резник С. Сквозь чад и фимиам. Историко-документальная проза разных лет. События, портреты, полемика. М.: Academia, 2010.

[2]. См. сходные выводы в чрезвычайно содержательной работе А.А.Панченко «К исследованию “еврейской темы” в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве» (Новое литературное обозрение. 2010. № 104); здесь же ряд аргументов против доводов Резника (статья Резника перепечатана в этом же номере «НЛО»).

[3]. Рейтблат А.И. Нилус и «Протоколы сионских мудрецов» // «Новое литературное обозрение». 2006. № 78.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Дмитрий Марьясис

В последнее десятилетие значительно вырос интерес к Израилю со стороны российского истеблишмента. Политики обеих стран часто и охотно общаются друг с другом, активно развиваются культурные связи, да и экономические контакты становятся все интенсивнее. Лишнее доказательство такого интереса — появление на русском языке аналитических трудов, посвященных как собственно Израилю, так и разным аспектам отношений между нашими странами. К сожалению, у этого процесса есть и обратная сторона: все чаще издаются работы, представляющие собой откровенный плагиат.

Один из последних примеров этого — книга преподавателя кафедры управления внешнеэкономической деятельностью предприятий Уральского государственного технического университета (ныне — Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина) Дмитрия Гольдберга и заведующего этой кафедрой Леонида Стровского «Россия — Израиль. На пути экономического сотрудничества». Выпущенная московским издательством «Юнити-Дана» 80-страничная брошюра гордо именуется «монографией» и имеет научного рецензента. Между тем в ней нет ни одного указания на источники данных, а ссылки на источники текстового заимствования зачастую фальсифицированы: скопированные тексты российских авторов сопровождаются отсылками к западным работам или к русскоязычным публикациям, не имеющим отношения к данным фрагментам.

Как сказано в письме директора Института международных исследований МГИМО (У) Александра Орлова на имя главного редактора «Юнити» Нодари Эриашвили, «единственное, на что может претендовать эта публикация, это хорошо выполненный реферат-конспект, подготовленный студентом старшего курса». Директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО (У) Андрей Федорченко, чьи труды активно использовались авторами брошюры, провел ее экспертный анализ и выявил не менее семи случаев дословных совпадений текста с более ранними публикациями других исследователей (больше всего позаимствовали Гольдберг и Стровский из работ, выпущенных Институтом Ближнего Востока).

Письмо Орлова с изложением итогов экспертизы было направлено в «Юнити» весной 2010 года, однако до сих пор — прошел почти год! — никакого ответа не последовало. И этот факт представляется не менее негативным, чем само появление брошюры. Положим, издательство поверило авторам и рецензенту. Однако, получив письмо с доказательствами плагиата, руководство «Юнити» должно было принести официальные извинения и отозвать издание (в том числе способствовать прекращению активной рекламы и продажи брошюры в Интернете)!

Сегодня в России есть несколько авторитетных источников аналитической информации по Израилю. Помимо уже упомянутых Института Ближнего Востока и МГИМО (У) существуют Отдел по изучению Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, сборники центра «Сэфер», книги издательства «Мосты культуры» / «Гешарим». Серьезные труды печатаются и в других исследовательских

центрах и вузах. Жаль, что качественные работы часто не доходят до читателей, в то время как низкопробные компиляции получают широкую рекламу и, соответственно, больше шансов попасть к ним в руки. Хочется надеяться, что положение в ближайшее время изменится к лучшему — хотя бы потому, что долгосрочных эффективных и взаимовыгодных отношений на плагиате не построишь.

*P.S. Ἀ ἀρισταὰ πειδοῦν ἱλαίῳ ὀϊ «Ἐσθαι ἅ» Ἐπίεᾶ Ἰοδίαρῆε ἰδεῖαῖ ἰαεῖ-εᾶ ἅ ἀδὶ οἰρῶ
«ἰαῖαῖαῖαῖ ἰῶσ ῥαεὶ πῶαῖαῖεε εῖς δαῖτὸ ἀδῶσῶ ἀαὸ ἰδῖα» εἰ ἰδεῖαῖ εἰ ἰαῖε εῖςαῖαῖεῖ. Ἰῖαῖδῶ
Ἰδεῖαῖαῖεε ὀαεῖαῖ αῖδῶαῖε ἰαεῖαῖεᾶ ἅ ἰαῖε ἰαῖε ἰαῖε-εᾶεἰ ἰῖ εῖςαῖδῶε, -ὀἰ ἰῖ ἰῖεῖ-αῖεε ἰεῖαῖ ἅ εῖς
Ἰ ἈΕἸ Ἰ (ὀ) εἰεῖαῖ αῖεᾶ ἰῖ ῥῶ ἅ ἰ ἰδῖαῖεε. Ἰῖ αῖ ἰεῖαῖ, ἰεῖ-αῖ ἅ ἰ αῖαῖεῖαῖ ἅ (ἅ ὀἰ -εῖεᾶ ἰαὸ αῖαῖ)
ἰ ἰαὸ ἰαῖαῖε ὀῖῖ εἰεῖαῖ ἰεῖαῖ, ἰ ὀαῖεῖαῖ ἰῖ ἅ ἰαῖ*

Номер полон мнений и суждений, явно не вписывающихся в нынешний осторожный и во многом лицемерный контекст вялотекущего украинско-еврейского диалога. Например, об уманском феномене как совместном украинско-израильском предприятии и, нередко, совместной афере или об истории Галиции как примере краха идей мультикультурности. Впрочем, один из авторов полагает, что, если бы в Галиции праведников, укрывавших евреев, карали не жестче, чем во Франции, Голландии или Норвегии, от немцев спрятали бы половину местного еврейского населения (в реальности, напомню, спаслось 3%).

О многом сказано в «еврейском» номере «Украинского журнала», и еще больше осталось за пределами журнальных полос. Поэтому главред Ленка Вих обещает чаще обращаться к этой теме. Не ради дружбы народов, говорит он, а, скорее, для собственной гигиены.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ÊÍ ÈÆÍ ÛÁ Í ÎÂÈÍ ÈÈ

ÈÌ В ÑÓÛÁÑÒÁÍÁÁÍ ÈВ

Ì èðèàì Áíäöýí

Õääáíñä

Ì äð ñ òð Á. Æöèíäíé. Ì .: Õäèñò; Èíèæíèèè, 2011. — 224 ñ (Ñäðèÿ
«Ì òñà ääðäèíèé æèèèè».)

Роман Мириам Бодуэн начинается с имени. И состоит из имен и местоимений: я, он, она («Она ЗАМУЖЕМ, приятель!»), Ян, Блими, Нехама, Перл, Двора, Шарль... Хадасса. Главная героиня романа Бодуэн — Алиса, учительница из Европы, начинающая преподавать французский в еврейской школе для девочек в Монреале. Давая имя каждому человеку и вещи, она словно вырывает из небытия, делает частью себя и своего мира восемнадцать учениц, и среди них та, которая навсегда останется в ее сердце: «Хадасса, цветущий мирт. Мирт, цветущее дерево или куст с жесткими листьями, и я подумала, что ее имя похоже на нее. Одиннадцатилетняя девочка, а перед ней — шестьсот тринадцать заповедей Торы».

Имя становится ключом к пониманию мира. Для учениц героиня — мадам Алиса: «Может быть, это нельзя говорить мадам Алисе». В этом жестокость загадочной и закрытой культуры: «Меня предупредили: главное — не строить иллюзий, я никогда не стану им ни подругой, ни наперсницей». Из-за европейского имени и отдаленности от самодостаточного еврейского мира страдает и другой герой, поляк Ян, влюбившийся в еврейскую женщину.

Неслиянность двух миров так же естественна и безысходна, как отдаленность снежных горок Монреала от египетских песков. При этом мир учениц мадам Алисы описан ею с подлинной любовью, почти обожанием: «Поскольку субботний отдых соответствовал заповеди, женщины доставали жемчужные ожерелья, надевали платья из черного шелка, накладывали румяна на щеки, не готовили еду, не выполняли никаких хозяйственных работ, предназначенных для других дней недели». Мир европейских юношей и девушек рядом с ним выглядит пресным, бесцветным и смешным: «В то время как “подобные мне” проводили уик-энд в американском ритме, проверяли письменные работы, выгуливали собак на метровом слое снега, искали, где поставить машину...» Жизненный порядок разделен ключевым, самым значимым: время еврейского квартала протекает в вечности, пристально следящей за своими детьми, тогда как американцы — “те, подобные ей” — «проводят время», бездумно рассыпают его, не задумываясь о безжалостных песочных часах.

Казалось бы, эта антитеза должна найти выражение на уровне конфликта, и невозможность любви, этого катализатора фантастических и быстротечных перемен в ровной человеческой жизни, рано или поздно приведет если не к трагедии, то хотя бы к решительным поступкам героев. Мадам Алиса, например, могла бы попроситься с европейским прошлым и выйти замуж за еврея, а Ян столкнуться с ревнивым супругом Дворы. Но главный парадокс книги в том, что эскалации конфликта нет. И само действие как таковое в этом «логоцентричном» романе имеет очень небольшое значение. С его помощью ничего не изменишь: если пойдешь за Хадассой или Дворой — наткнешься на стены и запертые двери. Поэтому почти неприметные глазу перемены в отношениях евреев и «тех» совершаются в пространстве тончайших движений души, мыслей, переживаний и — слов. «Хадасса бережет вас в своем сердце» — единственное признание матери любимой ученицы стоит для героини целой жизни.

«Хадасса» — женская книга, в ее героине отчетливо проявлено автобиографическое лирическое начало. Мадам Алиса еще не познала материнства, для нее духовным очагом становится класс, а ангелами — восемнадцать головков, склонившихся над рисунками. И стилистика у Бодуэн ровная, аккуратная, похожая на девичьи шаги.

Заданное автором пространство повествования (Монреаль в первое десятилетие после войны) перетекает в расширенное, почти вневременное. Все, что есть ценного в этом отрезке времени, — это чувство женщины к ребенку и чувство между мужчиной и женщиной, которое приводит их к выходу из всех условных единиц измерения жизни: долга, привычки, страха.

Àéàèñáí àðà Èèñèüü

Ì ÁÍ Î ÁÁÍ ÜB Ñ×ÀÑÒÜB Á ÁÄÓ

Ì àðàè Ýááèüü áí

È áúèà èpáíáí á ñò òí

Выслушала и записала П. Савицкая. Пер. с польск. К. Старосельской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. — 141 с.

«Она была секретаршей в больнице в гетто. Красивая, но глупая... Каким-то образом выбралась на арийскую сторону, стала нашей связной. У нее были голубые глаза, но все говорили: как у коровы. Во время Варшавского восстания... рядом с ней разорвалась граната и тяжело ранила одного из бойцов. Она выхаживала его и, конечно, немедленно в него влюбилась... Они были вместе до конца его жизни. Наша глупенькая связная говорила, что стоило пережить гетто и Варшавское восстание — благодаря этому она узнала, что такое любовь и сколько можно отдать другому человеку. Когда он умер, она всю любовь перенесла на сына...»

Из подобных историй — историй жизни и любви в преисподней — состоит книга одного из руководителей восстания в Варшавском гетто Марека Эдельмана. Большинство повстанцев погибли — среди них «коллега» Эдельмана по руководству восстанием Мордехай Анелевич, покончивший с собой, когда дальнейшее сопротивление уже не имело смысла. Эдельману, как и примерно 70 его товарищам,

удалось выбраться из гетто подземными ходами. Всевышний даровал ему долгую и яркую жизнь: он дожил до 2009 года, став врачом и продолжая спасать людей и после войны (автор предисловия к книге, польский писатель Яцек Бохенский признается, что обязан ему жизнью жены, у которой «доктор Эдельман распознал никем не диагностированное заболевание буквально в последнюю минуту, когда резекция одного легкого была еще возможна»).

Однако ни о восстании, ни о своей послевоенной жизни Эдельман Пауле Савицкой рассказывать не стал. Его книга посвящена повседневной жизни в гетто и прежде всего — тем невероятным романам, которые вспыхивали там, как это всегда бывает в экстремальных ситуациях.

Íáíà èç ñáçíúü, ì íéíááç éðáíéááç áááóéà, éàé-òí ðàç íà áëáçò ó ìçòé-òáíòé :áéíáé çáíéí áéáíí áñ ìí-ü éðáíáñ ñ ìíæéúí áááíí. Ííé íà ðáíòáááééíí áí íà-áéà Ááðááíéíá áííòáíéç. Íí áúé áííéááíòáéè ááíòíááí è ááíéááíí èí-àç. Ííà ìíòáéáíí á Ááðááá è ðíáéèá ááóó ááóáé. Áíá :óáíòáá, èíòíòá éíí ùòóááéè è íáí ó íòááéà ááóçí. Çáí óé íà áúéèá

Íáðáíú è áááóéà ñéó-áéíí áíòðáóéééíí ìííéá íáíòóíéáíéç éíí áíááíòíéíá :áíá á óáí ìíí ìíáíçáá íáçíáéíí íáí áíí à è áí éííòá áíéíú áúéé áí áíòá Ííòíí ííà óááéà á Áí áðééç, á íí ìíòáéíç á Ííéúá ×áðáç ááááóáóíéáò ìííáá óáéááééíí.. Éíáá ííà óí éðáéà, ñéááééà, óááééáááóáç çá íáé, ìíçáííééà áí ó è ñíòíééà, ì íáéíí èè í ááíòáóúí áá éá-èòú

Антуан де Сент-Экзюпери в «Письме заложнику», обращаясь к своему другу Леону Верту, оставшемуся в оккупированной Франции, говорил о погасших городах и о ночи, нависшей над Европой. Оказывается, даже сквозь толщу «тьмы египетской», из самой ее глубины, пробивался свет. Люди, его излучавшие, сгорали в печах крематориев. Но сам он не угас, как не угасает в этом мире любовь.

Разумеется, далеко не все истории в книге Эдельмана столь «мажорны». Хотя даже самые драматичные фрагменты он старается не оставить без просвета в финале.

Íà ìçòíí çòáéá áá íáíéíááéè áááí ááóáóú ééè ìçòíááóáóú óéðáéíóáá Ááðéáéè çá ðéé è çá ííáé, á ííà áéííéà á áíçáóóá. Éíáá áá íòíòíòééè, ííà áúéà áíçç á éðíáé... Íí éàé-òí ííà áúéééá Ííçéá ì ù áíòðáóéééíí á Óááóéè. Ííà óéá áúéà ááá-íí, ó íáá áúéí ááíá ááóáé, éðáéí ùé :áéíáé. Áéáéí í, ì íáéíí íáðéééòú ááéá ñíí íà ñòðáóííá

О терроре, о любви, о жизни и смерти в гетто Эдельман повествует без пафоса, без высокопарности, намеренно сдерживая эмоции, как будто говорит о чем-то обыденном. Лишь однажды невыносимая боль прорывается стоном: «Ладно, хватит. Хватит. Довольно». Свидетель Катастрофы, он не анализирует, не исследует проблемы, а обозначает их. Одна из таких проблем — отношения обитателей гетто с польским населением.

Как известно, в числе «праведников мира» было множество поляков. Но гораздо больше оказалось тех, кто равнодушно взирал на происходившее за стенами гетто или даже злорадствовал. «Шмальцовники» зарабатывали себе на хлеб вымогательством под угрозой доноса у евреев и помогавших им местных жителей. А бойцы Армии Крайовой нередко расстреливали евреев, в которых видели шпионов...

«И была любовь в гетто» заканчивается краткими справками о дорогих автору людях. В отличие от «списка Шиндлера», жизнь большинства из включенных в «список Эдельмана» оборвалась в 1942–1943 годах. «Я последний, кто знал этих людей по имени и фамилии», — говорит Эдельман. Немногие выжившие эмигрировали в Эрец-Исраэль, США, Австралию. Но сам Эдельман, несмотря на все написанное им о равнодушии или враждебности поляков по отношению к евреям, после войны не покинул Польшу. Более того, известно, что он не был сионистом и не питал теплых чувств к Израилю...

«Такая тоска, что небо / Опять холоднее смерти, / и каплют слезы в сердце, / как плач колокольной меди...» (Эмилио Прадос, пер. Сергея Гончаренко). И все же, несмотря на эту тоску, книга Марека Эдельмана — это прежде всего гимн, гимн всепобеждающей любви.

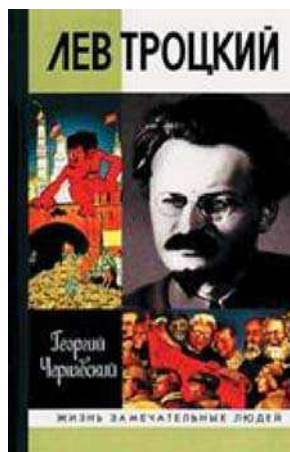
Áéááéí éð Áóðíáí íáíééé

Ì àèáó ì òí òí è à àì Ì Ì Ì

À à ò ò è × à ò ò ò è è

È à à Ò ò ò è è

Ì .: Ì Ì è Ì à à ò ò è è, 2010. — 672 ñ (Ñ à ò è «È è Ì ù ç à ì à : à ò à è Ì ù ò ò è ò à è».)

Лев Давидович Троцкий — одна из наиболее ярких, противоречивых и мифологизированных фигур в истории XX века. Ему посвящено множество исследований (только число биографий перевалило за два десятка), однако публицистический пафос в них, как правило, превалирует над научным анализом: одни авторы изображают Троцкого демоном, другие пророком. Работы, где давалось бы целостное и объективное описание его жизни, деятельности и идей, по-прежнему в дефиците.

Очередную попытку исследовать жизненный путь знаменитого революционера предпринял бывший харьковчанин, с середины 1990-х годов живущий в США (в книге широко представлены материалы гарвардского архива Троцкого), Георгий Чернявский, известный среди прочего как соавтор монографии о судьбе болгарских евреев в годы второй мировой войны. В своей новой книге Чернявский попытался осветить биографию Троцкого без «коммунистической предвзятости», черносотенных и сталинистских мифов. Но полной беспристрастности, конечно, не получилось: автор симпатизирует «разумным и четким» воззрениям умеренных либералов начала XX века, а потому революционеры в целом и Троцкий в частности характеризуются им как экстремисты, догматики, утописты.

В оценке личных качеств Троцкого он тоже довольно суров, отмечая его высокомерие, черствость, склонность к позе и популистской демагогии, «авторитарную ментальность». Но все же нарисованный Чернявским портрет далеко не одноцветен: Троцкий, признает автор, в отличие от Сталина и многих других большевиков, был не политиканом, цинично использовавшим идеологию для утверждения во власти, а политиком, для которого идейные принципы стояли на первом месте.

В период до 1917 года Троцкий занимал в РСДРП особую позицию, не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам. Политические и организационные разногласия, усугубленные столкновением личных амбиций в эмигрантской среде, вылились в затяжной конфликт с Лениным, подробно описываемый на страницах книги. Но в 1917-м, в условиях начавшейся революции, Троцкий быстро сблизился с большевиками, сразу же войдя в высшее руководство РСДРП (б).

Почему же «Иудушка», как зло именовал его Ленин, вдруг превратился в близкого соратника Ильича? Чернявский предлагает очень простой ответ: Троцкий «капитулировал» перед большевиками из желания «оказаться в малочисленной группе высших вождей». Таким образом, автор, вопреки собственной концепции, изображает Троцкого «политиканом», пожертвовавшим принципами ради власти. В действительности дело, по-видимому, обстояло сложнее. «Апрельские тезисы» Ленина и резкий поворот большевиков к борьбе за «диктатуру пролетариата», по мнению Троцкого, означали приближение

большевистской партии к доктрине «перманентной революции». Так что его объединение с большевиками стало результатом не «капитуляции» одной из сторон, а их движения навстречу друг другу.

Если бы целью Троцкого было обладание властью, он мог бы легко захватить ее после смерти Ленина. Ресурсы для этого были: руководство военным ведомством, поддержка значительного числа коммунистов, личная популярность. Но превратиться в «красного Бонапарта» значило грубо нарушить коммунистические принципы, и Троцкий предпочел вступить со сталинским аппаратом во внутрипартийную борьбу, что в сложившейся системе давало оппонентам Генсека очень мало шансов на победу.

Впрочем, Чернявский согласен, что его герой не стремился «стать единоличным диктатором». Одна из причин этого заключалась в его происхождении: он «осознавал, что не имеет возможности в переломный момент возглавить правительство страны, значительная часть населения которой испытывала предубеждение против евреев». По той же причине Троцкий в октябре 1917-го отклонил предложение Ленина занять в первом советском правительстве пост наркома внутренних дел, чтобы «давить буржуазию и дворянство». К этому можно добавить отказ Троцкого стать единственным заместителем Ленина в Совнаркоме. Отстраняясь от ключевых государственных должностей, Троцкий не хотел «подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей». К своему происхождению как политическому фактору он относился весьма серьезно (Ленин даже называл это его «пунктиком»), хотя в его личной жизни этот момент не играл практически никакой роли.

Становление его личности проходило не в еврейской, а в русско-украинской среде; его мать жертвовала деньги на строительство синагоги и хедера, но семья была далека от иудаизма и не использовала идиш. Как показывает Чернявский, взгляды Троцкого на еврейский вопрос вполне соответствовали социал-демократической доктрине: в 1917 году он утверждал, что решение всех проблем евреев возможно лишь на началах интернационального братства после социалистической революции. Правда, эволюцию этих воззрений Троцкого автор не проследивает, хотя она достаточно интересна: если первоначально перспективы еврейства виделась ему в естественной ассимиляции, то в 1930-х годах он высказывает мысль о создании самостоятельного еврейского государства в рамках будущей международной федерации пролетарских республик (разрешение еврейского вопроса при капитализме, в том числе сионистскими методами, Троцкий по-прежнему считал невозможным, а советскую затею с Биробиджаном именовал «бюрократическим фарсом»).

Значительное место в книге Чернявского уделено опровержению расхожих представлений об особой жестокости Троцкого в период Гражданской войны и о его органической приверженности военному коммунизму, а также его деятельности в качестве лидера «левой оппозиции». Превращение Троцкого в оппозиционера Чернявский связывает с тем, что тот являлся сторонником более «либерального» варианта коммунистического режима, нежели насаждавшийся сталинистами.

Впрочем, анализ идей и деятельности «левой оппозиции» не относится к числу сильных сторон книги Чернявского. Возникновение оппозиции автор датирует 1926 годом, игнорируя активность оппозиционеров во время внутрипартийной дискуссии 1923 года, в которой он почему-то видит лишь споры «на узких конклавах высшей элиты». Сама оппозиция шаблонно изображается как состоявшая из некоторых старых партийцев и «экзальтированных комсомольцев», причем все они будто бы капитулировали в конечном итоге перед Сталиным. О сотнях «неразоружившихся» троцкистов (сами они называли себя «большевиками-ленинцами»), продолжавших организованное сопротивление даже в ГУЛАГе и физически истребленных, Чернявскому, по-видимому, не известно.

С довольно поверхностным рассмотрением «оппозиционных» сюжетов контрастирует подробное описание отношений Троцкого с представительницами прекрасного пола. Автор цитирует его интимные письма жене Наталье Седовой, явно не предназначенные для широкой публики, красочно живописует «любовные аферы» с Ларисой Рейснер и английским скульптором Клэр Шеридан. Он с уверенностью говорит об «интимных связях» Троцкого с этими женщинами, не приводя, однако, никаких документальных свидетельств. Все это придает книге Чернявского легкий оттенок «желтизны».

Но в целом новая книга о Троцком безусловно полезна. Несмотря на недостатки, она содержит систематическое изложение биографии этого выдающегося политического деятеля и мыслителя. Не претендуя на какие-либо крупные открытия, автор доступно и в хорошей литературной форме обобщает имеющийся материал, причем, будучи профессиональным историком, а не публицистом, он дает многочисленные ссылки на источники.

Троцкий предстает на страницах книги не пророком или демоном, а «последним великим коммунистом-утопистом». Да, многие его мечты и предсказания не сбылись, но в чем-то он оказался прав, сумев, например, предвидеть крах сталинистского режима и движение мира по пути экономической и политической интеграции. И даже если его идеи были в основном утопическими, они сыграли свою роль в истории и нуждаются в осмыслении. Тем более что, как говорил известный критик утопизма Томас Молнар, «покончить с утопиями — это и есть утопия».

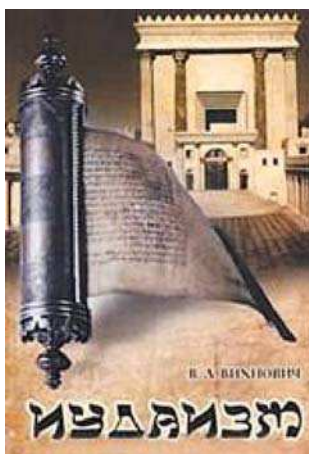
Àëàëñé Àóññá

Èðàòèí î ï îññî

Àñññèíä Àèòí îàè÷

Èóññèçí

Ñí á: Àéàññì èü èññèññì ààí èü èóèùòóðù, 2010. — 224 ñ

Книга Всеволода Вихновича «Иудаизм» уже выходила в 2006 году в издательстве «Питер», однако в новом издании об этом факте ничего не сказано, что представляется несколько странным. Сама же книга заслуживает вполне добрых слов.

Автором предпринята попытка в небольшой по объему книжке рассказать все об иудаизме. Поскольку такого рода издания рассчитаны не на специалистов, а скорее на студентов и интересующую публику, то они должны быть написаны просто и ясно, вобрав в себя максимум полезной информации. Надо сразу сказать, что попытка удалась. Автор прослеживает историю иудаизма с древности и до наших дней, кратко излагает основные сведения об иудейской религиозной традиции.

История евреев до Нового времени описывается в книге почти безупречно, учитывая сжатость изложения. Практически все значимые события и имена еврейской истории, как и описания основополагающих религиозных источников, начиная с Танаха и заканчивая Шульхан арухом, нашли место на ее страницах. Подчеркивая религиозную глубину и значимость иудаизма в контексте развития иудео-христианской цивилизации, испытывая к иудейской традиции огромное уважение, автор не впадает вместе с тем в сентиментально-слащавое изложение истории евреев и иудаизма, вполне обычное для конфессиональной религиозной и исторической литературы. Он постарался предельно объективно показать не только трудные, а порой трагические отношения средневековой еврейской общины с внешним миром, но и напряженную, противоречивую динамику ее развития, внутренние конфликты — от талмудических времен до противостояния Виленского гаона и хасидов.

Попенять автору в этом разделе можно лишь на незначительные мелочи. Так, фраза «история иудейской философии завершается трудами И. Абрабанеля» не совсем точна, поскольку Вихнович имеет в виду только ее рационалистическое маймонидовское направление — да и то всего через столетие, по его же словам, Спиноза это направление в известной степени возродил. Вряд ли целесообразно называть главу «Лжемессия Саббатай Цеви» — все-таки употребление терминов «мессия» или «лжемессия» во вполне

ИСКУССТВО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Die Frankfurter Schule und Frankfurt. Eine Rückkehr nach Deutschland. Hrsg. von Monika Boll und Raphael Gross im Auftrag des Jüdischen Museums Frankfurt am Main

Gottingen: Wallstein, 2009

Алексей Мокроусов

В 1948 году Макс Хоркхаймер приехал во Франкфурт по приглашению университета, в котором работал до прихода нацистов к власти. Жене, оставшейся в Америке, он писал: «Ректор, оба декана и остальные встретили меня сладостно, изворотливо, изолгавшись, с почетом. Они еще не знают, должны ли они видеть во мне относительно влиятельного американца или брата их жертв, чьи мысли — это память. Но они должны будут принять последнее».

В период нацистского правления Хоркхаймер, как и большинство сотрудников основанного в 1923 году Института социальных исследований, эмигрировал в Америку. Одни, как Герберт Маркузе и Лео Лёвенталь, решили остаться там навсегда. Другие — среди них Хоркхаймер, Теодор Адорно и Фридрих Поллок — после войны вернулись на родину. Они получили профессорские должности во Франкфуртском университете (Хоркхаймера в 1951-м даже избрали ректором), а сам институт был в 1950 году воссоздан на берегах Майна. Впрочем, его деятельность не прекратилась и во время эмиграции: в 1933–1949 годах Institute for Social Research работал в Нью-Йорке, его счета были вовремя переведены в голландские банки, а заграничные филиалы созданы предусмотрительным Хоркхаймером еще в начале 1930-х: в 1932 году — в Женеве, за два года до этого — в Лондоне, где его курировал Поллок, один из самых левых сотрудников ИСИ. В середине 1920-х Поллок работал вместе с Феликсом Вейлем, сыном миллионера — торговца зерном и главного спонсора ИСИ, в Архивном обществе Маркса и Энгельса, занимаясь изданием их полного собрания сочинений. Свою диссертацию «Опыт плановой экономики в СССР: 1917–1927» он защитил после поездки в Советский Союз в 1927—1928 годах (двумя годами ранее в СССР побывал другой «франкфуртец», Вальтер Беньямин).

Помимо разработки критической теории общества (именно в американский период возникла «Диалектика Просвещения» Адорно и Хоркхаймера, одна из важнейших философских работ XX века) исследователи занимались и другими проектами. Так, Хоркхаймер в годы войны возглавил научный отдел Американского еврейского комитета, изучал антисемитизм. Впрочем, далеко не все сотрудники ИСИ, несмотря на еврейское происхождение, ощущали близость к еврейской культуре. Иудаизм привлекал с молодости лишь Лео Лёвенталь и Эриха Фромма, Хоркхаймер заинтересовался им уже в зрелые годы, а Адорно, напротив, в Америке сменил фамилию отца (Визенгрунд, его виза на въезд в США была выписана на это имя) на фамилию матери-итальянки.

Отношениям Франкфуртской школы и еврейства посвящен целый раздел — семь статей — в сборнике, вышедшем по инициативе Еврейского музея во Франкфурте в связи с проходившей здесь выставкой.

Рахель Хойбергер изучает тему «еврейских евреев» в кругу «франкфуртцев», Фромма и Лёвенталья, Миха Брумлик анализирует диссертацию Фромма «Закон», Тобиас Фраймюллер рассказывает об отношениях Хоркхаймера и послевоенной еврейской общины Франкфурта, а Амалия Барбоза размышляет о «еврейской идентичности» франкфуртской школы. Впрочем, эта тема возникает и в других частях сборника — например, в статье Астрид Дойбер-Манковски о взаимоотношениях Гершома Шолема и Адорно или в исследовании Ансона Рабинбаха, занимающегося темой Израиля и диаспоры в критической теории.

Русское издание этой книги стоило бы дополнить размышлениями о том, как и почему люди возвращаются из благополучной эмиграции на родину, где коллеги встречают их, мягко говоря, холодно (Хоркхаймер и Адорно чувствовали это отчуждение долгие годы). Может, причина в том, что в конце концов все же наступает момент истины (в данном случае — 1968 год) и бывшие изгнанники оказываются властителями дум молодежи. Бывает ли награда в жизни почетнее? Наверняка. Бывает ли приятнее? Вряд ли.

УКРАИНСКИЙ АВАНГАРДИСТ С ЕВРЕЙСКИМ АКЦЕНТОМ

Михаил Гольд

В Национальном художественном музее Украины в январе прошла выставка одного из виднейших мастеров Культур-Лиги Марка Эпштейна.

В одиннадцать лет он изваял из снега Льва Толстого, попав со своим творением на страницы местных газет. В пятнадцать — сблизился с киевской группой маститых (под тридцать!) еврейских литераторов — заблиставшими вскоре Бергельсоном, Дер Нистером и Гофштейном. В восемнадцать стал членом правления Еврейского общества поощрения художеств. В 1919-м его памятник Тарасу Шевченко сносят деникинцы. В двадцать пять он уже мэтр, профессор Киевского художественного института, директор еврейской художественно-промышленной школы (ЕХПШ), один из основоположников национального авангарда. В тридцать пять впадает в безвестность и казенный соцреализм. В пятьдесят умирает.

Ī àðē Yī'òðàéí.

*Ēðàññ ĩàðì ààò-òðààà-
Ēĩĩàò 1920-ò ãããã*

Еще полвека — и имя Марка Эпштейна, подхваченное волной интереса к Культур-Лиге (см., например, в «Лехаиме»: Леонид Кацис. Экспедиция Ан-ского — Витебск — Культур-Лига. 2008. № 11; Гилель Казовский. Хуцпе идишского авангардного искусства. 2010. № 11), возвращается в художественный контекст. В начале 1920-х общества, клубы и группы с одноименным названием наносили пощечины общественному вкусу в Казани и Чите, Минске и Варшаве, Каунасе и Черновцах, Нью-Йорке и Чикаго, Берлине и Риге — везде, где идея «новой еврейской культуры», культуры идишской диаспоры «от Москвы до Нью-Йорка и от Лондона до Йоханнесбурга» находила своих адептов. Второе (и последнее) дыхание Культур-Лига обрела в 1930-х в Мексике и Аргентине, где развила сеть школ на идише.

А начиналось все в Киеве, где в апреле 1918 года состоялось учредительное собрание Культур-Лиги, главой Исполнительного бюро которой был избран министр по еврейским делам в правительстве Центральной Рады Моше Зильберфарб. В работу художественной секции включились наряду с Эпштейном Борис Аронсон, Соломон Никритин, Александр Тышлер, Абрам Маневич, Иссахар-Бер Рыбак, Иосиф Чайков, Сара Шор, Эль Лисицкий и др. Кстати, среди «и др.», примкнувших позднее к московскому отделению Лиги, такие фигуры, как Роберт Фальк, Марк Шагал, Натан Альтман и Давид Штеренберг. Синтез старого и нового, национального и универсального, превращающий еврейство в «нового члена большого сообщества мировой культуры», стал визитной карточкой организации. После ликвидации Министерства по еврейским делам в 1918 году Культур-Лига фактически оказалась главным и

единственным органом еврейской автономии на Украине. Впрочем, продолжалось это недолго, до 1921 года, когда Евсекция положила конец вольнодумству, основательно «коммунизировав» Культур-Лигу и распустив ее Центральный Комитет.

Об этом ярком феномене еврейского искусства XX века заговорили после выхода в свет книги Гилеля Казовского «Художники Культур-Лиги». А в 2007-м, усилиями Центра истории и культуры восточноевропейского еврейства, на родине Культур-Лиги — в Киеве, в Национальном художественном музее Украины прошла выставка, впервые масштабно отразившая поиски еврейских художников той эпохи.

Î àðë Ýìòàéí.

Ñòíëÿð çà ðàáíòíé.

Ñàðàéí à 1920-ò ããíà

На открытие пришли около пятисот гостей, уровень работ, представленных в экспозиции, потряс даже специалистов. Тем не менее дверь в мир полужабытых исканий еврейских художников только слегка приоткрылась, возбуждав любопытство знатоков. В Национальном художественном музее Украины обнаружилось 960 работ Эпштейна, и лишь несколько из них находились в постоянной экспозиции. Своим возвращением в Киев лучшие работы обязаны известному искусствоведу, ныне профессору, консультанту аукционных домов «Christies» и «Sotheby's», а в середине 1960-х главному хранителю Музея украинского искусства Дмитрию Горбачеву.

В 1966-м в Москве он познакомился с сестрой Марка Эпштейна Августой, жившей в квартирке в Сокольниках, где в узенькой прихожей лежала потерянная папка с рисунками брата, примерно сотня из которых были высочайшего уровня. Еще несколько лет — и они были бы утеряны безвозвратно, но Августа Эпштейн официально передала наследие брата в Музей украинского искусства.

Впрочем, до истинного возвращения Эпштейна в Киев было еще далеко. Ведь перед Горбачевым встала новая проблема: как «легализовать» этот неожиданный подарок в музее, полным бдительных борцов с «формализмом» — изошренных зоилов левого искусства. И молодой сотрудник просто определил работы в архивный фонд, куда цензоры не совали свой нос.

В 1990-х Эпштейн «участвует» в первых выставках украинского авангарда в Европе, прошедших с огромным триумфом. Правда, вспоминает Горбачев, рецензенты из украинской редакции «Радио Свобода» ворчали: мол, это же украинский авангард, почему так много евреев? На что получали невозмутимый ответ: «Вам еще повезло — во Франции из французов только Брак и Леже...»

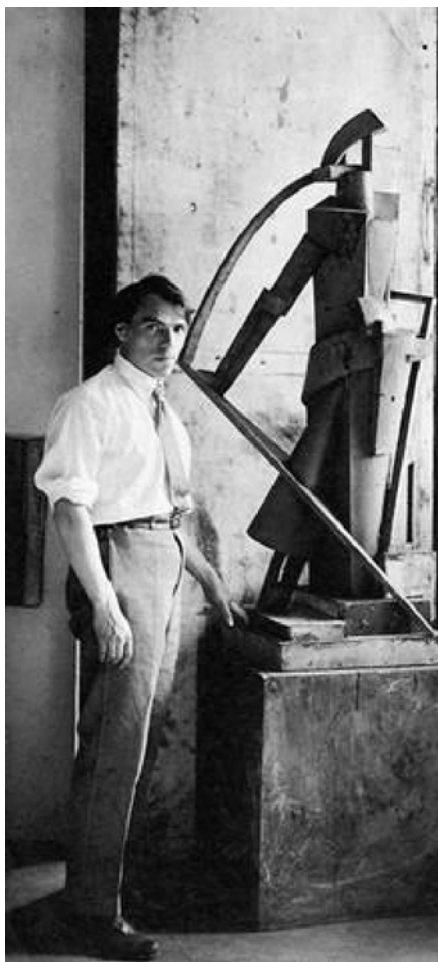
В полный голос Эпштейн зазвучал только в 2007-м на выставке художников Культур-Лиги. Тогда директор Парижского музея искусства и истории иудаизма, заприметив две работы мастера, стала упрашивать одолжить их ей для экспозиции в Париже в обмен на любые раритеты из своей коллекции, среди которых и Шагал, и Хаим Сутин, и Хана Орлова.

Так, в полном соответствии с принципом от «общего к частному», после обзорной выставки мастеров Культур-Лиги возникла идея обратиться к Эпштейну.

С 1919 года он преподавал в художественной студии Лиги, а с 1923-го возглавлял созданную на ее базе Киевскую еврейскую художественно-промышленную школу. Времена были еще относительно «травоядные», до разгрома левого искусства было далеко, достаточно сказать, что в 1924-м в США прошла выставка работ учащихся ЕХПШ. По свидетельству (возможно, апокрифическому) одного из учеников, строгий директор наставлял своих воспитанников: «Надо рисовать так, чтобы было видно, что это сделано евреем!»

Третье десятилетие XX века стало для Эпштейна определяющим, хотя большинство членов художественной секции Культур-Лиги покинули Киев еще в 1923-м. Он же держался до последнего, дождавшись-таки клейма «формалиста», и уехал в Москву только в 1932-м, когда постановлением ЦК были ликвидированы все художественные объединения и группировки, а школа, в которой Эпштейн директорствовал, была закрыта.

Ирония судьбы: большая часть сохранившихся в запасниках Национального художественного музея Украины работ Эпштейна — малоинтересные живописные полотна конца 1930-х и 1940-х годов, когда художник уже был надломлен пристальным вниманием к себе «Софьи Власьевны». Именно поэтому на выставке представлено только девять картин этого периода — как наглядное свидетельство того, во что можно превратить талант бунтаря, если системно с ним «работать». Но графика мастера стала откровением для посетителей, то и дело интересовавшихся, откуда, собственно, коллекция. А узнав о местном происхождении шедевров, в недоумении пожимавших плечами: где они раньше были? «Рыбак», «Крестьянка, пьющая воду», «Возвращение с поля» — фигуры сильных во всех смыслах этого слова людей стали результатом «турне» по еврейским колониям Крыма, в которое в 1928 году художника отправил ОЗЕТ. Эти рисунки и выполненные тушью кубистические работы ранних 1920-х — «Семья портного», «Виолончелист», «Женщина с коромыслом» — составили ядро экспозиции. Комментируя эпштейновское «рисовать так, чтобы было видно, что это сделано евреем», Горбачев особо отмечает архетипичность его графических образов: мощные женщины, призванные рожать библейских исполинов, мужчины-богатыри, крепко привязанные к земле. Причем стилистически все эти персонажи решены в барочном духе, а это уже украинский феномен. Недаром Эпштейн вошел в обиход великих как украинский авангардист с еврейским акцентом.

Ī àdē Yīōōāēī ó nīāēē tēōēīī ōōōī.

Ēēāā

Nāōōēēī à 1920-ō āāāā

Отдельный зал посвящен театральным эскизам мастера, в которых чувствуется влияние Александры Экстер, в чьей студии он некоторое время учился. Часть из этих набросков хранится сегодня в Музее театрального, музыкального и киноискусства, в папках с материалами о почти 70 еврейских театрах, работавших в разные периоды на территории Украины. Одна из стен превращена в условную сцену с декорациями реального спектакля. Архаичный «ребё Шлойменю» из «Цвей кунилемлех» и франтоватый «Абрамчик» из «Ристократн», утонченная «мадам Голд» и вульгарная «гостья», неряшливый «меламед» и растерянный «Калман-шадхен» — яркие, экспрессивные, убедительные — характерные штрихи к портрету последнего киевского «культур-лигиста».

Интересен и ряд обложек, созданных Эпштейном для детского журнала «Фрейд» в 1922–1924 годах. «Ничто не проходит мимо журнала: и Конгресс Коминтерна, и землетрясение в Японии, и постройка воздушного флота, и Красная Армия», — отмечала «Пролетарская правда» в ноябре 1924-го.

В третьем зале — живописные работы мастера и, увы, только фотографии его скульптур. Для современников ранний Эпштейн был прежде всего скульптором, и символично, что ни одна из его лучших пластических работ не сохранилась. Имитация афишной тумбы эпохи нэпа с архивными фото «Дамы в шляпке» или «Человека с трубкой» отчасти реконструирует утраченную страницу творческой биографии скульптора, с середины 1930-х зарабатывавшего на жизнь бюстами вождей и мемориальными досками. Потом была война, эвакуация, смерть жены, скитания по коммуналкам, болезнь (порок сердца) и смерть после одного из худсоветов в августе 1949-го. На этом можно было бы поставить точку. Но история, казалось бы, преданного забвению наследия Культур-Лиги свидетельствует, что точки имеют свойство превращаться в запятые и отточия.

Èðáí Í àì èðíáñéè

Ì àðèæ, Ì àì ìðèàè Ñíà, àì 13.03.2011

Èðáí Í àì èðíáñéè

1930 ãã

Óíðíáñáèÿ Áèíèáò Æðèíá

Готовить выставку о писателе — занятие не из легких, если не сказать безнадежных. Но жизнь Ирен Немировски полна стольких событий, что лишь одна биография способна снабдить материалом дюжину кураторов. Тем более что в парижском случае куратором стал писатель Оливье Филиппона.

Рассказ о Немировски разбит на четыре части: «Русская», «Француженка», «Апатрид», «Еврейка». В России она прожила до 1918 года, покинув Петроград 15-летним подростком. Во Франции Немировски начала писать, опубликовала полтора десятка книг. Ее первый роман «Давид Гольдер» экранизировал Жюльен Дювивье. Киноплакат к «Гольдеру» представлен на выставке вместе с фотографиями, рукописями и письмами. Известность не помешала властям отказать ей в натурализации, и 13 апреля 1942 года ее арестовали как лицо без гражданства. Немировски отправили в Освенцим, в свидетельстве о смерти записано: смерть от гриппа (так обычно обозначали смерть от тифа).

Настоящая слава началась уже в наши дни, когда была опубликована сохраненная в архиве дочери «Французская сюита» и переизданы произведения 1920–1930-х годов. Только тираж ее книг, переведенных на английский, превысил 2 млн экземпляров. Но разве дело в цифрах?

Êàðàí ààóí úé ðéñí íé: íò Í ðáñò à Êéí ðáí ñéí à ãí Êáçéí è ðà Í àéçáé: à

Ì ñéàà, Òðáò ùéí áñéàý ãééðáý, ãí 17.04.2011

Ì èòàéé Áðáçáú

Áàðáíí ó çáíí ðà (òðááí áí ò).

1904 ã ã

Òðáò ùéí áñéàý ãééðáý

У цикла выставок в Лаврушинском переулке академическое название — и вполне живое содержание. В рамках проекта «Техника и материалы графики» показывают редкости разных эпох. Редкости они в любом случае: графика не любит света, и потому правила хранения запрещают выставлять ее больше чем на полгода. Раз в десять лет вытаскивают на свет — и опять в папки.

«Карандашный рисунок» — это шесть залов, более 150 работ, начиная с XVIII века (тогда еще использовали серебряный и свинцовый карандаши) и вплоть до авангарда (Гончарова, Малевич, Григорьев и их современники работали уже черными и графитными карандашами). Среди сюжетов много библейских, особенно популярных в первой половине XIX века. На выставке можно увидеть и работы полузабытых мастеров, например «Рождение Иоанна Крестителя» А. Е. Егорова (1776–1851), и «Мор в Иерусалиме. Наказание царя Давида за истребление народа» А. И. Иванова (1775–1848), отца Александра Иванова. Классики представлены эскизами к своим полотнам. Так, Брюллов — к картине «Иосиф и жена Пентефрия» (1827–1830), Верещагин — к «Всемирному потопу» (1869), Репин — к «Воскресению дочери Иаира» (1870), а Поленов — к «Христу и грешнице». На поленовском примере видно, как долго порой мог обдумываться замысел: эскиз датирован 1883 годом, картина возникла лишь в 1887-м.

Особенно хороши в Лаврушинском портреты — будь то автопортрет франтоватого Бакста (1906) или серовские работы, которым отдан почти целый зал. Здесь эскиз к знаменитому портрету Иды Рубинштейн и два наброска Карсавиной, классики МХТ, от Станиславского до Качалова, и Генриетта Гиршман, жена известного московского мецената. Мир театра и ателье притягивал многих: Александр Яковлев запечатлел, например, Николая Радлова, да и работы Фалька связаны с людьми искусства.

Жаль, что цикл графических выставок не сопровождается публикациями. Приходится утешаться академическим каталогом собрания Третьяковки. Его тома продаются по отдельности.

«Nò ðáí ú, èbàè, ã ðíää»

Áàèáðáÿ «Áàèèóí » (á ÖÄÖ), äí 10.03.2011

I àí á Èàö.

I àÿé. Áðàòáí ú

1929 ãä

Áàèáðáÿ «Áàèèóí »

Времена, когда ландшафты рисовали для богатых путешественников, давно прошли: фотография изменила наши представления о сувенирах. Но пейзажи, к счастью, остались. Галерея «Веллум» собрала более 80 работ таких художников, как Давид Бурлюк, Виктор Уфимцев, Александра Коновалова, Борис Смирнов-Русецкий, Иосиф Островский... География их разездов охватывает весь мир, от Крайнего Севера и Флориды до Самарканда и Туниса. Африка запечатлена на картинах Уфимцева, но здесь побывал и Мане-Кац (1894–1962), представленный на Крымском валу бретонским пейзажем.

Уроженец Кременчуга, Мане-Кац (псевдоним Мане Лазаревича Каца) учился в Киеве, а затем в Париже, где дружил с Хаимом Сутиным и другими монпарнасцами. После войны вернулся на родину — преподавать, участвовать в авангардистских объединениях и выставках, а также собирать старинную иудаику. Мане-Кац вел жизнь странника: в начале 1920-х он уезжает в Берлин, затем на долгие годы оседает в Париже, где много выставляется, работает, как и многие популярные авторы той поры, для домов моды Пату и Шанель, ездит по стране и миру, посетил несколько раз Палестину (еврейские сюжеты занимают важнейшее место в его творчестве). В начале войны он идет на фронт, попадает в плен, откуда бежит — и умудряется оказаться в Нью-Йорке. После войны жизнь его похожа на сказку: путешествия, включая кругосветку; в Хайфе, которой он незадолго до смерти подарил свою коллекцию, ему построили ателье и музей.

Жаль, что пряников не хватает на всех.

Î áðàç ò áëà

Çàëüüáóðä Î óçàé ì íäðíà, äí 27.03.2011

Áëëü Óáððä

2001 ää

× àñò í äü èíëëáëöëÿ.

Î óçàé ðáððü áí í íäë èíëóñíð áà á Çàëüüáóððü

Современному взгляду на тело как на выразительное средство — одна из главных тем искусства — посвящена выставка, сделанная на основе собственной коллекции зальцбургцев. Обычно такие проекты носят скорее ознакомительный, чем концептуальный характер. Но в данном случае идея не была ограничена возможностями материала. Музей модерна хоть и занят активным собиранием региональных авторов, но не забывает о большом мире. В его запасниках найдешь многое и многих, от работ нынешних австро-немецких классиков Вали Экспорт и Штефана Балькенхоля до произведений болгарки Боряны Венциславовой и Гиля Шахара из Израиля.

Есть здесь и работы одного из самых интересных творческих дуэтов наших дней — уроженца австрийского Граца Маркуса Мунтяна и уроженки Хайфы Ады Розенблюм. Они выставляются в местах не столько престижных, сколько знаковых, таких, как биеннале Берлина и Сан-Паулу или лондонская галерея Саачи. Мунтян и Розенблюм часто работают с изображениями тинейджеров, выполненных в формате комикса и журнала мод одновременно. Как заметил один из критиков, это напоминает ситуацию, как если бы Энди Уорхол встретился с Жан-Луи Давидом. Едко и метко: во времена смешения стилей и повального торжества фьюжн, от кухни до искусства, иного сравнения не подберешь.

Áëáëíëé Î íëðíáíä

ДВЕ ЧУЖБИНЫ

Óðalí ö Áðeéíí áððáð
Ááðáééà èç Õíéááí

Алексей Мокроусов

Австрийский драматург Франц Грильпарцер вошел в историю многими пьесами. «Еврейка из Толедо» — не самая из них известная. Сегодня она переживает второе рождение: в Вене ее поставили в знаменитом «Бургтеатре», в Германии переиздали запись легендарного спектакля двадцатилетней давности.

Ñí áeò áeéü Ñò áóáí á Èèí ì èãí

Ááí á, «Áóðáò áàò ð». Ñáçíí 2010/2011

Ñóáí á èç ñí áeò áeéü Ñò áóáí á Èèí ì èãí

íí ì ìéáá Óðalí öá Áðeéíí áððáðá «Ááðáééà
èç Õíéááí».

Ááí á

2010 ãá

Успешный драматург, в начале 1840-х годов Франц Грильпарцер (1791–1869) обиделся на театры и перестал отдавать им свои новые произведения. Пьесы ложились в стол; премьеры проходили уже после смерти авторы. Подобная участь ожидала «Либушу» и «Распря братьев в роде Габсбургов». Такая же судьба постигла и «Еврейку из Толедо», написанную в начале 1850-х годов (по уточненным данным — в 1851-м) и поставленную только в 1872 году. Премьера прошла в Праге, а не в Вене — главном городе для Грильпарцера.

Почему он избрал сюжет, связанный с преследованием евреев в Кастилии XII века, поначалу не очень понятно. В тогдашней Австро-Венгрии, стране с едва ли не самым либеральным законодательством Европы, где права австрийцев и евреев уравнивали еще в XVIII веке, антисемитизм был вроде бы не очень актуален. Тем не менее спектакль открывает монолог короля (его играет Петер Йордан) о патриотизме. Он

стоит перед опущенным занавесом, на который проецируются горные виды. И это явно не Пиренеи. Это Альпы.

Считается, что Грильпарцер позаимствовал сюжет из «Хроники испанских королей» (около 1270 года). Ее автор, историк и сам король Альфонс X Мудрый, описывает судьбу Альфонса VIII. Тот долгие годы был влюблен в еврейку Формозу. Из-за этой связи, как считало королевское окружение, а также его жена Элеонора Английская, дела государства пришли в упадок. Формозу убили, но король понес наказание за распутство, проиграв 11 июля 1195 года битву при Аларкосе. При этом обычно забывают упомянуть, что войско арабов значительно превосходило силы кастильцев, и еще вопрос, если король и был наказан небесными силами, то за что? Может, за то, что не смог уберечь свою любовь?

Структура общественной жизни XII века вряд ли предполагала пространство для личной свободы. В последующих интерпретациях сюжета, прежде всего в «Примирении королей» Лопе де Веги (в записях Грильпарцера есть упоминания об этой пьесе; в его сборнике, изданном «Искусством» в 1961 году, она неточно названа «Миром королей»), упор сделан на драму короля, влюбившегося неправильно. Да и сам Грильпарцер при написании пьесы вдохновлялся, судя по всему, событиями в Мюнхене, где Людвиг Баварский так полюбил ирландскую танцовщицу Лолу Монтес, что решил оформить ей вне очереди гражданство. Кабинет министров подал в знак протеста в отставку, народные волнения привели к отмене решения.

Спектакль же, поставленный в венском «Бургтеатре» Штефаном Киммигом, переносит действие в наши дни. Мебель, включая офисные кресла на колесиках, костюмы нынешнего кроя и свитера, прически, даже противогаз на сцене, которым тушат поминальные свечи, — художник Катя Хас не оставляет прошлому ни малейшего шанса, это история о здесь и сейчас. И хотя в спектакле звучат еврейские песни, а католический крест оказывается одним из важнейших элементов оформления, сама история Рахели (Йохана Швертфегер) и ее безумной страсти к королю выглядит историей двух влюбленных, один из которых воспринимается в окружении другого как чужой. Потому для свиты роман короля является интеллектуальной задачей, не более того. Сам король, кажется, не способен к сложной рефлексии, он по-детски непосредственный, если не сказать — инфантильный в своих реакциях. Рахель понимает, что он не любит, а, скорее, забавляется с ней, — иначе посмел бы его друг приставать к ней? А когда королю сообщают: «Она мертва», и он пытается приобнять сестру Рахель Эстер (Катарина Лоренц), что в этом жесте? Стремление найти утешение? И если да, то какого рода?

А может, еврейка из Толедо — это об Эстер? Это она главная героиня пьесы? Ее гордый ответ на реплику «Мы христиане» — «Я еврейка!» многое определяет в спектакле. И финальный монолог «Ты видишь? Вновь они собой довольны...» — разве это не смысловой контрапункт пьесы и одновременно пророчество? Или эта роль все-таки отведена статье Карла Маркса «К еврейскому вопросу», которую цитирует программка? Маркс утверждал, что «гражданское общество из собственных своих недр постоянно порождает еврея» — в том смысле, что иным для собственного развития необходим чужой как враг. Но что такое чужое и чужбина сегодня, когда все меняют города и страны, провоцируя привычки и традиции к невиданной прежде способности меняться? И как быть с теми, у кого, как писал в одном из стихотворений Грильпарцер, две чужбины и ни одной родины?

Ni aeo aeeu Oi i ana Eai ai oa

Caui baodaee e oai e aeeu Cai eni 1990 aa (DVD. Arthaus Musik)

В Германии вышла на DVD запись легендарного спектакля Томаса Лангхофа. Это постановка Зальцбургского фестиваля 1990 года, одна из успешнейших в его истории (спектакль возобновили в 1991 году — случай редкий для драматической программы Зальцбурга). Томас Лангхоф поставил психологическую драму, посвященную человеку на вершине власти. Король, которому не принадлежат даже его чувства, оказывается заложником собственного трона.

В декорациях Юргена Розе все условно. Стена собрана из белых квадратов, сад в первом действии обозначен низкорослым кустарником. На заднем фоне то появляется всадник на лошади, то проплывает барка с музыкантами.

Судя по костюмам и кирасам короля и его офицеров, действие перенесено во времена Грильпарцера (в сцене в гардеробной Розе не скрывает восторга перед театром XIX века, устроив настоящее пиршество платьев). В короле (Ульрих Мюэ) проскальзывают черты Франца-Иосифа, да и королева (Сибилле Каноника) порой напоминает Сиси. Зато Рахель (Сюзанне Лотар) одета этнографично. Она здесь избалованное дитя, жертва обстоятельств — в отличие от короля, психологически тонкого, вызывающего в памяти позднего Даля. Впрочем, Мюэ, любимец Хайнера Мюллера, пригласившего его из Карл-Маркс-Штадта в свой театр в Берлине, и Михаэля Ханеке, снявшего его в экранизации кафкианского «Замка» и в «Забавных играх», вряд ли нуждается в сравнениях. Достаточно вспомнить его капитана штази в фильме «Жизнь других» (актер получил за нее премию Европейской киноакадемии) или роль еврея профессора Грюнбаума, готовящего с Гитлером новогоднюю речь в вызвавшей много шуму комедии швейцарца Дани Леви «Мой фюрер: самая правдивая правда об Адольфе Гитлере».

Телеверсия спектакля сделана довольно аккуратно — может, потому, что Лангхоф сам ее режиссировал (впрочем, ритм в театре убыстрился за последние двадцать лет). Она позволяет увидеть то, что недоступно в театре. В сцене, когда король остается во дворце вдвоем со слугой — что мог увидеть зритель в зале, кроме спинки трона, на котором восседает Альфонс? В телеверсии нам показывают лицо короля.

От сцены к сцене становится все темнее (художник по свету Франц Петер Давид). После того как Рахель топят в бассейне, сгущение света достигает высшей точки. Он кажется теперь ярким, но это какая-то болезненная яркость. В мире, где все неправильно, не нужен правильный свет.

НЕДОВЕСТЕРН

Pòèé Ntèràrà

«Ààààí àú òàòò èà»

Dààèññàdù Ààéíyè è Èòàí Èíyí ú
ÑÒÀ, 2010

Им всё игрушки, вечные дети, синефилы, они хотят поиграть во всех песочницах, со всеми жанрами старого Голливуда: нуар — эксцентрическая комедия — мюзикл — фильм «по мотивам реальных событий» — теперь вот еще и вестерн. Они не создают новых смыслов. Они создают новые сочетания из осколков старых жанров. Сочетания — сатирические, абсурдные, сюрреалистические. Козны — калейдоскоп. Этим завораживают. На стыках жанров у них получается интересней.

Козновская манера изначально не казалась выигрышной применительно к много пережившему Вестерну. Интересно, как в рамках заданного жанра чувствовали себя режиссеры-евреи, первопроходцы? Г.М.Андерсон (Аронсон), Фриц Ланг, Уильям Уайлер? Многие из них бежали в Америку от фашизма. В быту им приходилось сталкиваться с антисемитизмом. А вот на тебе — приложили руку к созданию Великой Расистской Саги. Правда, справедливости ради надо сказать, что евреи были и в числе тех режиссеров, кто разрушал идеологию, боролся с ложным пафосом. Со все возрастающим гневом, пылом, сарказмом и ожесточением. Фред Циннеман, Энтони Манн, многие другие. В результате вестерн саморазвалился. То, что этот жанр на сегодня мертв, для многих не требует доказательств. Но не меньше и тех, кто ждет воскрешения. Заявлять в таком контексте, что ты собрался снимать вестерн, как-то... дерзко. Слишком много к тебе сразу вопросов, слишком много ожиданий. Но самое удивительное, что никакого туза в рукаве у Кознов приготовлено не было. Ни новых переосмыслений, ни даже новых супертехнологий, как у Кэмерона. За дело братья взялись совершенно бесхитростно: сняли фильм так, будто на дворе 1980-й. История взята за основу простая. Некий Джон Чени убил отца 14-летней героини. Девочка нанимает шерифа Кобурна, чтобы тот разыскал убийцу в диких местах, куда тот скрылся. Если сравнивать фильм 2010 года с версией 1969-го, то он во многом уступает. Старая версия, например, лучше рассказана, как-то правильнее, зачин не проболтан в закадровом монологе, как у братьев, а обстоятельно показан. Героиня в первой версии более объемная: смешная, жадная, упертая, но и человечная. У Кознов только упертая. Братья своей девочке тоже симпатизируют, но уважают ее гораздо меньше. Они вообще героев своих фильмов не шибко уважают. Относятся к ним свысока. Как к недотыкомкам. К недокозам. Особо с ними не церемонятся. Чего не было и в помине в первой экранизации. Переводчики это чувствуют. Не случайно название первого варианта переводилось более уважительно («Истинная твердость», «Настоящее мужество»). Во втором оно уже прозвучало фамильярной «Железной хваткой». Это как если бы «Человек без комплексов» вдруг обернулся «Человеком без принципов». Очень похоже, да только смысл перевернут... Зато у братьев смачная атмосфера леса. В поисках убийцы героиня пробирается через мистические места, сумрачные, подавляющие, пробирающие холодом. Чем-то атмосфера напоминает сказки братьев Гримм. Что для вестерна вообще-то неожиданно. Пожалуй, это единственная бесспорно удачная находка.

Результат симпатичный, но какой-то несолидный. Обескураживающий своей неамбициозностью. Фильм сделан как-то в проброс, на автопилоте. Такое ощущение, что в момент работы над «Хваткой» братья были больше озабочены другими, будущими, более важными проектами. Для вестерна в нем слишком мало вестерна. Брутальности, звероватости, ожесточения, мужского рыка, запаха портянок. Слишком все как-то миленько, по-девчоночьи. Для Коэнов в нем слишком мало Коэнов. Нет безумного блеска глаз, неординарности, прорывов черт знает куда. Фиги сложены, но как-то дежурно. Знают ли сами Коэны, что сняли этот фильм?

КОГДА ДОКТОР СМЕРТЬ БЫЛ ЕЩЕ ЖИВ

Èðèí à Ì àé

«Ì àðàóíí àó»

Ðáæèññàð Áæíí Óéáçéí àñð
ÑΘÀ, 1976

Èíòáíí Ì ééáíà è Ááñðéí Óíóóí áí á òééíí á Áæíí à Óéáçéí àñð «Ì àðàóíí àó».

1976 ãã

Относительное изобилие фильмов о Холокосте, снятых, в основном, в последние годы и десятилетия, воспринимается сегодня как обычное дело, дань прошлому, которое ни для кого не секрет. Трудно представить себе, что еще четверть века назад все было иначе, по крайней мере в нашей стране. Нам настолько не показывали ничего, что кадры из «Марафонца», увиденные на видеокассете в конце 1980-х, воспринимались почти как документ.

Выцветшая татуировка — номер узника концлагеря на руке усталого человека, который пытается опознать в уважаемом старике своего давнего мучителя, — стоит перед глазами и сейчас. На этом кадре я пару раз, уже в 2000-х, случайно включала телевизор — и всегда смотрела дальше. Эта мимолетная сцена — эпизод запутанного детективного сюжета, с погонями и стрельбой, который легко можно причислить и к жанру триллера. В фильме столько неизбежных смертей, что в какой-то момент они перестают удивлять. Только главный герой остается жив.

Его сыграл 38-летний Дастин Хоффман, легко помолодевший и перевоплотившийся в аспиранта-историка Томаса Леви. Он пишет диссертацию в Колумбийском университете и тренируется по утрам в Центральном парке, в надежде пробежать марафон. Он кажется намного моложе своего реального возраста: таким мы Хоффмана прежде и не видели. Разве что в «Крамере против Крамера» и в «Тутси», шедших в несколько кастрированном виде в советском прокате и в действительности снятых позже. Более ранние фильмы с Хоффманом — «Выпускник» и «Полночный ковбой», который даже в США в 1969 году посчитали настолько непристойным, что разрешили прокат только в двух кинотеатрах, в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, — в нашей стране показать в то время никак не могли. Дастин Хоффман для нас совсем не был героем.

Маленький — рост 1 метр 66 сантиметров, не красавец, потомок еврейских эмигрантов из России, с обаятельной улыбкой и умным прищуром, он заменил в «Марафонце» Аль Пачино, которого изначально видел в этой роли режиссер. Не сыграла здесь и Джулия Кристи: ее роль — немки, работавшей на бывших нацистов, скрывавшихся в Южной Америке, — отлично исполнила Марта Келлер. И тем не

менее в картине задействована настоящая звездная команда. Из первоначально предполагавшихся актеров в итоге остался Рой Шайдер, известный по фильму Боба Фосса «Весь этот джаз», — он играет Генри Леви, старшего брата Тома, по заданию американских секретных служб выслеживающего скрывшихся от возмездия фашистов. Малыш, он же Том, об этом не догадывается, считая, что у богатого брата нефтяной бизнес.

Один из таких сбежавших нацистов — доктор Зелл, проводивший в Освенциме опыты над узниками и успевший перебраться после войны в Парагвай. Для Зелла Генри — один из курьеров, через которого стареющий преступник переправляет свои бриллианты в нью-йоркский банк. А значит, один из тех, кто знает о его прошлом и кого нужно убрать. Убив Генри, Зелл пытается его брата Малыша, рассчитывая выяснить, что тот знает. Сцены с пытками, эти страшные дантистские упражнения и постоянно, с упорством маньяка, повторенный Зелом вопрос «Is it safe?», обращенный к Малышу, заставляют вспомнить все, что мы читали и слышали об изуверствах Менгеле. И восхититься игрой Лоуренса Оливье. Именно он, величайший артист Британии, игравший Гамлета, Шейлока и Отелло, сыграл в «Марафонце» доктора Смерть.

Разумеется, прототипом Зелла стал Йозеф Менгеле, ставивший на своих узниках бесчеловечные эксперименты. Разумеется, я знала о его изуверствах. Но это были случайные сведения — других в те годы не существовало. Документальных фильмов на эту тему не показывали — пришлось бы много говорить о евреях, а это было запретное слово на советских экранах. Самое обидное, что тогда был жив еще кто-то из его «пациентов», и на Западе эти свидетельства преступлений безусловно снимали и показывали, и сегодня мы имеем возможность посмотреть эти настоящие документы. Но тогда за границу никто не ездил. После премьеры «Семнадцать мгновений весны» всех занимала история Мартина Бормана, сбежавшего после войны в Латинскую Америку. Остальные беглецы казались персонами не того масштаба.

Между тем Менгеле был не просто садистом. В 1935-м этот практик и теоретик нацизма защитил диссертацию на тему «Расовые различия структуры нижней челюсти», заранее получив индульгенцию на свои опыты над представителями низших рас. Как и его экранный клон, Менгеле умудрился избежать наказания, скрывшись в Парагвае, а потом перебраться в Аргентину. На момент написания британским писателем Уильямом Голдманом, автором сценариев «Бутча Кэссиди и Санденса Кида» и «Всей королевской рати», сценария по собственному роману «Марафонец» Менгеле был еще жив. Люди из «Моссад», которые занимались в 1960 году в Буэнос-Айресе похищением Эйхмана, выследили и его, но побоялись рискнуть и спугнуть главную персону. Менгеле утонул во время купания в 1979-м — у него случился инсульт. Его кинодвойнику пришлось хуже. Ни Голдман, побывавший на войне, ни режиссер Джон Шлезингер, сын лондонского врача-еврея, попавший на фронт в 1943-м, явно не были склонны оставлять Зелла в живых.

Прилетев на несколько дней из Парагвая в Америку — забрать из банка собственные бриллианты, в покупку которых он вкладывал средства всю жизнь, Зелл впервые попадает в логово врага — центр еврейской жизни Нью-Йорка. Сегодня этими подробностями едва ли кого удивишь, но в конце 1980-х барышня в СССР, увидевшая на экране седобородых раввинов и ортодоксов, спешащих по Шестой авеню, не поверила своим глазам. Боюсь, я тогда вообще впервые увидела на экране столько евреев. Стоя посреди бородатых мужчин в кипах и дородных дам, разглядывающих в ювелирных лавках бриллианты и безусловно имеющих средства, чтобы их купить, богатейший нацист теряет весь свой апломб: мир изменился, пока он отсиживался в глуши. В фильме эти кадры моментальны. Чтобы представить себе эту картину, лучше обратиться к роману Голдмана:

«Восхищенный и веселый, Зелл безмятежно бродил среди евреев. Он и понятия не имел, что такое место, как бриллиантовый рынок, существует где-то в мире, но оно существовало, во всем своем этническом величии, простиралась от Пятой до Шестой авеню по Сорок седьмой улице. Зелл стоял с чемоданчиком в руке на тротуаре. Даже банк на углу Сорок седьмой улицы и Пятой авеню был Государственным банком Израиля <...> Потом Зелла узнали. И сам Зелл узнал — продавец с лагерной татуировкой на руке. И какая-то женщина с измученным лицом, едва заметив пожилого лысого господина, закричала:

— Дер вайссе Энгель! <...>

— Он уходит! Я остановлю его!..»

Невероятная история. Манхэттен кишмя кишел узниками нацистских концлагерей, и все они помнили Белого Ангела — так Кристианна Зелла прозвали в Освенциме за раннюю седину.

В этой пестрой еврейской толпе Малыш находит своего мучителя. Сотни многократных бриллиантов рассыпаются по гремящей железной лестнице водонасосной станции, где разворачивается последний поединок Ангела и Малыша. Этот поединок — реальный, а не выдуманный — продолжался все время, пока шли съемки, так гласит одна из легенд, которыми обросло снимающееся кино. Продукт американской актерской школы, а значит, верный наследник идей Станиславского, Дастин Хоффман пытался пропустить судьбу своего героя через себя, в буквальном смысле прожить его жизнь на экране. Он пробегал в день по четыре мили, чтобы обрести форму, и потерял за время съемок 15 фунтов, он выматывал себя бессонницей, когда, по сценарию, Малыш провел в пыточной Зелла бессонную ночь. Увидев все это, Оливье якобы спросил Хоффмана: «Не приходило ли вам в голову все это сыграть? Так намного проще».

Но миф не учитывает реальных фактов: Дастин Хоффман тогда переживал развод с первой женой, и бессонные ночи были для него, по его собственным воспоминаниям, обычным делом. В любом случае, все кончилось миром: в последний день съемок Лоуренс Оливье подарил своему младшему коллеге собрание сочинений Шекспира, и, к восторгу Хоффмана, сам тут же стал читать пьесы по ролям. Самого же Оливье этот фильм, как выяснилось, просто спас. У почти 70-летнего актера был рак, и врачи отпускали ему считанные месяцы жизни. Из-за этого студия «Парамаунт» отказывалась платить за страховку Оливье на территории Америки. Понадобилось выйти на палату лордов в парламенте Великобритании, чтобы те убедили страховую компанию «Ллойд» застраховать актера на время съемок в Штатах.

Страховка ему не понадобилась. По окончании съемок Оливье, который получил за «Марафонца» премию «Золотой глобус» и номинацию на «Оскара», прожил еще 13 лет. И это стало для него главной наградой.

сковывает движения при обнажении. А еще тогда я первый раз в жизни услышал властное томящее *puevo tango* Пьяцоллы, которое сквозным мотивом сопровождало все действие...

Повесть Кунина с необходимостью войдет в любое изложение хроники падения советского колосса на территории шестой части суши. О такой судьбе своего произведения многие писатели могли бы только мечтать.

Αέλιος από Εφύπια

